

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

ОКО МИРА

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 1

Колесо Времени

Роберт Джордан

Око Мира

«Азбука-Аттикус»

1990

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Джордан Р.

Око Мира / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус», 1990 — (Колесо
Времени)

ISBN 978-5-389-17954-7

Темный, средоточие вселенского зла, некогда заточенный Создателем в горном узилище Шайол Гул, успел навести порчу на мир, и люди, способные использовать Единую Силу и вершить с ее помощью великие деяния, ввергли мир в катастрофу, которую назвали Разломом Мира. На этом кончилась Эпоха легенд, и от прошлого в памяти человеческой остались одни лишь мифы. И разве могло прийти в голову Ранду, Перрину или Мэту, троице неразлучных друзей из затерявшейся в лесной глуши деревеньки, что мифы скоро обрастут плотью, а им самим предстоит оказаться в самом центре событий, от исхода которых будет зависеть судьба людей на земле. В настоящем издании тексты романов, составивших знаменитую эпопею «Колесо Времени», заново отредактированы и исправлены. Роман «Око Мира» дополнен авторским вступлением, ранее не переводившимся. Больше интересных фактов о вселенной Роберта Джордана читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-17954-7

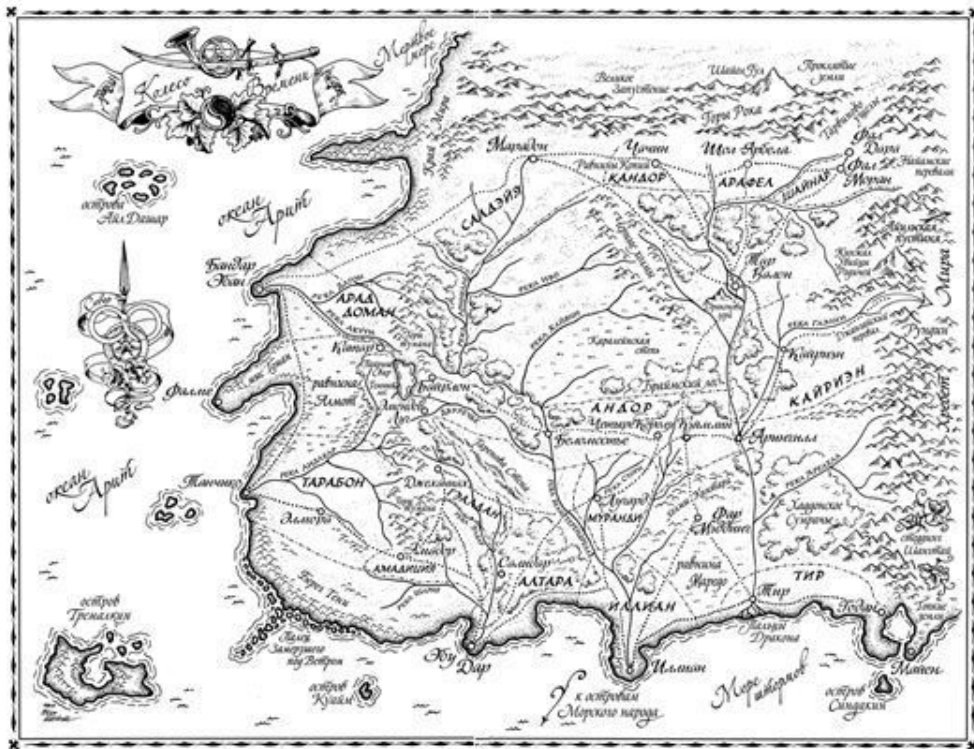
© Джордан Р., 1990
© Азбука-Аттикус, 1990

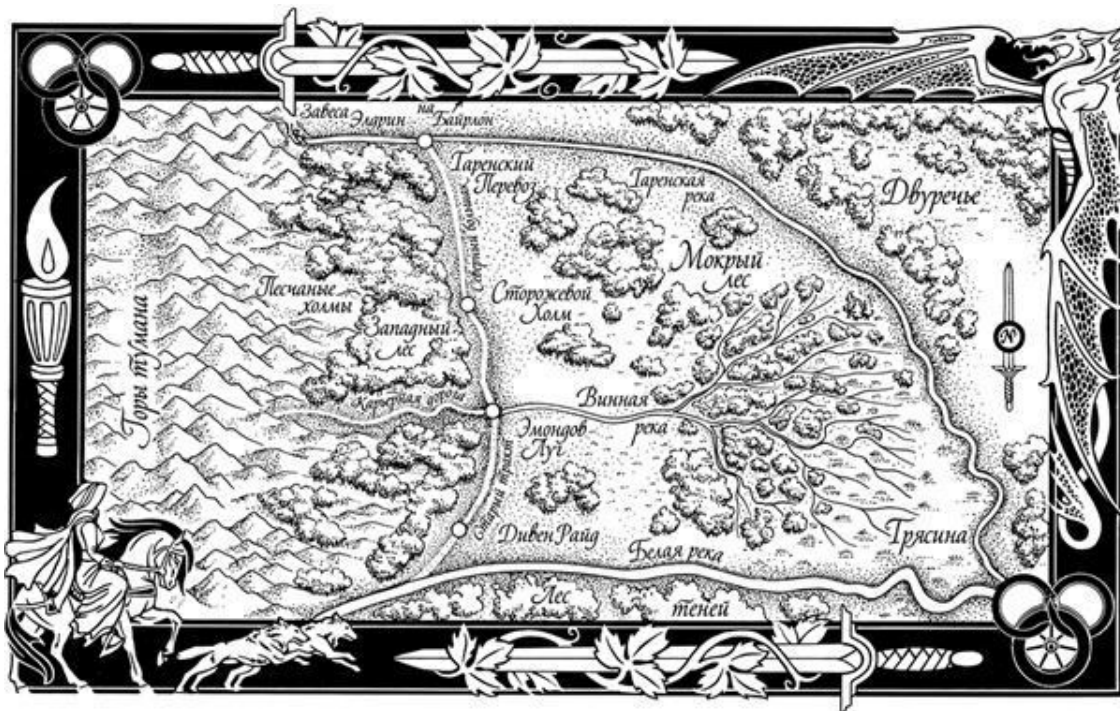
Содержание

Ранее	7
Пролог	24
Глава 1	29
Глава 2	41
Глава 3	50
Глава 4	60
Глава 5	71
Глава 6	83
Глава 7	89
Глава 8	99
Глава 9	110
Глава 10	122
Глава 11	130
Глава 12	137
Конец ознакомительного фрагмента.	145

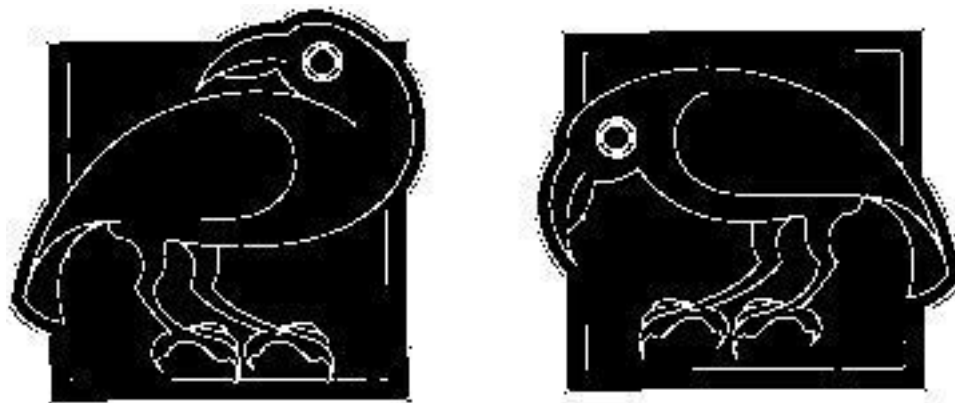
Роберт Джордан Колесо Времени. Книга 1. Око Мира

*Харриет,
любимой всем сердцем,
свету жизни моей,
навек*

Ранее Вороны

Здесь, вдали от Эмондова Луга, на полпути к Мокрому лесу, берега Винной реки обступали деревья. По большей части это были ивы, и их ветви с плотной листвой накрывали полосу воды вдоль берега тенистым пологом. Лето кончилось совсем недавно, солнце подбиралось к зениту, но легкий ветерок, холодивший вспотевшее тело, заставил Эгвейн зябко поежиться. Подвязав юбки коричневого шерстяного платья чуть выше колен, она зашла в реку, собираясь набрать воды в деревянное ведро. Парни входили в воду запросто, не волнуясь, что намочат штаны. Среди девочек и мальчишек, наполнявших ведра деревянными черпаками, нашлись такие, кто со смехом норовил плеснуть друг на друга водой, но Эгвейн наслаждалась тем, как поток, журча, обтекает ее голые ноги, как пальцы ног зарываются в песчаное дно, когда она возвращалась на берег. Она не играть сюда пришла. В свои девять лет она отправилась по воду впервые, намереваясь стать лучшим водоносом.

Остановившись на берегу, девочка поставила ведро и поправила юбки, вновь опустив подол до щиколоток. И заново перевязала темно-зеленый платок, которым были перехвачены на затылке волосы. Она очень хотела, чтобы ей разрешили подрезать их покороче – по плечи или вообще как у мальчишек. Конечно, когда-то ей нужно будет ходить с длинными волосами, так ведь до этого еще столько лет! Ну почему все время приходится делать что-то лишь потому, что так делалось всегда? Но Эгвейн знала свою мать и понимала: волосы у нее останутся длинными.

В сотне шагов ниже по течению мужчины, зайдя в воду по колена, купали в реке черномордых овец, которых позже собирались стричь. При этом они внимательно следили за тем, как животные заходят в поток и возвращаются обратно. Хоть Винная река была тут не так быстра, как в Эмондовом Лугу, но и медленным назвать течение было нельзя. Овца, унесенная течением, может утонуть раньше, чем сумеет выбраться на берег.

Крупный ворон перелетел через реку и поблизости от того места, где селяне купали овец, уселся на липу, выбрав ветку повыше. Почти сразу же на ворона, громко чирикавая, сверху принялся налетать краснохолик – вокруг черного силуэта так и мелькал красный сполох. Похоже, у краснохолика поблизости было гнездо. Но вместо того чтобы взлететь и, быть может, напасть на встревоженную птичку, ворон переступил лапами по суку и переместился вбок, под слабое укрытие нескольких веток поменьше. Ворон глядел вниз, на работающих мужчин.

Случалось, вороны досаждали овцам, но то, что этот ворон совершенно не обращал внимания на попытки краснохолика отпугнуть его, было в крайней степени необычно. Более того, у Эгвейн возникло странное чувство, что черная птица наблюдает именно за людьми, а не за

овцами. Это уж совсем глупо, разве только... Она слыхала, люди поговаривают, будто вороны и вороны являются глазами Темного. От такой мысли у девочки по рукам и по спине побежали мурашки. Вот же глупая мысль! Что бы такого Темному захотелось увидеть в Двуречье? В Двуречье никогда ничего не происходит.

– Эгвейн, чем ты тут занимаешься? – спросил, остановившись рядом с нею, Кенли Ахан. – Сегодня ты не можешь играть с детьми. – Он был старше на два года и держался очень прямо, стараясь выглядеть выше ростом, чем был на самом деле. Нынешний год был последним, когда в пору стрижки овец в его обязанности входило таскать воду, и вел паренек себя так, будто это обстоятельство наделяло его какой-то значимостью.

Эгвейн пристально посмотрела на Кенли, но ее взгляд не подействовал так, как она надеялась.

Он скривился и с недовольным выражением на квадратном лице промолвил:

– Коли тебе худо стало, сходи к Мудрой. А коли нет... ну... не мешкай с работой. – И с коротким кивком, будто бы разрешив проблему, Кенли поспешил прочь, явно напоказ неся свое ведро одной рукой, держа его на отлете.

«Долго он так ведро не протащит, лишь пока у меня на виду», – угрюмо подумала Эгвейн. Ей необходимо поработать над этим взглядом. Эгвейн видела, что у девушек постарше все получалось как надо.

Ручка черпака скользнула по краю ведра, когда девочка подняла его двумя руками. Ведро было тяжелым, а для своего возраста она не отличалась ни ростом, ни силой, но Эгвейн, как могла, заторопилась следом за Кенли. Разумеется, вовсе не из-за его слов. У нее еще много работы, и она намерена стать лучшим водоносом. С самым решительным выражением лица девочка зашагала вперед, из-под тенистого полога приречных деревьев навстречу солнечному свету, и под ногами у нее шуршал подстил прошлогодних листьев. Жара стояла умеренная, и несколько маленьких белых облачков в высоком небе, казалось, еще более усиливали яркость утра.

Большую часть года окруженный кольцом деревьев луг вдовы Айнал – сколько помнили, так его называли все, хотя никто ведать не ведал, кто такая эта вдова Айнал, – оставался пустым, сегодня же здесь не протолкнуться было от людей и овец, и число овец намного превышало число людей. Тут и там из земли торчали большие камни, некоторые высотой в человеческий рост, но они не были помехой оживлению, царившему на лугу. Сюда собрались селяне со всех ферм, разбросанных вокруг Эмондова Луга, деревенский люд явился помочь родичам. В деревне у всех кто-то из друзей или родственников жил на одной из окрестных ферм. А стрижка овец проходила ныне по всему Двуречью, от Сторожевого Холма и до Дивен Райд. Исключая, разумеется, Таренский Перевоз.

По такому случаю, следуя обычаю, многие женщины красовались в свободно наброшенных на плечи шалях, их прически были украшены цветами, так же принарядились и несколько девушек, из тех, что постарше, хотя они еще и не заплетали волосы в длинные косы, как это положено женщинам. Нашлись и такие, кто оделся в платья с вышивкой по вороту, будто сегодня и в самом деле был праздник. Большая же часть мужчин и мальчишек, напротив, пришли на луг без курток, а кое у кого даже завязки на воротах рубах были распущены. Эгвейн никак не могла взять в толк, почему им это позволили. За работой женщинам было так же жарко, как и мужчинам.

В дальнем конце луга, в просторных загонах из жердей, держали как уже остриженных овец, так и тех, что ожидали купания; за животными приглядывали мальчишки лет двенадцати и старше. Пастушьи собаки, вольготно разлегшиеся поблизости от загонов, для подобной работы совершенно не годились. Мальчишки должны были с помощью деревянных пастушьих посохов загонять овец в речку, а затем, после купания, не позволять им ложиться на землю и не давать вновь испачкаться. Когда животные обсохнут, мужчины на этой стороне луга при-

ступят к стрижке шерсти. Остриженных овец мальчишки отгоняли обратно в загон, а настриг мужчины относили к дощатым столам, где женщины шерсть сортировали и складывали для упаковки в кипы. Они вели счет, и им нужно было внимательно следить, чтобы шерсть овец от одного хозяина не смешалась с шерстью овец от другого. Эгвейн заметила, как у деревьев по левую руку от нее на длинные столы, установленные на козлах, часть женщин уже начинали раскладывать еду для полуденной трапезы. Если Эгвейн будет хорошо выполнять то, что ей поручено сейчас – носить воду, – то, может, не через два года, а уже на следующий ей разрешат помогать с едой или с сортировкой шерсти. Если она всегда будет делать работу лучше всех, то впредь больше никто не назовет ее снова ребенком.

Эгвейн стала пробираться сквозь толпу, неся ведро то двумя руками, то одной, время от времени меняя руку, иногда приостанавливаясь, если кто-то просил зачерпнуть ковш воды. Вскоре девочка вновь вспотела, на шерстяном платье проступили темные пятна. Возможно, мальчишки, расшнуровавшие ворота рубашек, поступили так вовсе не по глупости. Она старалась не обращать внимания на малышей, что носились вокруг с обручами, гоняли мячики или играли «в собачки».

Всего пять раз в году собиралось столько народу: первый – на Бэл Тайн, который уже миновал; второй раз – на стрижку; затем – когда купцы являлись за шерстью, но до этого целый месяц, а то и больше; потом – когда снова приезжали купцы, но уже за выдержанным табаком, после Дня солнца; и осенью, на День дураков. Конечно, были и другие праздники, но ни одного такого, когда все собирались бы вместе.

Эгвейн не переставая шарила взглядом по толпе. В таком многолюдье можно запросто наткнуться на одну из ее четырех сестер. Их она всегда старалась избегать. Хуже всего было с Беровин, самой старшей. Прошлой осенью костеломная горячка сделала ее вдовой, и по весне она вернулась домой. Не сочувствовать Беровин было нельзя, но сестра так суетилась, желая приодеть Эгвейн и причесать ей волосы. Иногда она плакала и говорила Эгвейн, как замечательно, что горячка не отняла и ее малышку-сестру. Сочувствовать Беровин было бы легче, если бы Эгвейн сумела отделаться от мысли, что иногда старшая сестра видит в ней младенца, которого потеряла вместе с мужем. А может быть, не иногда, а всегда. Поэтому она высматривала в толпе Беровин. Или любую из сестер. Всего лишь.

Оказавшись возле загонов, Эгвейн остановилась и утерла со лба пот. Ведро у нее полегло, и теперь его можно было без труда держать одной рукой. Девочка опасливо оглядела собаку, оказавшуюся к ней ближе остальных псов, лежавших возле загонов. Крупная зверюга серого окраса, с короткой вьющейся шерстью и умными глазами, казалось, понимала, что опасности для овец Эгвейн не представляет. Тем не менее собака была здоровенной – взрослому мужчине почти по пояс. Собаки главным образом помогали охранять стада на пастбищах, защищая их от волков, медведей и больших горных рысей. Потихоньку Эгвейн отступила от собаки подальше. Мимо трое мальчишек погнались к реке несколько десятков овец. Ребята были лет на пять-шесть старше ее и даже не взглянули на Эгвейн, целиком сосредоточившись на овцах. По ее разумению, ничего сложного в том, чтобы перегнать овец, не было, с таким делом даже она бы справилась, тут главное – проследить, чтобы ни одна из овец не успела пощипать травы. Овца, поевшая перед стрижкой, могла задохнуться и умереть. Бросив быстрый взгляд на других ребят, стоявших поблизости, Эгвейн удостоверилась, что среди нет никого, с кем бы ей хотелось поговорить. Не то чтобы она высматривала кого-то специально, болтовни ради. Очень надо! Просто посмотрела, и все. Все равно скоро снова надо будет наполнить ведро. Самое время отправиться обратно к Винной реке.

На этот раз Эгвейн решила пройти мимо ряда длинных столов. От соблазнительных запахов буквально слюнки текли, угощения на столах были ничуть не хуже, чем в любой другой праздник; все здесь было – от жареного гуся до медовых кексов. Пряный запах медовых кексов дразнил и манил сильнее всего. По случаю стрижки овец все женщины, которые могли хорошо

готовить, постарались на славу. Идя мимо столов, Эгвейн предлагала воду женщинам, которые расставляли блюда и раскладывали приготовленную еду, но те лишь улыбались девочке, отрицательно качая головой. Она, однако, продолжала свой путь вдоль столов, и вовсе не из-за запахов. Да, рядом на кострах кипела вода для чая, но кто-то же из женщин мог захотеть выпить холодной речной воды. Теперь, наверное, уже не такой холодной, но все-таки...

Впереди, возле столов, Эгвейн заметила Кенли, который почему-то весь сгорбился, вовсе не пытаясь, как обычно, казаться выше. Наоборот, сейчас он старался сделаться ростом как можно меньше. В одной руке Кенли все так же держал ведро, но, судя по тому, как оно у него качалось, уже пустое, вряд ли он мог кому-нибудь дать напиток. Эгвейн нахмурилась. Вид у Кенли был... вороватый, что ли. С чего бы это?.. Вдруг рука Кенли метнулась к столу и схватила один из медовых кексов.

Эгвейн от негодования аж рот раскрыла. И он еще смел говорить ей о детских играх? Да он ничем не лучше Ивина Финнгара!

Не успел Кенли сделать и шага, как на него ловчим соколом накинулась миссис Айеллин, одной рукой ухватила парня за ухо, а другой отобрала кекс. Это были ее медовые кексы. Корин Айеллин, стройная, с толстой седой косой, опускавшейся ниже бедер, делала лучшую во всем Эмондовом Лугу сладкую выпечку. «Не считая моей матери», – неизменно добавляла про себя Эгвейн. Но даже мать Эгвейн говорила, что у Корин получается лучше. Но только со сладостями, разумеется. Миссис Айеллин щедрой рукой раздавала хрустящие пирожки и куски пирога, если, конечно, не близилось время обеда или если чья-то матушка не просила ее так не делать, зато сурово обходилась с мальчишками, которым взбрело в голову стянуть что-то из вкусенького у нее за спиной. И не только с мальчишками. Миссис Айеллин называла это воровством, а воровства она не терпела.

Не отпуская ухо Кенли, миссис Айеллин грозно качала пальцем у него перед носом, что-то выговаривая тихим голосом. Лицо у Кенли скривилось, будто он вот-вот расплчется, мальчишка сжимался и съеживался, пока не стал казаться ниже Эгвейн. Она кивнула, довольная. Теперь вряд ли в ближайшее время Кенли вздумается кем-то командовать.

Проходя мимо миссис Айеллин и Кенли, девочка постаралась держаться подальше от столов, чтобы никто не заподозрил, будто ей хочется стащить сладости. Такая мысль ей и в голову не приходила. Нет, чуть-чуть приходила, конечно, но «чуть-чуть» не считается.

Внезапно Эгвейн подалась вперед, вглядываясь между снующими перед ней людьми. Да, точно, это Перрин Айбара, крепко сложенный, широкоплечий мальчишка, ростом выше большинства своих сверстников. А еще он – друг Ранда. Эгвейн двинулась сквозь толпу, не обращая внимания на то, просят ли у нее попить или нет, и остановилась только тогда, когда очутилась в нескольких шагах от Перрина.

Тот был вместе со своими родителями. Мать держала на руках малютку Пэтрама, а Диселле, младшая сестра Перрина, рукой цеплялась за юбку матери, с интересом разглядывая людей вокруг и овец, которых гнали мимо. Другая сестра Перрина, Адора, стояла, скрестив руки на груди и отвернув от матери обиженное лицо. Носить воду Адоре еще рано, для этого нужно подождать до следующего года, и девочке, наверное, очень хотелось пойти поиграть с подругами. К семейству Айбара присоседился мастер Лухан. В Эмондовом Лугу он был самого высокого роста, его могучие руки были что твой ствол дерева, а белая рубаха на мощной груди, казалось, вот-вот лопнет. По сравнению с ним мастер Айбара выглядел не просто стройным, а скорее худым. Мастер Лухан беседовал с обоими – и с миссис Айбара, и с мастером Айбара. Это озадачило Эгвейн. Мастер Лухан был кузнецом в Эмондовом Лугу, но вряд ли кто-то из родителей Перрина отправился бы вместе со всем семейством просить у него что-нибудь выковать. Еще кузнец был членом Совета деревни, но и тогда непонятно. Кроме того, о делах Совета миссис Айбара стала бы говорить не раньше, чем мастер Айбара о делах Круга женщин. Пускай Эгвейн всего девять лет, но уж это-то она знала наверняка. О чем бы супруги Айбара

ни беседовали с кузнецом, разговор уже почти прекратился, и это хорошо. Ей дела нет до того, о чем они говорили.

– Он хороший паренек, Джослин, – сказал мастер Лухан. – Хороший паренек, Кон. Он отлично справится.

Миссис Айбара улыбнулась. Джослин была красивой женщиной, и, когда она улыбалась, казалось, даже солнце светило ярче. Отец Перрина тихонько рассмеялся и потрепал сына по голове, взъерошив его кудрявые волосы. Перрин сильно покраснел, но ничего не сказал. Он вообще был стеснительным и не слишком-то разговорчивым.

– Я хочу полетать, Перрин, – протянула к нему руки Диселле. – Сделай, чтобы я полетала.

Перрин вежливо поклонился взрослому, повернулся к сестре и взял ее за руки. Они отошли от остальных на несколько шагов в сторону, а потом Перрин закружился на месте, быстрее и быстрее, пока ноги Диселле не оторвались от земли. Он крутил девочку все выше и выше, описывая огромные круги, а та лишь довольно хохотала.

Через несколько минут миссис Айбара сказала:

– Хватит, Перрин. Опустит, пока ее не замутило. – Но сказано это было добродушно и с улыбкой.

Едва ноги Диселле коснулись земли, она обеими руками ухватилась за руку Перрина, девочку слегка пошатывало, и, возможно, еще немного – и ее бы точно стошнило. Однако она продолжала смеяться и требовала от Перрина, чтобы тот ее покругил снова. Качая головой, он наклонился, чтобы ей что-то сказать. Перрин всегда был таким серьезным. И смеялся не часто.

Вдруг до Эгвейн дошло, что еще кто-то наблюдает за Перрином. Силия Коул, розовощекая девчонка, на пару лет старше ее, стояла в нескольких футах, глядя на Перрина телячьими глазами и с дурацкой улыбочкой на лице. Чтобы ее увидеть, ему достаточно было только голову повернуть! Эгвейн скривилась от отвращения. Никогда она не будет такой глупой, чтобы строить глазки мальчишке, как какая-то шерстеголовая дуреха.

В любом случае Перрин старше Силии почти на год. Хорошо бы, конечно, если бы он был старше года на три-четыре. Может, у сестер Эгвейн и недоставало времени на разговоры с ней, но она слышала, что говорили девочки постарше – вполне взрослые и понимавшие, что к чему. Некоторые утверждали, что хорошо, если разница в возрасте будет значительнее, но большинство сходилось на трех-четырёх годах. Перрин взглянул на Эгвейн и Силию и продолжил негромкий разговор с Диселле. Эгвейн покачала головой. Может, Силия и дурочка, но не мог же он не заметить...

Какое-то движение в ветвях большого водяного дуба позади Силии привлекло внимание Эгвейн, и она вздрогнула. Наверху сидел ворон и, кажется, по-прежнему наблюдал за людьми. И на той высокой сосне обнаружился еще один ворон, и еще один сидел на другой, и еще – на ветке орешника-карии... Она разглядела девять или десять птиц, и все они как будто за чем-то наблюдали. Должно быть, у нее воображение разыгралось. Всего лишь ее...

– Почему ты на него пялишься?

Вздрогнув, Эгвейн дернулась и, резко развернувшись на голос, ударила коленом о ведро. Хорошо еще, что ведро было почти пустым, а то недолго и пораниться. Она переступила с ноги на ногу, жалея, что не может потерять ушибленную коленку. Рядом, с озадаченным выражением на лице, стояла Адора и глядела на Эгвейн снизу вверх, но и сама Эгвейн была смущена не меньше ее.

– О чем ты, Адора?

– О Перрине, конечно. Почему ты пялишься на него? Все говорят, что ты выйдешь замуж за Ранда ал'Тора. Ну я про то, когда вырастешь и будешь волосы в косу заплетать.

– Это как «все говорят»? – с опасными нотками в голосе промолвила Эгвейн.

Адора захихикала. Это было невыносимо. Сегодня все шло не так.

– Перрин, конечно, симпатичный. Я это слышала от многих девчонок. И многие девчонки глаза на него пялят, прямо как ты и Силия.

Эгвейн заморгала и постаралась выбросить последние слова Адоры из головы. Вовсе она на него не пялилась и тем более нисколько не так, как Силия! И вообще, Перрин разве симпатичный? Перрин? Она обернулась через плечо, чтобы разглядеть, что в нем такого симпатичного. Однако Перрина там уже не было! Его отец по-прежнему стоял вместе с матерью, с Пэтрамом и Диселле, но Перрина рядом не было видно. Вот незадача! Она ведь собиралась за ним проследить.

– Адора, тебе без кукол своих не скучно? – сладким голосом спросила Эгвейн. – Я думала, ты из дома не выходишь, не взяв с собой парочку кукол.

Адора, раскрыв рот, с возмущением уставилась на Эгвейн, что ту вполне удовлетворило.

– Прошу прощения, – промолвила Эгвейн, прошествовав мимо девочки. – Кое-кто из нас уже достаточно взрослый, и этому кое-кому надо работать. – И, направившись обратно к реке, она постаралась не хромать.

На этот раз Эгвейн не стала наблюдать, как купают овец, и даже изо всех сил старалась не замечать в ветвях ворона. Девочка осмотрела колено, но там даже синяка не было. На обратном пути на луг с полным ведром воды она приказала себе не хромать. Это просто мелкая неприятность.

Эгвейн ходила по лугу, останавливаясь только для того, чтобы дать желающим зачерпнуть ковшом из ведра пару глотков воды, и при этом бегала глазами по сторонам, высматривая сестер. И еще – Перрина. Мэт подошел бы не хуже Перрина, но его она тоже нигде не видела. Вот ведь проклятая Адора! Как она посмела такое говорить!

Проходя мимо столов, за которыми женщины сортировали шерсть, Эгвейн остановилась как вкопанная, увидев младшую из старших своих сестер.

Эгвейн замерла, надеясь, что Луиза не станет глядеть в ее сторону, ну хоть с полминуточки. Вот что бывает, когда стараешься высмотреть одновременно и Перрина с Мэтом, и сестер. Луизе было всего пятнадцать, но она, уперев руки в боки и с самым угрюмым выражением лица, спорила с Дагом Коплином. Называть его мастером Коплином Эгвейн никак себя не могла заставить, разве что только вслух, из вежливости; ее мать всегда говорила, что вежливой надо быть со всеми, даже с такими, как Даг Коплин.

Даг был морщинистым стариком с седыми волосами, которые он мыл не очень-то часто. А может, вообще не мыл. На бирке, свисавшей на шнурке со стола, красовалась чернильная метка, соответствующая выщипам на ушах принадлежащих ему овец.

– Это хорошая шерсть, а ты ее откладываешь, – рычал он на Луизу. – На моем собственном настриге меня не проведешь. Отойди-ка, я сам покажу тебе, что куда идет.

Луиза не сдвинулась ни на дюйм.

– Шерсть с брюха, зада и хвоста, мастер Коплин, нужно промывать дважды. – Она лишь слегка выделила слово «мастер». Девушка явно испытывала раздражение. – А вы не хуже меня знаете, что если купцы найдут хоть в одной кипе заново промытую шерсть, то за свой настриг все получают меньше. Может быть, мой отец сумеет объяснить вам это лучше меня.

Даг опустил подбородок и пробурчал что-то под нос. Он был не настолько глуп, чтобы иметь дело с отцом Эгвейн.

– Уверена, что и мать сможет это объяснить, чтобы вы поняли, – безжалостно добавила Луиза.

У Дага дернулась щека, и лицо его болезненно позеленело. Бормоча, что доверяет Луизе, пусть делает так, как надо, он попятился и поспешил отсюда подальше едва ли не бегом. Ему хватало ума не привлекать к себе внимание Круга женщин, если этого можно избежать. Луиза проводила Коплина твердым взглядом, преисполненным удовлетворения.

Улучив момент, Эгвейн рванула прочь и облегченно вздохнула, не услышав вслед оклик Луизы. Сестра предпочла сортировать шерсть, вместо того чтобы помогать готовить угощение, хотя куда с большим удовольствием она полазала бы по деревьям или искупалась в Мокром лесу, притом что большинство девочек в ее возрасте уже оставили в прошлом подобные забавы. И она непременно переложила бы работу по дому и по хозяйству на Эгвейн, подвернись ей для этого хоть малейшая возможность. Эгвейн сама с радостью отправилась бы купаться вместе с Луизой, но та считала, что сестра будет только мешаться у нее под ногами; набиваться же Луизе в компанию девочке мешала излишняя гордость. Эгвейн нахмурила брови. Все сестры обходились с ней как с неразумным ребенком. Даже Алене, когда та в кои-то веки замечала младшую сестренку. Большую часть времени Алене проводила, уткнувшись носом в страницу, читая и перечитывая книги из отцовской библиотеки. А у него было почти четыре десятка книг! У Эгвейн любимой книгой были «Странствия Джейна Далекоходившего». Она мечтала когда-нибудь увидеть все те необычные страны, которые он описывал. Но если Эгвейн читала книгу, а та оказывалась нужна Алене, сестра всегда заявляла, что книга для Эгвейн слишком сложная, и забирала ее!

Проклятие на всех вас четверых!

Девочка заметила, что некоторые из разносчиков воды устроили себе перерыв, кто-то уселся в теньке, другие перешучивались друг с другом, однако она продолжала расхаживать туда-сюда, хотя руки у нее уже ныли. Эгвейн ал'Вир не станет отлынивать от работы. И она по-прежнему высматривала своих сестер. И Перрина. И Мэта. Будь проклята Адора! Да будьте вы все прокляты!

Оказавшись поблизости от Мудрой, Эгвейн приостановилась. Дорал Барран была самой старой женщиной в Эмондовом Лугу, а может, и во всем Двуречье; седая и хрупкая, она по-прежнему сохраняла острое зрение и прямую спину. Ученица Мудрой, Найнив, стояла на коленях спиной к Эгвейн и бинтовала ногу Байли Конгару. Одна штанина была распорота по бедру. Байли сидел на бревне; он был тоже из тех взрослых, выказывать которому должное уважение Эгвейн затруднялась. Вечно он совершал какие-то глупости и получал ушибы и раны. Будучи одного возраста с мастером Луханом, он выглядел по меньшей мере лет на десять старше с этими впалыми щеками и запавшими внутрь глазами.

– Неужели ты в прошлом мало валял дурака, Байли Конгар? – строго выговаривала миссис Барран. – Но выпивать, когда тебе ножницами для стрижки работать, – это хуже, чем просто дурость. – Как ни странно, но смотрела она при этом не на него, а на Найнив.

– Я лишь немного эля хлебнул, Мудрая, – прохныкал он. – Глоточек всего. Жара-то стоит какая!

Мудрая недоверчиво фыркнула, но взглядом коршуна продолжала следить за Найнив. Это было удивительно. На людях миссис Барран нередко хвалила Найнив за то, что девушка все схватывает на лету. Найнив в обучение она взяла года три назад, когда ее тогдашняя ученица умерла от некоей болезни, которую даже миссис Барран не сумела распознать. Найнив недавно осиротела, и многие поговаривали, что после смерти матери ее следовало отослать из Эмондова Луга к родственникам, а Мудрой взять в ученицы кого-нибудь постарше. Мать Эгвейн ничего такого не говорила, но девочка знала, что она думает именно так.

Стоявшая на коленях Найнив закончила бинтовать ногу и выпрямилась, удовлетворенно кивнув. К удивлению Эгвейн, миссис Барран опустила на колени и размотала повязку, даже сняла хлебную припарку, чтобы осмотреть глубокий порез на бедре Байли, а затем вновь принялась обматывать его ногу полосой ткани. Вид у нее был... разочарованный. Но почему? Найнив начала теревить свою косу, подергивая ее, по своему обыкновению, когда нервничала или хотела обратить внимание на то, что теперь она уже взрослая женщина.

«Когда же она избавится от этой привычки?» – подумала Эгвейн. Почти год уже миновал с тех пор, как Круг женщин позволил Найнив заплетать волосы в косу.

Что-то мелькнуло в воздухе, и Эгвейн переместила взгляд. На деревьях, что окружали луг, воронов стало много больше, чем было. Десятки, много десятков, и все они наблюдали. Эгвейн знала, что наблюдали. Ведь ни один не попытался стащить с тарелок что-нибудь из еды. Это же просто ненормально. Подумать только, на столы с угощением птицы вообще не смотрели! Как и на столы, где женщины сортировали шерсть. Вброды наблюдали за мальчишками, которые разводили овец по загонам. И за мужчинами, которые стригли овец и таскали шерсть. И за ребятами, носившими воду. Не за девочками, не за женщинами, а только за мужчинами и мальчишками. Эгвейн готова была поспорить на что угодно, даже несмотря на запрет, который матушка наложила на споры с ней. Девочка открыла было рот, собираясь спросить у Мудрой, что все это значит.

– Разве ты закончила свою работу, Эгвейн? – поинтересовалась Найнив, не оборачиваясь.

От неожиданности Эгвейн вздрогнула. С прошлой осени она стала замечать за Найнив такое – та откуда-то узнавала, что Эгвейн рядом, даже не взглянув на нее, и Эгвейн очень хотелось, чтобы Найнив перестала себя так вести.

Найнив повернула голову и посмотрела на Эгвейн через плечо. Взгляд был пристальный, вроде того, который Эгвейн опробовала на Кенли. Она не обязана слушаться Найнив, ведь та – вовсе не Мудрая. Строгость Найнив к девушке объяснялась просто – она была ответом на то, что миссис Барран усомнилась в действиях своей ученицы. В голове у Эгвейн возникла мысль, не сказать ли Найнив, что миссис Айеллин хотела с ней поговорить о пироге. Но, поглядев на Найнив, Эгвейн решила, что эта идея, наверное, не такая уж и хорошая. В любом случае Эгвейн нарушила свой зарок: отлынивала от работы, стоя тут и глаза на Мудрую и Найнив. Изобразив нечто похожее на реверанс, насколько это удалось с ведром в руке, – но адресуя этот знак вежливости отнюдь не Найнив, а Мудрой, – Эгвейн развернулась и зашагала прочь. И вовсе она не пляшет под дудку Найнив – мало ли что та на нее так посмотрела. Нет, конечно. И нисколько она не спешит. Просто идет – быстрым шагом, торопится вернуться к работе.

Шагала она действительно быстро и вскоре – Эгвейн сама не успела сообразить как – снова оказалась возле столов, где женщины разбирали и раскладывали шерсть. И при этом почти что лицом к лицу – их разделял только стол – оказалась со своей сестрой Элисой.

Та складывала шерсть для упаковки в кипы, и получалось это у нее хуже некуда. Сестра выглядела расстроенной, даже Эгвейн почти не замечала, и та знала почему. Элисе было восемнадцать, но до сих пор ее длинные, до талии, волосы были перехвачены голубой косынкой. Не то чтобы Элиса всерьез задумывалась о замужестве – большинство девушек не торопились с этим еще несколько лет, – но она была на год старше Найнив. Нередко Элиса во всеуслышание возмущалась тем, что Круг женщин все еще считает ее слишком молодой. Трудно было ей не посочувствовать. Тем более что Эгвейн вот уже какую неделю размышляла о затруднительном положении Элисы. Ну, точнее говоря, размышляла она не совсем о ситуации, в какой оказалась Элиса, но именно это заставило ее задуматься.

На другом конце длинного стола Калли Коплин разговаривала с несколькими молодыми парнями с ферм, хихикая и теребя юбку. Она вечно болтала с кем-нибудь из мужчин, хотя сейчас, вообще-то, должна была укладывать шерсть в кипы. Впрочем, внимание Эгвейн Калли привлекла не поэтому.

– Элиса, не стоит так волноваться, – мягко сказала младшая сестра. – Мало ли что Бервин и Алене заплели волосы в косу в шестнадцать...

«Как и большинство девушек», – подумала Эгвейн. Она не только сочувствовала сестре. У Элисы было обыкновение вставлять в свою речь всякие присловья да поговорки: «Потерянный час обратно не воротишь» или «От улыбки работа легче», – пока от этих ее словечек зубы не начинали ныть. По собственному опыту Эгвейн знала наверняка, что улыбайся, не улыбайся, а ведро от этого ни на ковшик легче не станет.

– ...Калли вон двадцать, через несколько месяцев день рождения, а волосы у нее до сих пор в косу не заплетены, и что-то не видно, чтобы это ее сильно тревожило.

Руки Элисы замерли на овечьей шерсти. Почему-то женщины по обе стороны от девушки прикрыли рты ладонями, пряча смешки и улыбки. Почему-то лицо у Элисы стало красным. Ярко-красным.

– Дети могли бы и... – сдавленно начала Элиса и замолчала. Ее лицо хоть и горело румянцем, как закатное летнее солнце, но голос, несмотря на несвязную речь, был холоден, словно снег в середине зимы. – Ребенок, который болтает невесть что... Дети, которые...

Джилли Левин – она была на год моложе Элисы, а ее черные волосы уже были заплетены в толстую косу, спускавшуюся ниже талии, – упала на колени, давась от смеха и прикрывая ладонью рот.

– Проваливай отсюда, малявка! – рявкнула на сестру Элиса. – Взрослые тут работать пытаются!

Кинув на Элису возмущенный взгляд, Эгвейн повернулась и направилась прочь от рабочих столов, и при каждом шаге ведро било по ноге.

«Пытаешься кому-то помочь, кого-то приободрить – и вот что получаешь! Надо было сказать, что никакая она не взрослая, – сердито думала Эгвейн. – Пока Круг не разрешит ей косу носить, никакая она не взрослая. Вот что мне надо было сказать».

Гнев не отпускал Эгвейн, пока ведро опять не опустело; она наполнила его заново и лишь тогда решительно расправила плечи. Раз уж задумала что-нибудь сделать, то соберись и делай. Быстрым шагом она направилась напрямик к загонам для овец, не обращая внимания на тех, кто взмахом руки пытался ее подозвать к себе, желая попить. И вовсе она не отлынивает от работы! Мальчишкам ведь тоже водички хочется.

С десяток ребят дожидались у загонных моментов, когда нужно будет отгонять овец; они смотрели на Эгвейн, которая им предлагала воду, круглыми от изумления глазами, они ведь и сами вполне могут напиться, когда отправятся к реке, но девчонка не отступала. И задавала один и тот же вопрос:

– Вы Перрина не видели? Или Мэта? Не знаете, где они?

Некоторые отвечали, что Мэт с Перрином только что погнали овец к реке, другие говорили, будто видели их ухаживающими за остриженными овцами, но Эгвейн не собиралась гоняться повсюду за ними: а то прибежишь куда-то, а там тебе скажут, что они с минуту назад ушли. Наконец большеглазый паренек по имени Вил ал'Син, живший на одной из ферм южнее Эмондова Луга, спросил, глядя на нее с подозрением:

– А тебе они зачем?

Кое-кто из девчонок называл Вила симпатичным, но Эгвейн считала, что торчащие уши придают ему смешной вид.

Она собралась смерить его суровым взглядом, но передумала.

– Мне... надо у них спросить кое-что, – промолвила Эгвейн. Ну, соврала чуть-чуть, подумаешь. Впрочем, она и вправду надеялась, что кто-нибудь из них даст ей возможность получить кое-какие ответы. Паренек долго молчал, изучая ее внимательным взглядом, она ждала терпеливо. «Терпение всегда вознаграждается», – часто говаривала Элиса. Слишком часто. Эгвейн с радостью напрочь позабыла бы все присловья и поговорки, слышанные от Элисы. Она и пыталась их забыть. Но даже если пнуть Вила по голени, это не поможет добиться от него того, что ей надо. Пусть даже этого пинка он и заслуживает.

– Они вон там, за тем дальним загонном, – ответил наконец Вил, кивком указав на восточную часть луга. – Где овцы с метками Пайта ал'Каара. – Мальчишки, гонявшие овец, именно так и должны были говорить, хоть это и не совсем вежливо, иначе никто бы не догадался, о чьих овцах речь – Пайта ал'Каара, Джака ал'Каара или чьих-то еще из дюжины прочих ал'Ка-

аров. – Имей в виду – они просто отдыхают. Гляди, чтобы они нагоняя не получили, если ты кому-то что-то другое скажешь...

– Спасибо, Вил, – сказала Эгвейн, продемонстрировав, что она может быть вежливой даже с таким шерстеголовым тупицей. Как будто она сразу же сплетничать побежит. Мальчишка выглядел изумленным, и она подумала: а может, все-таки стоит пнуть его по голени?

Просторный загон, где держали остриженных овец Пайта ал'Каара, располагался почти у самых деревьев на краю луга, у опушки Мокрого леса. Крупная черная овчарка мастера ал'Каара, лежавшая перед загонем, вскинула голову, посмотрела на приближавшуюся Эгвейн и снова опустила ее на лапы. Эгвейн настороженно следила за псом. Она не очень любила собак, и тем, похоже, девочка тоже не слишком-то нравилась. Однако мысли об овчарке сразу вылетели у нее из головы, как только она подошла поближе и разглядела позади загона группу мальчишек. Щелястое ограждение загона было хоть и плохим укрытием, но распознать, кто там есть кто, ей не удавалось.

Аккуратно поставив наземь ведро, Эгвейн двинулась вдоль боковой ограды загона. Нет, вовсе она не подкрадывается. Просто не желает лишнего шума, на тот случай, если... В общем, чтобы не напугать овец. Дойдя до края загона, Эгвейн тихонько высунулась из-за углового столба.

Вил не соврал, здесь был и Перрин, и Мэт Коутон, и еще несколько ребят-одногодок – все мокрые от пота, ворота рубаш у всех расшнурованы. Она признала Дэва Айеллина и Лема Тэйна, Бана Кро и Элама Даутри. Был с ними и Ранд – худой паренек, почти такой же высокий, как Перрин, с непропорционально длинными для его роста руками и ногами. Ранда, как ни ищи, а рано или поздно всегда найдешь либо вместе с Перрином, либо с Мэтом. И, как твердят все вокруг, когда-нибудь она выйдет за Ранда замуж. Ребята болтали, смеялись, тыкали друг друга кулаками в плечо. Почему мальчишки всегда так делают?

Сердито нахмурившись, Эгвейн отступила от угла загона и привалилась спиной к ограде. Одна из овец в загоне засопела ей прямо в спину, но девочка даже внимания на нее не обратила. Да, Эгвейн слышала, как женщины говорят о ней и о Ранде, но не знала, что об этом болтают кому ни попадя. Проклятая Элиса! Если бы Элиса не начала вздыхать и причитать о своих волосах, Эгвейн и задумываться-то о мужьях никогда бы не стала. Она, конечно, предполагала, что когда-нибудь выйдет замуж – как и почти все женщины Двуречья, – но она ведь не такая, как эти ветрогонки, которые беспрестанно трещат, что ждут не дождутся этого. Получив право заплетать косу, большинство женщин ждали еще по меньшей мере несколько лет, а она... А Эгвейн хотела повидать те земли, о которых писал Джейин Далекоходивший. И как к такому желанию отнесется муж? К тому, что его жена отправится посмотреть чужие края? Насколько ей известно, никто никогда не уезжал из Двуречья.

«А я уеду!» – мысленно пообещала себе Эгвейн.

Даже если она выйдет замуж за Ранда, будет ли он хорошим мужем? Эгвейн точно не знала, что значит хороший муж. Наверное, он должен быть похож на ее отца – смелый, добрый, умный. Она подумала, что Ранд добрый. Однажды он вырезал для нее свисток и еще лошадку. А как-то подарил орлиное перо с черным кончиком, когда она сказала, что оно ей нравится, хотя, до сих пор подозревала Эгвейн, Ранду хотелось оставить перо себе. И раз он присматривает за отцовскими овцами на пастбище, значит должен быть храбрым. Если появятся волки или медведь, овчарка поможет с ними справиться, но пастух при стаде должен всегда держать наготове пращу – или лук, если мальчишка дорос до такого оружия. Только вот... Видеть-то его Эгвейн видела – каждый раз, как он вместе со своим отцом приезжал с фермы, – но считай, что совсем не знала. И о нем самом она не знала почти ничего. Что ж, начать узнавать его можно когда угодно, хоть сейчас. Эгвейн вернулась обратно к угловому столбу и снова выглянула из-за него.

– А я бы хотел быть королем, – как раз говорил Ранд. – Да, хотел бы. – Взмахнув рукой, он неуклюже поклонился и рассмеялся, показывая, что шутит. Эка хватил! Эгвейн скорчила рожу. Королем! Она взгляделась в его лицо. Нет. Красавчиком он не был. Ну ладно, может, и симпатичный. Хотя какая ей разница! Хорошо, конечно бы, иметь мужа, на которого приятно смотреть. А глаза у него голубые. Нет, серые. Казалось, они цвет меняют прямо у нее на глазах. В Двуречье больше ни у кого не было голубых глаз. Иногда глаза Ранда казались печальными. Его мать умерла, когда он был совсем маленьким, и Эгвейн подумала, что он завидует тем мальчишкам, у которых есть мать. Она представить себе не могла, каково это – потерять маму. И даже задумываться о таком не желала.

– Королем овец! – выкрикнул Мэт. Ростом он уступал остальным и постоянно будто подпрыгивал на цыпочках. Посмотришь на него, и по лицу сразу понятно, что он замыслил какое-то озорство. Мэт всегда только о том и думал, чтобы учинить очередную проказу. И всегда нарывался на неприятности.

– Ранд ал’Тор, король овец! – хихикнул Лем.

Бан ткнул его кулаком в плечо, а Лем стукнул его в ответ, и оба захихикали. Эгвейн покачала головой.

– Всяко лучше, чем убежать и никогда не работать, как ты считаешь, – рассудительно произнес Ранд. Казалось, он никогда не сердится. По крайней мере, она за ним ничего такого не замечала. – И как бы ты прожил не работая, Мэт?

– Овцы – не так уж плохо, – заявил Элам, почесывая длинный нос. Волосы у него были коротко стрижены и на затылке стояли торчком – будто корова лизнула. И в нем самом было что-то от овцы.

– А я спасу Айз Седай, и за это она меня вознаградит, – ответил Мэт. – Все равно, с чего я стану искать работу, когда ее вокруг и без того сколько хочешь.

Он заухмылялся и ткнул Перрина в плечо. Перрин, смущенный, почесал нос.

– Мэт, иногда не худо бы и к рассудку прислушиваться, – неспешно промолвил он. – Всяко лучше наперед головой подумать.

Если уж Перрин решался высказаться, то всегда говорил медленно. И двигался осторожно, словно боялся что-нибудь ненароком поломать. Ранд же, бывало, говорил, не думая о последствиях, и вид у него был вечно такой, словно он готов бежать со всех ног до самого горизонта.

– Если к рассудку, то мне на папашиной мельнице суждено работать, – вздохнул Лем. – И думается, когда-нибудь я ее унаследую. Не очень скоро, надеюсь. Хотя перед тем от приключений я бы не отказался. А тебе, Ранд, хочется приключений?

– Еще бы! – Ранд рассмеялся. – Только где у нас в Двуречье приключений найти?

– Что-то же должно тут быть, – пробурчал Бан. – Может, в горах золото есть. Или троллоки водятся? – Голос у него дрогнул, будто он уже не так был уверен в том, стоит ли отправляться в горы. Неужели он и вправду в троллоков верит?

– А я хочу, чтобы у меня было больше овец, чем у любого во всем Двуречье, – решительно заявил Элам.

Мэт от возмущения глаза закатил. Дэв, слушавший разглагольствования приятелей сидя на корточках, покачал головой.

– Ты, Элам, сам на овцу смахиваешь, – проворчал он. Даже Эгвейн не позволяла себе говорить такого. Дэв был выше Мэта и поплотнее сбит, но в глазах у него сверкал тот же шальной огонек. Одежда на нем всегда была помята, это из-за того, что он занимался не тем, чем следует. – Слушайте, у меня отличная идея!

– У меня идея получше, – поспешно встрял Мэт. – Идемте! Я покажу.

Мэт и Дэв сердито уставились друг на друга.

Судя по виду, Элам, Бан и Лем были готовы последовать за любым из них – или за обоими, если те между собой поладят. Однако Ранд положил руку Мэту на плечо и сказал:

– Погодите. Давайте сперва выслушаем ваши отличные идеи.

Перрин в знак согласия кивнул со значением.

Эгвейн вздохнула. Такое впечатление, будто Дэв и Мэт состязались, кто из них двоих в большую неприятность влезет. Да и Ранд хоть с виду благоразумный, но когда появлялся в деревне, эта парочка нередко и его заодно в передряги втягивала. Перрина, кстати, тоже. И остальные трое готовы были поддержать любую забаву, которую предложат Мэт или Дэв.

Наверное, ей пора уходить. Вряд ли удастся незамеченной проследить за ними, чтобы выяснить, что они затевают. Эгвейн скорее умрет, чем позволит Ранду подумать, будто она подглядывает, словно какая-нибудь дура с куриными мозгами. «Так я ничего и не узнала», – расстроилась Эгвейн.

Когда девочка возвращалась вдоль изгороди туда, где оставила ведро, мимо нее проследовал Даннил Левин; он явно направлялся к дальнему концу загона для овец. В свои тринадцать Даннил был худее Ранда, а его длинный нос походил на клюв. Эгвейн помедлила у ведра, прислушиваясь. Поначалу ей ничего не было слышно, кроме глухого бормотания. А потом...

– Меня зовет мэр? – воскликнул Мэт. – Почему меня?! Я ничего не сделал!

– Он зовет вас всех, срочно, – ответил Даннил. – На вашем месте я бы поторопился.

Эгвейн поскорей схватила ведро и неспешно зашагала прочь от загонов, обратно к реке. Вскоре мимо девочки в том же направлении торопливо прошли Ранд и остальные мальчишки. Эгвейн проводил их едва заметной улыбкой. Если ее отец за кем-то посылает, попробуй не прийти. Даже Круг женщин понимал, что Бранделвин ал'Вир не тот человек, с кем можно шутки шутить, и воспринимать его слова надо серьезно. Эгвейн этого знать не полагалось, но она разок подслушала, как миссис Лухан с миссис Айеллин и с несколькими другими женщинами жаловались ее матери на упрямство отца и советовали, как матери нужно с этим поступать. Эгвейн позволила мальчишкам уйти немного вперед – совсем чуть-чуть – и зашагала быстрее, чтобы не отставать.

– Не пойму, – пробурчал Мэт, когда мальчишки приблизились к группе сельчан, занятых стрижкой овец. – Бывает, мэр узнаёт о том, что я делаю, еще в тот момент, когда я это делаю. И мать – тоже. Как так получается?

– Твоей матери, наверное, Круг женщин сообщает, – ответил Дэв. – Они все видят. А мэр есть мэр.

Остальные мальчишки угрюмо закивали.

Впереди Эгвейн заметила своего отца, дородного мужчину с редеющими седыми волосами. Рукава рубашки у него были закатаны по локоть, в зубах он сжимал трубку, а в руке держал набор ножниц для стрижки овец. Шагах в десяти от стригалей Эгвейн заметила миссис Коутон – матушку Мэта. Она внимательно следила за приближавшимися ребятами, слева и справа от нее стояли дочки Бодевин и Элдрин. Натти Коутон была невозмутима и сдержанна, какой и должна быть женщина, у которой такой сыночек, как Мэт; она стояла и удовлетворенно улыбалась, почти такие же улыбки играли на губах у Бодевин и Элдрин, и наблюдали они за Мэтом вдвое внимательней. Боде была слишком мала, чтобы ей позволили носить воду, да и Элдрин придется ждать этого по меньшей мере два года. «Ранд с друзьями, должно быть, совсем слепые!» – подумала Эгвейн. Любой, имеющий глаза, сообразил бы, как именно миссис Коутон узнает о проделках Мэта.

Когда мальчишки подошли к отцу Эгвейн, миссис Коутон и ее дочери смешались с толпой. Похоже, никто из мальчишек ее так и не заметил. Их взоры были устремлены на мэра, больше ни на кого. За исключением Мэта, у всех был настороженный вид, Мэт же широко ухмылялся, отчего откровенно выглядел виноватым. Отец Ранда поднял голову и бросил на

него взгляд поверх овцы, над которой трудился; в этом взгляде была улыбка, от которой Ранд стал не так походить на цаплю, собравшуюся взлететь.

Эгвейн принялась предлагать воду работникам, занимавшимся стрижкой овец вместе с ее отцом. Все они входили в Совет деревни. Единственный, кто отдыхал, привалившись спиной к камню, на половину человеческого роста торчавшему из земли, был мастер Коул. Такой же старый, как Мудрая, если не старше, он сохранил на голове волосы, пусть и совершенно седые. Остальные стригли овец, и шерсть сходила с животных плотными белыми полосами. Мастер Буйе – угловатый, подвижный кровельщик, – орудуя ножницами, ворчал что-то себе под нос, и за то время, что он трудился над одной овцой, остальные успевали остричь двух; но все, по-видимому, ушли с головой в работу. Когда стригаль заканчивал стрижку, он отпускал овцу, и ее тут же забирал и отгонял в сторону кто-нибудь из мальчишек, а взамен ему подводили другую. Чтобы оправдать свое присутствие тут, Эгвейн нарочно шла медленно. Нисколько она не отлынивает от работы; просто ей хочется знать, что будет дальше.

Ее отец, поджав губы, с минуту изучал мальчишек, потом сказал:

– Ладно, парни, знаю, вы хорошо работали. – (Мэт бросил озадаченный взгляд на Ранда, а Перрин неловко пожал плечами. Ранд просто кивнул, впрочем неуверенно.) – Так что я подумал, что сейчас самое время для той истории, которую я вам обещал, – закончил отец.

Эгвейн ухмыльнулась. Ее отец рассказывал истории лучше всех.

Мэт выпрямился:

– Хочу историю с приключениями. – На сей раз он взглянул на Ранда вызывающе.

– Я хочу про Айз Седай и Стражей! – поспешно сказал Дэв.

– А я хочу с троллоками, – произнес Мэт, – и... и... и про Лжедракона!

Дэв открыл и снова закрыл рот, так и не вымолвив ни слова. Однако устремил на Мэта сердитый взгляд. Лжедракона ему крыть было нечем, он это понимал.

Отец Эгвейн усмехнулся:

– Ребятки, я не менестрель. Таких историй я не знаю. Тэм, а ты не расскажешь? Может, попробуешь?

Эгвейн заморгала. С чего бы отцу Ранда знать подобные истории, если даже ее отец их не знает? В Совет деревни мастера ал'Тора выбрали, чтобы он представлял фермеров, живших вокруг Эмондова Луга, но, насколько было известно Эгвейн, он, как и все прочие окрестные фермеры, лишь разводил овец да табак выращивал и ничем иным в жизни вроде не занимался.

Мастер ал'Тор выглядел взволнованным, и у Эгвейн появилась надежда, что он все-таки не знает этих историй. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь превзошел отца. Да, Эгвейн нравился отец Ранда, и ей не хотелось, чтобы он оказался в неловком положении. Тэм ал'Тор был мужчиной крепким и сильным, спокойным и скромным, с проседью в волосах, и едва ли не все относились к нему хорошо.

Мастер ал'Тор достриг овцу и, пока к нему подводили другую, обменялся с Рандом улыбками.

– Так уж получилось, – промолвил он, – что такую историю я знаю. Но я расскажу вам не о Лжедраконе, а о настоящем. О настоящем Драконе.

Мастер Буйе так резко выпрямился, что его наполовину остриженная овца чуть не вырвалась и не убежала. Глаза кровельщика сузились, хотя они и без того всегда были узкими.

– Не нужны нам такие байки, Тэм ал'Тор, – прорычал он скрипучим голосом. – Приличным ушам их незачем слушать.

– Полегче, Кенн, – попытался успокоить его отец Эгвейн. – Это всего лишь история. – Но при этом он бросил взгляд на отца Ранда и, по-видимому, сам был не столь уж уверен в своих словах.

– Некоторые истории ни к чему рассказывать, – настаивал мастер Буйе. – Некоторые истории и знать-то не нужно! Непристойная она, вот что скажу. Не нравится она мне. Если

им про войны хочется послушать, расскажите им что-нибудь о Столетней войне или о Троллоковых войнах. Будут там и Айз Седай, и троллоки, коли вам так приспичило про такие вещи говорить. Или про Айильскую войну.

На мгновение Эгвейн почудилось, что мастер ал'Тор переменялся в лице. Оно представилось ей намного суровей. Таким суровым, что по сравнению с ним лица грозных купеческих охранников показались бы мягкими и добродушными. Что-то ей сегодня больно многое мерещиться стало. Обычно она не позволяла своему воображению так срываться с узды.

Мастер Коул вдруг открыл глаза и промолвил:

– Кенн, то, что он им расскажет, всего лишь история. Предание, и не более. – Он снова закрыл глаза. Никогда не угадаешь, спит мастер Коул или не спит.

– Тебе, Кенн, из всего, что ты слышал, нюхал и видел, никогда ничего не нравилось, – заметил мастер ал'Дэй. Худощавый старик, с тонкими белыми от седины волосами, приходился дедушкой Байли и был одних лет с мастером Коулом, если не старше. Ходил он, большей частью опираясь на палку, но глаза его были ясными, взгляд – острым, в точности как и разум. И ножницами для стрижки овец он действовал почти так же споро и ловко, как и мастер ал'Тор. – Мой тебе совет, Кенн, утихни и молчи в тряпочку, и пусть Тэм примется за дело.

Как ни хотелось мастеру Буйе возразить, однако он умолк, только пробурчал что-то себе под нос. Бросая сердитые взгляды на отца Ранда, он вновь занялся овцой. В изумлении Эгвейн покачала головой. Она часто слышала, как мастер Буйе на людях разглагольствовал о том, какой он важный человек в Совете деревни и как все прочие члены Совета к нему прислушиваются.

Мальчишки подступили поближе к мастеру ал'Тору и расположились перед ним полукругом, присев на корточки. История, из-за которой спорят члены Совета, наверняка интересная. Мастер ал'Тор продолжал состригать шерсть, но теперь уже медленнее. Он не хотел случайно поранить овцу, когда одновременно будет говорить и заниматься стрижкой.

– Это всего лишь предание, – сказал он, не обращая внимания на сердитые взгляды мастера Буйе, – никому не ведомо всего, что случилось. Но это происходило на самом деле. Слыхали про Эпоху легенд?

Кое-кто из мальчишек нерешительно кивнул. Эгвейн, не желая того, тоже кивнула. Взрослые, когда не верили чему-то или когда сомневались в возможности что-то сделать, говорили: «Разве что в Эпоху легенд». Она сама не раз это слышала. Просто еще одна присказка, вроде «когда у свиней крылья вырастут». По крайней мере, так она думала.

– То было три тысячи лет назад, если не больше, – продолжал отец Ранда. – Стояли огромные города, в которых зданий высотой больше Белой Башни полным-полно, а она-то уж выше всего... ну, кроме гор. Машины, что использовали Единую Силу, возили людей по земле быстрее скачущей лошади, а кое-кто говорит даже, будто другие машины носили людей по воздуху. Не было болезней. Не было голода. Не было войны. А потом мира коснулся Темный.

Мальчишки испуганно дернулись, а Элам даже упал. Он тут же поднялся, залившись краской и сделав вид, мол, ничего такого с ним не случилось. Эгвейн затаила дыхание. Темный. Может быть, потому, что она думала о нем раньше, теперь он казался ей особенно страшным. Она надеялась, что мастер ал'Тор не назовет этого имени. Так она думала и все равно боялась, что отец Ранда может произнести его вслух.

Мастер ал'Тор улыбнулся, успокаивая мальчиков, потрясенных сказанным им, и продолжил:

– О войне в Эпоху легенд у людей оставались только смутные воспоминания, но когда Темный коснулся мира, они быстро ей научились. И эта война вовсе не походила на те войны, о которых вы могли слышать от заезжих купцов, что покупают в наших краях шерсть и табак. Это не была война между двумя государствами. Эта война охватила весь мир. Война Тени, так ее стали называть. Те, кто защищал Свет, сражались с множеством тех, кто воевал за Тень,

и, помимо бесчисленных приспешников Темного, там были полчища мурддраалов и троллоков, превосходившие все, что исторгло Запустение во времена Троллоковых войн. Были и Айз Седай, которые предались Тени. Их называли Отрекшимися.

Эгвейн была дрожь, и она обрадовалась, заметив, что некоторые мальчишки обхватили себя руками. Обычно Отрекшимися матери пугали детей, когда те вели себя плохо. Будешь врать, придет Семираг и заберет тебя. А детей-воришек поджидает Ланфир. Эгвейн порадовалась, что ее мать так не поступала. Погодите-ка! Отрекшиеся Айз Седай?! Зачем мастер ал'Тор рассказывает такое кому ни попадя, не ровен час, его призовет к себе Круг женщин. Она знала, что Отрекшиеся были мужчинами, так что мастер, наверное, ошибается.

– Вы ждете, что я стану рассказывать вам о славных битвах? Нет. – На какое-то мгновение голос его зазвучал зловеще, но только на мгновение. – Никто ничего не знает об этих битвах, разве только то, что были они громадными по числу сражающихся. Может, у Айз Седай есть о них какие-то записи, но они вне их круга никому эти записи не показывают. Слыхали о великих сражениях времен возвышения Артура Ястребиное Крыло, о тех, что бывали в Столетнюю войну? По сто тысяч человек с каждой стороны? – (Мальчишки в ответ энергично закивали. Эгвейн тоже кивнула, но без воодушевления. Ей, в отличие от мальчишек, совершенно не нравились рассказы про всех этих людей, стремящихся друг друга убить.) – Ну, во время Войны Тени, – продолжал мастер ал'Тор, – эти битвы посчитали бы мелкими стычками. Уничтожались целые города – их ровняли с землей. И за пределами городов людям приходилось столь же тяжело. Где бы ни происходила битва, она оставляла после себя только опустошение и боль. Многие годы продолжалась война, и шла она по всему миру. И Тень понемногу начала одолевать. Свет теснили и теснили, пока не стало ясно, что Тень вскоре захватит все. Надежда таяла, как туман под лучами солнца. Но у Света был лидер, который никогда бы не сдался, и человека этого звали Льюс Тэрин Теламон. Или – Дракон.

Кто-то из мальчишек ахнул от изумления. Эгвейн даже смотреть не стала, кто это был, так увлеклась рассказом. Она перестала притворяться, будто разносит воду. Дракон был тем человеком, который все уничтожил!

Девочка мало что знала о Разломе Мира – если честно, то почти ничего, – но о Драконе-то всем известно. Конечно, Дракон сражался на стороне Тени!

– Льюс Тэрин призвал к себе товарищей, их назвали Сто спутников, и собрал маленькую армию. Впрочем, маленькой она считалась разве что тогда. Десять тысяч человек. Не такое уж маленькое войско по нынешним временам. Что скажете? – Казалось, этим вопросом он хотел вызвать у ребят смех, но веселого в негромком голосе мастера ал'Тора было мало. Он говорил так, словно сам участвовал в тех событиях. Эгвейн, понятно, не засмеялась, и никто из мальчишек тоже. Она слушала затаив дыхание. – В последней надежде Льюс Тэрин нанес отчаянный удар по долине Такан'дар, по средоточию самой Тени. Троллоки сотнями тысяч набросились на них. Троллоки и мурддраалы. Троллоки живут, чтобы убивать. Троллок способен голыми руками разорвать человека на куски. Мурддраалы – это смерть. Айз Седай, сражавшиеся за Тень, обрушили потоки огня и низвергали молнии на Льюса Тэрина и его воинов. Люди, следовавшие за Драконом, погибали не один за другим, а по десятку зараз, по двадцать, по пятьдесят. Под искаженным небом, в месте, где ничто не растет и расти никогда не будет, они сражались и погибали. Но они не отступали и не сдались. Они с боем прошли до Шайол Гул, и если Такан'дар – это средоточие Тени, то Шайол Гул – это средоточие средоточия, самая ее суть. Все, кто был в том войске, погибли, как и большая часть Ста спутников, но у Шайол Гул они вновь запечатали Темного в то узилище, что предназначено для него Создателем, а заодно с ним и Отрекшихся. Так мир был спасен от Темного.

Воцарилась тишина. Мальчишки широко раскрытыми глазами уставились на мастера ал'Тора. Сверкавшими так, словно они и в самом деле все это видели – и троллоков, и мурддраалов, и Шайол Гул. Эгвейн снова вздрогнула. Темный и все Отрекшиеся заключены в

Шайол Гул, отрезаны от мира людей, сказала она себе. Остального она не припомнила, но и это помогло. Вот только если Дракон спас мир, то как же вышло, что он его разрушил?

Кенн Буйе сплюнул. Сплюнул! Точно какой-нибудь вонючий купеческий охранник! Эгвейн уже не верила, что после всего случившегося сегодня сможет хоть раз подумать о нем как о мастере Буйе.

Поступок кровельщика вернул мальчишек, витающих мыслями неизвестно где, обратно на землю, и теперь они пытались смотреть куда угодно, лишь бы отвести взгляд от узловатого, как старое корневище, Кенна.

Перрин почесал голову и медленно произнес:

– Мастер ал’Тор, а что означает имя Дракон? Если кого-то прозвали Львом, то он вроде и должен быть как лев. Но что такое Дракон?

Эгвейн посмотрела на него удивленно. Об этом она никогда не задумывалась. Наверное, Перрин вовсе не был таким тугодумом, каким казался.

– Не знаю, – просто ответил отец Ранда. – И не думаю, что кто-нибудь знает. Может, даже Айз Седай не знают.

Он выпустил остриженную овцу и жестом попросил привести следующую. До Эгвейн дошло, что стричь овцу он закончил уже довольно давно. Должно быть, не хотел прерывать рассказ.

Мастер Коул открыл глаза и усмехнулся.

– Дракон. Даже и теперь это звучит грозно, – произнес он, и глаза его вновь закрылись.

– Да, так оно и есть, – сказал отец Эгвейн. – Только все это случилось очень давно и совсем далеко отсюда, и к нам не имеет ни малейшего отношения. Отдохнули, парни, историю послушали? Тогда за работу! – Мальчишки стали неохотно подниматься, а он добавил: – Здесь много ребят с окрестных ферм, с которыми вы, кажется, еще не знакомы. Знать соседей дело полезное, так что лучше вам с ними познакомиться. Мне не хочется, чтобы вы сегодня вместе работали – вы друг друга и так хорошо знаете. А теперь ступайте.

Мальчишки обменялись растерянными взглядами. Неужели действительно полагали, будто он отпустит их, позволив устроить то, что они затеяли? Особо мрачный вид был у Мэта с Дэвом, когда они шагали обратно, то и дело расстроено переглядываясь. У Эгвейн появилась мысль проследить за ними, но мальчишки уже расходились по одному, а ей нужно было понаблюдать за Рандом, чтобы побольше узнать о нем. Она поморщилась. Если он заметит ее, то вдруг решит, что она такая же глупая гусыня, как Силия Коул. И оставались еще дальние страны. Она всерьез собиралась повидать чужие края.

До девочки внезапно дошло, что вброды вокруг расшумелись, и было их гораздо больше, чем раньше; черные птицы, хлопая крыльями, срывались с деревьев и улетали на запад к Горам тумана. Эгвейн зябко повела плечами. Было такое чувство, что кто-то пристально смотрит ей в спину. Кто-то или...

Оборачиваться девочке совсем не хотелось, но все-таки она обернулась, поднимая взгляд на деревья позади занятых стрижкой мужчин. На суку, высоко на сосне, восседал одинокий ворон. Уставившись на нее. Именно на нее! Эгвейн ощутила неприятный холодок в животе. Ей хотелось одного – убежать. Вместо этого девочка заставила себя посмотреть на птицу, стараясь воспроизвести тот самый твердый взгляд Найнив. Через пару мгновений ворон издал хриплое карканье и сорвался с ветки; черные крылья понесли его на запад вслед за остальными.

«Похоже, у меня стал верно получаться тот взгляд», – подумала Эгвейн и сразу почувствовала себя глупо. Надо бы научиться не давать такую волю воображению. Ведь это всего лишь птица. А у нее хватает важных дел – хотя бы стать самым лучшим из водоносов. Лучшую разносчицу воды не напугают ни птицы, ни кто другой. Расправив плечи, Эгвейн снова устремилась через толпу, высматривая Беровин. Если они столкнутся, она, так и быть, предложит

Беровин ковшик воды. Коли сумела отпугнуть ворона, значит не спасует и перед сестрой. На это вся надежда.

Носить воду Эгвейн пришлось и на следующий год, и это было для нее сущим разочарованием, но девочка упорно старалась работать лучше других. Если уж приходится что-то делать, то выложись по полной и будь лучшей. Похоже, это сработало, потому что еще через год ей позволили помогать с угощением – на целый год раньше обычного! Тогда Эгвейн поставила себе новую цель: получить право заплетать косу раньше всех в Двуречье. Вообще-то, она не думала, что Круг женщин и в самом деле выдаст ей разрешение, но разве это настоящая цель, если ее легко добиться?

Слушать истории, которые рассказывают взрослые, Эгвейн расхотелось, хотя послушать, например, менестреля она бы не отказалась; однако девочка по-прежнему любила читать о чужедальных землях с чудными обычаями и мечтала их повидать своими глазами. Мальчишки тоже больше не просили рассказывать им истории. И вообще она сомневалась, что те много читают. Они вырастали, думая, что мир останется неизменным, и многие из услышанных когда-то историй потускнели для них, превратившись в милые воспоминания, другие позабылись совсем или оставили слабый след в памяти. Если бы они знали, что некоторые из тех историй были не просто сказками и преданиями... Война Тени, например. Или Разлом Мира. Льюс Тэрин Теламон. Как бы они к этому отнеслись? И все-таки, что на самом деле случилось дальше?

Пролог

Драконова гора

Время от времени дворец подрагивал, словно сама земля содрогалась от воспоминаний и тяжело вздыхала, не желая поверить в случившееся. Солнечные лучи, прорываясь сквозь трещины в стенах, выхватывали еще клубившуюся в воздухе пыль. Выжженные отметины пятнали стены, полы, потолки. На вспучившихся красках и позолоте когда-то ярких фресок чернели широкие мазки сажи, копоть покрывала осыпающиеся фризы с изображениями людей и животных, которые, казалось, пытались уйти перед тем, как безумие затихло. Мертвые лежали повсюду: мужчины, женщины, дети, – искавшие спасения, когда в них из каждого коридора ударили молнии, когда их объяло подкравшееся сзади пламя, когда у них под ногами потекли каменные плиты дворца, в которых они тонули еще живыми, – потом воцарилось безмолвие. Но, в странном контрасте с окружающим, неповрежденными остались многоцветные гобелены, сохранились фрески. Лишь там, где стены покосились, творения художников были попорчены. Мебель с превосходными резными узорами, отделанная золотом и драгоценной костью, стояла на прежних местах, только кое-где застывший волнами пол опрокинул стулья. Удар, поразивший разум и скрутивший рассудок, был нанесен точно в цель, не задев роскошную обстановку.

Льюс Тэрин Теламон бродил по дворцу, ловко удерживая равновесие, когда пол под ногами вздрагивал.

– Илиена! Любовь моя, где ты?

Светло-серый плащ его потянул за собой кровавый след, когда Льюс Тэрин Теламон перешагнул через тело золотоволосой женщины; черты ее красивого лица были искажены ужасом последнего мгновения жизни, а открытые глаза застыли в неверии.

– Где ты, жена моя? Куда все попрятались?

В покосившемся зеркале на вспученном мраморе стены человек уловил свое отражение. Королевские одежды серого, алого и золотого цветов – одеяние, некогда великолепное, из редкой ткани, привезенной купцами из-за Мирового моря, а теперь рваное и запачканное, – были запорошены пылью, покрывавшей и лицо, и волосы. На мгновение рука мужчины коснулась эмблемы на плаще – черно-белый круг, цвета которого разделялись волной. Что-то он значил, этот символ. Но вышитый круг задержал внимание не надолго. В удивлении Льюс Тэрин Теламон уставился на отражение в зеркале. Высокий, средних лет, когда-то красивый, но темные прежде волосы теперь по большей части поседели, морщины усталости и забот иссекли лицо, на котором выделялись темные глаза, видевшие слишком многое. Льюс Тэрин засмеялся и запрокинул голову; эхо покатило его смех по безжизненным залам.

– Илиена, любовь моя! Иди ко мне, жена! Ты должна увидеть это.

Воздух за его спиной зарябил, задрожал и уплотнился в фигуру человека. Возникший словно бы из ниоткуда мужчина осмотрелся по сторонам, на миг скривив губы от отвращения. Не такой высокий, как Льюс Тэрин, он был облачен во все черное, за исключением ослепительно-белого кружевного воротника и отделанных серебром отворотов высоких, до бедра, сапог. Он осторожно шагнул вперед, брезгливо подхватив полы плаща, чтобы не коснуться им распростертого тела. Пол дрогнул в слабом толчке, но все внимание человека в черном было приковано к смотрящему в зеркало и хохочущему мужчине.

– Повелитель утра, – произнес незнакомец, – я пришел за тобой.

Смех стих, как будто его и не было, и Льюс Тэрин, ничуть не удивленный, повернулся.

– А-а, гость! У тебя есть Голос, незнакомец? Скоро настанет время для Песни, и всех приглашают принять в ней участие. Илиена, любовь моя, у нас гость. Илиена, где же ты?

Глаза человека в черном расширились, взгляд метнулся к золотоволосой женщине, затем обратно на Льюса Тэрина.

– Шайи'тан тебя побери, неужели порча уже так вцепилась в тебя?

– Это имя... Шай... – Льюс Тэрин вздрогнул и поднял руку в оберегающем жесте, словно бы защищаясь от чего-то. – Не нужно произносить это имя. Это опасно!

– Хоть это-то ты помнишь! Опасно для тебя, глупец, не для меня. Что еще ты помнишь? Вспоминай, идиот, ослепленный Светом! Я не допущу, чтобы все кончилось, пока ты без памяти! Вспоминай!

Несколько мгновений Льюс Тэрин глядел на свою поднятую руку, зачарованно любясь разводами копоти на ней. Затем вытер руку о еще более грязное одеяние и повернулся к незнакомцу:

– Кто ты такой? Чего тебе надо?

Человек в черном развернул плечи и надменно произнес:

– Когда-то меня называли Элан Морин Тедронай, но теперь...

– предавший Надежду, – прошептал Льюс Тэрин. Воспоминания начали пробуждаться, но он мотнул головой, испугавшись их.

– Значит, кое-что ты помнишь. Да, предавший Надежду! Так люди называли меня, а тебя они прозвали Драконом, но я, в отличие от тебя, принял новое имя. Они дали его мне, стремясь меня оскорбить, но я еще заставлю их склониться пред этим именем и почитать его. А как поступишь со своим именем ты? После этого дня люди будут звать тебя Убийца Родичей. Как поступишь ты с этим именем?

Льюс Тэрин обводил взглядом разоренный зал.

– Илиена должна быть здесь и встречать гостя, – отсутствующим тоном пробормотал он, затем сказал во весь голос: – Илиена, где же ты?

Пол вздрогнул, тело золотоволосой женщины шевельнулось, словно откликаясь на призыв. Льюс Тэрин не замечал ее.

Элан Морин скривился.

– Посмотри на себя, – сказал он с презрением. – Было время, и ты первым стоял среди слуг. Было время, и ты владел кольцом Тамерлина, был верховной опорой и восседал на высоком троне. Было время, и ты призывал к себе девять Жезлов владычества. Взгляни на себя теперь! Жалкое растерзанное создание. Но и этого тебе мало. Ибо ты унижил меня в Зале слуг. Ты одолел меня пред вратами Пааран Дизен. Но теперь я более велик. Я не дам тебе умереть в неведении. Когда ты умрешь, последней твоей мыслью будет мысль о твоём полном поражении, ты осознаешь, сколь оно глубоко. Если я вообще позволю тебе умереть!

– Не могу понять, куда делась Илиена. У нее найдутся для меня неласковые слова, если она подумает, что я прячу от нее гостя. Надеюсь, беседа с ней понравится тебе, а ее-то она точно обрадует. Но предупреждаю: ты рискуешь провести остаток дней своих, рассказывая ей обо всем, что знаешь.

Отбросив черный плащ за спину, Элан Морин воздел руки.

– Как жаль, – посетовал он, – что здесь нет кого-нибудь из этих твоих сестер. Я никогда не был искушен в Исцелении, а сейчас я – последователь иной силы. Но ни одна из них не смогла бы дать тебе больше нескольких минут ясного ума, даже если ты и не успел бы сокрушить ее первой. То, что могу сделать я, моим целям послужит не хуже. – Его улыбка была неожиданна и жестока. – Но, боюсь, Шайи’таново Исцеление отличается от всего того, что тебе известно. Исцелись, Льюс Тэрин!

Он простер руки, и свет потускнел, словно бы тень легла на солнце.

Боль вспыхнула в Льюсе Тэрине, и он закричал; крик исторгся из самой глубины его души, крик, который он не мог остановить. Огонь опалил его до мозга костей, по жилам хлынула кислота. Он выгнулся дугой и рухнул спиной на мраморный пол, ударившись головой. Сердце бешено колотилось, готовое вырваться из груди, каждый удар пульса вновь вгонял в него пламя. Он беспомощно содрогался и извивался в конвульсиях, его череп, грозя взорваться от боли, превратился в источник невероятных страданий. Хриплые вопли разносились по всему дворцу.

Медленно, очень медленно боль отступила. Она отпускала Льюса Тэрина долго, чуть ли не тысячу лет; он лежал на полу, дрожа и судорожно хватая воздух горящим ртом. Казалось, прошла еще тысяча лет, прежде чем Льюс Тэрин сумел приподняться, напрягая непослушные мышцы-медузы; его качало из стороны в сторону, когда он, опираясь на ладони и колени, встал на четвереньки. Взор Льюса Тэрина упал на золотоволосую женщину, и вопль, сорвавшийся с его уст, не мог сравниться ни с одним криком, что прежде вырвала из него боль. Шатаясь, едва не падая, он подполз к жене. Чуть ли не все оставшиеся силы ушли на то, чтобы подтянуть Илиену к себе и обнять. Дрожащими руками Льюис Тэрин убрал волосы с лица женщины, вглядываясь в ее широко раскрытые глаза.

– Илиена! Да поможет мне Свет, Илиена! – Он склонился над ней, стараясь прикрыть собой, еле сдерживая в горле рыдания и стоны человека, которому незачем больше жить. – Нет, Илиена! Нет!

– Ты можешь вернуть ее, Убийца Родичей. Великий повелитель Тьмы может оживить ее, если ты будешь служить ему. Если будешь служить мне.

Льюс Тэрин поднял голову, и облаченный в черное человек невольно шагнул назад, увидев его горящие ненавистью глаза.

– Десять лет, Предавший Надежду, – тихо произнес Льюс Тэрин – тихо, как звучит обнаженный клинок. – Десять лет, как твой гнусный хозяин разрушил мир. А теперь это. Я...

– Десять лет! Ты, жалкий глупец! Эта война длится не десять лет, а идет с начала времен. Ты и я сражались в тысячах битв на каждом обороте Колеса, тысячи тысяч раз, и мы будем сражаться до тех пор, пока не остановится время и не восторжествует Тень!

Последние слова он выкрикнул, взметнув вверх сжатый кулак, и теперь уже Льюс Тэрин отшатнулся, с трудом переводя дыхание, заметив, как сверкают глаза Предавшего Надежду.

Осторожно Льюс Тэрин опустил Илиену, нежно провел пальцами по ее волосам. Когда он встал, слезы застилали взор, но голос его отдавал холодом и металлом.

– Что бы ты ни сделал, этому не будет прощения, Предавший Надежду, но за смерть Илиены я уничтожу тебя, и твой хозяин не поможет тебе. Готовься к...

– Вспомни, ты, глупец! Вспомни тщету своего нападения на Великого повелителя Тьмы! Вспомни ответный удар! Вспомни! Даже теперь Сто спутников раздирают мир на части, и каждый день еще сто человек присоединяются к ним. Чья рука погубила Илиену Солнечноволосую, Убийца Родичей? Не моя. Нет, не моя! Чья рука поразила всякую жизнь, которая несла в себе хоть каплю твоей крови, всех, кто любил тебя, всех, кого любил ты? Не моя, Убийца Родичей. Нет, не моя. Вспомни все, и ты узнаешь цену за сопротивление Шайи’тану!

Внезапно по лицу Льюса Тэрина, покрытому копотью и грязью, покатались капли пота. Он вспомнил: туманное воспоминание, похожее на сон во сне, но он понял, оно – правда.

Стены отразили дикий рев человека, вдруг открывшего, что душа его проклята навеки, проклята за деяния его собственных рук. Он стал царапать лицо, словно желая вырвать глаза и не видеть того, что содеял. Везде, куда бы Льюс Тэрин ни устремлял взгляд, он видел мертвых. Были они растерзаны, изломаны, опалены огнем, наполовину поглощены камнем. Везде были безжизненные лица тех, кого он знал, тех, кого он любил. Старые слуги и друзья детства, верные соратники, прошедшие с ним через многие годы битв. И его дети. Его сыновья и дочери, замершие навсегда, лежащие словно сломанные куклы. Все пали от его руки. Лица детей обвиняли, невидящие глаза вопрошали, – и слезы его не стали для них ответом. Смех Предателя стегал как кнут, заглушая стоны. Льюс Тэрин больше не мог видеть эти лица, терпеть эту боль. Не мог вынести всего этого. В отчаянии он потянулся к Истинному Источнику, к попорченному *саидин*, и Переместился.

Местность оказалась ровной и пустынной. Поблизости несла свои воды река, широкая и прямая, но Льюс Тэрин ощущал, что на сотню лиг вокруг не было ни души. Он был один, в таком одиночестве, в каком может пребывать человек, пока жив, но от воспоминаний тем не менее убежать не удалось. Глаза преследовали его, преследовали по бесконечным пещерам разума. Он не мог спрятаться от них. Глаза его детей. Глаза Илиены. Слезы блеснули на щеках Льюса Тэрина, когда он поднял лицо к небу.

– Свет, прости меня!

Он не верил, что прощение придет. За то, что он сделал, – нет. Но Льюс Тэрин Теламон все равно кричал, обращаясь к небу, моля о том, чего не мог получить, моля о прощении, не веря в то, что может быть прощен.

Он по-прежнему касался саидин, мужской половины силы, которая правит Вселенной и вращает Колесо Времени, и ощущал маслянистое пятно, пачкающее его поверхность, – пятно ответного удара Тени, пятно, которое обрекло мир на гибель. Из-за него. Так как в гордыне своей он возомнил, что люди могут сравниться с Создателем, что они могут восстановить созданное Творцом, но людьми же испорченное. В гордыне своей он верил в это.

Льюс Тэрин потянулся к Истинному Источнику, жадно припав к нему, как умирающий от жажды – к сосуду с водой. Он стал быстро черпать Единую Силу, больше, чем мог направить без посторонней помощи, и кожу его словно охватило пламенем. Напрягаясь изо всех сил, он заставил себя вобрать еще больше, стараясь вычерпать все.

– Свет, прости меня! Илиена!

Воздух обратился в пламя, огонь стал жидким сиянием. С неба ударила молния, и всякий, кто хоть на миг бы узрел ее, выжег бы себе глаза и ослеп. Сорвавшись с небес, огненная стрела пронзила Льюса Тэрина Теламона и прожгла себе путь в недра земли. Едва она коснулась скалы, как та обратилась в пар. Земля заметалась и затряслась, словно живое существо в предсмертной агонии. На одно только биение сердца землю и небо связал сияющий стержень, но даже после его исчезновения земля еще ходила волнами, будто море в шторм. Расплавленные скалы взлетали в воздух на пять сотен футов, вздыбилась стонущая земля, взметнув еще выше пылающий фонтан. С воем примчались ветры – с севера и с юга, с востока и с запада. Они с хрустом переламывали деревья, словно те были тонкими прутиками, яростные порывы своими ударами и пронзительным свистом как бы помогали горе расти все выше к небу. Все выше к небу, все выше.

Наконец ветры стихли, земля успокоилась, подрагивая в такт отдаленному грохоту. От Льюса Тэрина Теламона не осталось и следа. Там, где он стоял, теперь, устремившись на мили в небо, возвышалась гора; пышущая жаром земных глубин лава еще выплескивалась из обломанной верхушки. Катаклизм сдвинул русло прежде прямой реки в сторону; теперь она большой дугой огибала гору, и в самой середине реки, разделяя ее на два рукава, возник длинный

остров. Тень от горы почти достигала острова, ее мрачная полоса легла на равнину зловещей печатью пророчества. Какое-то время единственным звуком был глухой протестующий гул.

Воздух над островом замерцал и сгустился. Человек в черном стоял и разглядывал огненную гору, поднявшуюся над равниной. Черты его лица исказились от ярости и презрения.

– Ты не уйдешь так просто, Дракон. Меж нами еще не все кончено. И не кончится – до скончания времен!

Затем он исчез, а гора и остров остались одни. Остались ждать.

И пала Тень на землю, и раскололся Мир, как камень. И отступили океаны, и сгнули горы, и народы рассеялись по восьми сторонам Мира. Луна была как кровь, а солнце – как пепел. И кипели моря, и живые позавидовали мертвым. Разрушено было все, и все потеряно, все, кроме памяти, и одно воспоминание превыше всех прочих – о том, кто принес Тень и Разлом Мира. И имя ему было – Дракон.

Из «Алет нин Таэрин алта Камора, Разлом Мира». Неизвестный автор, Четвертая эпоха

И явилось это в те дни, как являлось раньше и как будет являться не раз, – Тьма тяжело легла на землю и омрачила сердца людей, и увяли листья, и пожухли травы, и умерла надежда. И возопили люди к Создателю, говоря: О Свет Небес, Свет Мира, пусть гора родит Обещанного, о котором говорят пророчества, как то было в эпохах прошедших и как то будет в эпохах грядущих. Пусть Принц утра споет земле о зеленеющей траве и о долинах, полнящихся агнцами. Пусть длань Повелителя рассвета укроет нас от Тьмы и великий меч справедливости защитит нас. Пусть вновь несется Дракон на ветрах времени.

Из «Харал Дрианаан тэ Каламон, Цикл Дракона». Неизвестный автор, Четвертая эпоха

Глава 1

Пустая дорога

Вращается Колесо Времени, приходят и уходят эпохи, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, эпоху, которая еще будет, эпоху давно минувшую, поднялся ветер в Горах тумана. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

Ветер, что родился под пиками, вечно одетыми в облака, давшие горам их название, дул на восток, через Песчаные холмы, что до Разлома Мира были берегом великого океана. Он устремился в Двуречье, в буреломный лес, прозванный Западным лесом, и врезался в двух человек, идущих рядом с лошадей, запряженной в двуколку. Они спускались по усеянному камнями проселку, который назывался Карьерной дорогой. Ветер дышал ледяным холодом снежных зарядов, хотя весна должна была наступить уже добрый месяц назад.

Порывы ветра налетели на Ранда ал'Тора, прижали плащ к его спине, обернули вокруг ног шерстяную ткань серо-бурого цвета, а затем принялись трепать край плаща. Ранду хотелось, чтобы куртка на нем была бы теплее, да и напрасно он не надел еще одну рубашку. Попытка справиться с плащом одной рукой – в другой он сжимал лук с наложенной на тетиву стрелой – ни к чему хорошему не привела: пока он возился с плащом, тот ухитрился зацепиться за колчан, висящий у Ранда возле бедра.

Когда сильный порыв ветра выдернул плащ у него из рук, Ранд через спину косматой гнедой кобылы взглянул на отца. Он чувствовал себя немного неловко из-за своего желания убедиться, что Тэм все еще рядом, но такой уж выдался день. Завывал ветер, но, когда вой утихал, стояла тишина. Тихий скрип оси двуколки звучал неестественно громко. В лесу не пели птицы, не пересвистывались на ветках белки. Ранд этого и не ждал – в такую-то весну.

Зелеными были только те деревья, что не сбросили на зиму листья и хвою. Камни и корни деревьев оплетала коричневая спутанная паутина прошлогодних побегов куманики. Среди трав больше всего было крапивы, попадались растения с колючками и репьями, некоторые, когда их подминал под себя неосторожный сапог, отвратительно воняли. В глубокой тени плотно стоящих деревьев еще сохранились белые снеговые тропки. Туда не могли пробиться солнечные лучи, не имевшие ни нужной силы, ни тепла. Бледное солнце зацепилось за верхушки деревьев на востоке, но свет его был подернут темной рябью, будто смешанный с тенью. Утро было тревожным, наводящим на малоприятные размышления.

Без всякой задней мысли Ранд потрогал на хвостовике стрелы прорезь для тетивы, готовый одним плавным движением подтянуть ее к щеке – как учил его Тэм. На фермах зима выдалась тяжелой, худшей из всех, что помнили старики, но в горах она должна была оказаться еще

более жестокой, если судить по количеству волков, устремившихся с гор в Двуречье. Волки совершали набеги на овчарни и нацеливались на хлева, чтобы добраться до скотины и лошадей. За овцами повадились и медведи – и это там, где медведей годами не видели. Выходить со двора с наступлением темноты стало небезопасно. Столь же часто, как и овцы, добычей зверей становились люди, и не только после захода солнца.

По другую сторону от Белы равномерно шагал Тэм, используя копые как дорожный посох и не обращая внимания на ветер, который играл его коричневым плащом, развевая его, точно знамя. Время от времени он легонько похлопывал кобылу по боку, чтобы та не останавливалась. Плотного телосложения, с могучей грудью и с широким лицом, в это утро он был единственной опорой реального мира, словно камень в самой середине медленно проплывающего видения. Пусть морщинисты его загорелые щеки, пусть седина выбелила когда-то темные волосы, но в нем была прочность – поток мог бурлить вокруг него, но сбить его с ног был не в силах. Тэм спокойно шагал по дороге. Волки и медведи были, как он говаривал, «зверье что надо», и любой, кто держит овец, должен их опасаться, но им лучше не пытаться остановить Тэма ал'Тора, направляющегося в Эмондов Луг.

Виновато вздрогнув, Ранд вернулся к наблюдению за своей стороной дороги: деловитость Тэма напомнила ему о собственных обязанностях. Ранд был на голову выше отца, выше любого в округе, но телосложением мало походил на Тэма, за исключением, пожалуй, широких плеч. Серые глаза и рыжеватые волосы достались Ранду, как утверждал Тэм, от матери. Она была нездешней, и Ранд плохо ее помнил, разве что улыбающееся лицо, хотя каждый год – весной, в Бэл Тайн, и летом, в День солнца, – приносил цветы на ее могилу.

В повозке лежали два маленьких бочонка яблочного бренди Тэма, там же находились и восемь больших бочек яблочного сидра, слегка только набравшего крепости за время зимней выдержки. Каждый год Тэм доставлял такой груз в гостиницу «Винный ручей», чтобы было что выпить в Бэл Тайн. Он заявил, что этой весной его может остановить лишь нечто большее, чем какие-то волки и холодный ветер. Они и так не были в деревне несколько недель. В эти дни даже Тэм не уходил с фермы надолго. Но относительно бренди и сидра Тэм дал слово, а для Тэма было важно исполнить обещанное, – даже если придется отложить доставку груза до кануна праздника. А Ранд только рад был выбраться с фермы, почти так же рад, как и самому Бэл Тайну.

Ранд следил за своей стороной дороги и вдруг почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Какое-то время он старался не обращать на это внимания – среди деревьев ничто не шелохнулось, не раздалось ни звука, только ветер шумел. Но ощущение не только не исчезло, оно стало сильнее. Волоски на руках шевельнулись, по коже пробежал зуд, ее защипало, словно бы ее кололи тысячи иголок.

Ранд раздраженно перехватил лук, чтобы почесать руки, и приказал себе не поддаваться фантазиям. С его стороны леса ничего не было, а Тэм сказал бы, если что-то произошло с его стороны. Ранд бросил взгляд через плечо... и моргнул. Не более чем в двадцати спанах за ними по дороге следовала верхом на лошади фигура в плаще, лошадь и всадник одинаково черные, какие-то тусклые, без единого светлого пятна.

Скорее облачение незнакомца, чем что-то другое, заставило Ранда развернуться и дальше идти спиной вперед рядом с повозкой, не отрывая от него взгляда.

Плащ скрывал всадника до голенищ сапог, капюшон был надвинут так, что не позволял ничего разглядеть. Ранд смутно подумал, что во всаднике есть что-то странное, взгляд притягивало остающееся в тени лицо под капюшоном. Видны были лишь неясные очертания лица, но у Ранда возникло ощущение, что смотрит он прямо в глаза верховому. И взгляда он отвести не мог. В животе появилась вызывающая тошноту слабость. Под капюшоном Ранд видел только тень, но ощущал ненависть, ощущал так же остро, как будто смотрел в перекошенное от злобы лицо, – ненависть ко всему живому. И сильнее всего – ненависть к нему.

Вдруг Ранд споткнулся о подвернувшийся под ногу камень, и взгляд его оторвался от темного всадника. Он пошатнулся и, выронив лук на дорогу, уцепился рукой за упряжь Белы, – если бы не это, он наверняка бы грохнулся спиной наземь. Испуганно фыркнув, кобыла остановилась и повернула голову, чтобы увидеть, что ее там схватило.

Тэм хмуро глянул на Ранда поверх спины Белы:

– Что там с тобой, парень?

– Всадник, – выдохнул Ранд, выпрямляясь. – Кто-то чужой едет за нами по пятам.

– Где? – Старший ал’Тор поднял копье с широким наконечником и пристально посмотрел назад.

– Там, на... – Слова застряли у Ранда в горле, когда он повернулся, чтобы показать преследователя. Дорога была пуста. Не веря своим глазам, он всмотрелся в лес по обе стороны дороги. Среди деревьев с голыми ветвями спрятаться было никак нельзя, но там не было ни намека на лошадь или на всадника. Ранд встретился взглядом с отцом – во взоре Тэма ясно читался вопрос. – Он был там. Человек в черном плаще и на черной лошади.

– Не сомневаюсь в твоих словах, парень, но куда он делся?

– Не знаю, но он там был.

Ранд поднял лук и стрелу, торопливо проверил оперение, приложил стрелу и наполовину натянул лук, но сразу же ослабил тетиву. Целиться было не в кого.

– Он был!

Тэм покачал седеющей головой:

– Ну если ты так говоришь, парень... Пойдем посмотрим. От лошади останутся отпечатки копыт, даже на такой почве.

Он развернулся и сделал несколько шагов, его плащ хлопал на ветру.

– Если мы обнаружим следы, то будем уверены в том, что он был здесь. Если же нет... Что ж, значит, эти дни заставляют человека думать, что он что-то видит.

Вдруг Ранда осенило, что такого странного было во всаднике, не считая того, был ли он вообще. Ветер, который стегал Тэма и его, оказался не в силах приподнять полы того черного плаща. У Ранда разом пересохло во рту. Он должен был сообразить это. Отец прав: это утро играет нехорошие шутки с воображением. Но Ранду в это как-то не верилось. Вот только как высказать отцу, что незнакомец, – похоже, просто растворившийся в воздухе, – одет в плащ, которому нет дела до ветра?

Обеспокоенно нахмурившись, Ранд всматривался в окружающий лес, который теперь выглядел иначе, чем раньше. Юноша свободно бегал по лесу, чуть ли не с того возраста, как начал ходить. Учился плавать в озерах и речушках Мокрого леса, что за последними фермами к востоку от Эмондова Луга. Бродил по Песчаным холмам – о которых многие в Двуречье говорят, будто те приносят несчастье. Однажды он, вместе со своими лучшими друзьями Мэтом Коутоном и Перрином Айбара, добрался до самых подножий Гор тумана, намного дальше того, куда решалось зайти большинство жителей Эмондова Луга, для тех событием было и путешествие в соседнюю деревню, к Сторожевому Холму или к Дивен Райд. Но нигде Ранду не встретилось мест, к которым следовало относиться с опаской. Однако сегодня Западный лес не походил на тот лес, что он помнил. Человек, который исчезает так неожиданно, столь же внезапно может и появиться, возможно, даже прямо перед ними.

– Нет, отец, не надо! – Когда Тэм, удивленный, остановился, Ранд спрятал свой румянец, натянув поглубже капюшон плаща. – Наверное, ты прав. Незачем искать то, чего здесь нет. Нет смысла впустую тратить время, мы как раз успеем добраться до деревни и укрыться от этого ветра.

– Чтобы согреться, мне хватит трубки и кружки эля, – медленно сказал Тэм. Он ухмыльнулся. – А ты, по-моему, очень хочешь увидеть Эгвейн.

Ранд вымученно улыбнулся. Сейчас ему меньше всего хотелось думать о дочке мэра. Мысли его и так были в крайнем беспорядке. За последний год она, когда бы они ни встретились, постоянно сбивала его с толку. И, что хуже всего, она, похоже, не сознавала этого. Нет, Ранду определенно не хотелось забивать себе сейчас голову еще и мыслями об Эгвейн.

Ранд надеялся, что отец не заметил, как он испуган, когда Тэм вдруг сказал:
– Помни пламя, парень, и пустоту.

Этому необычному упражнению Ранда научил Тэм. Сконцентрироваться на язычке пламени и отправить в него все свои сильные чувства – страх, ненависть, гнев, – пока разум не станет пуст. Стань один с пустотой, говорил Тэм, и ты будешь способен на все. Никто больше в Эмондовом Лугу не говорил так. Но на ежегодных состязаниях лучников, в день Бэл Тайна, победы все время одерживал Тэм – со своими пламенем и пустотой. Ранд спросил себя, удастся ли ему самому стать одним из первых, если совладеет с пустотой и она ему поможет. Упоминание Тэма означало, что отец все заметил, но больше ничего об этом тот не сказал.

Тэм причмокнул, погоняя лошадь, и они пошли по дороге дальше, причем старший зашагал с таким видом, будто ничего не произошло и ничего произойти и не могло. Ранд попробовал, подражая ему, достичь пустоты в своем сознании, но мысли постоянно соскальзывали на образ всадника в черном плаще.

Ему хотелось верить, что Тэм прав и всадник – лишь игра его воображения, но он очень хорошо помнил то ощущение ненависти. Кто-то *был*. И этот кто-то затаил на него зло. Ранд не оглядывался, пока не оказался среди высоких, островерхих, крытых соломой домов Эмондова Луга.

Деревня находилась вблизи Западного леса, который к околице мало-помалу редел, но несколько деревьев стояли возле крепких каркасных домов. Местность полого опускалась к востоку. Фермы, огороженные плетнями поля и пастбища, перемежаемые иногда заплатами рощиц, стеганым одеялом покрывали Двуречье за деревней вплоть до Мокрого леса с его путаной сетью речушек и прудов. К западу земля была весьма плодородной, и трава на тучных пастбищах росла в изобилии почти все годы, но фермы в Западном лесу можно было пересчитать по пальцам. Но даже их не было на мили вокруг от Песчаных холмов, не говоря уже о Горах тумана, что возвышались за лесом и, хотя и вдалеке, ясно виднелись из Эмондова Луга. Некоторые заявляли, что земля в тех местах слишком каменистая, – будто где-то в Двуречье камней не было, – другие же утверждали, что те места не приносят счастья. Кое-кто ворчал вполголоса о том, что нет никакого проку жить к горам ближе, чем нужно. Что бы ни было тому причиной, но только самые смелые обзаводились фермами в Западном лесу.

Как только двуколка въехала в деревню, сразу вокруг нее стайками стали кружиться ребятишки и собаки. Бела терпеливо брела вперед, не обращая внимания на галдящих мальчишек, что вертелись у нее под носом, играя в пятнашки и гоняя обручи. В прошлые месяцы детям было не до веселья и игр на улице: страх перед волками удерживал их по домам, даже когда погода смягчилась. Казалось, наступающий Бэл Тайн заново научил их играть.

Близкий праздник сказывался и на взрослых. Широкие ставни распахнуты настежь, и почти в каждом окне хозяйки в передниках и с длинными косами, заправленными под головные платки, проветривали простыни и взбивали перекинутые через подоконники и свешивающиеся из окон перины. Пробивается листва на деревьях или нет, но ни одна женщина не позволит Бэл Тайну наступить раньше, чем будет закончена весенняя приборка. В каждом дворе на заборах висели коврики, и ребятишки, которые не оказались достаточно проворными, чтобы сбежать на улицу, вымещали обиду за крушение своих планов на половиках, поднимая клубы пыли плетеными выбивалками. Там и тут рачительные хозяева ползали по крышам, проверяя, какой урон нанесла зима и не нужно ли позвать кровельщика, старого Кенна Буйе.

Не раз Тэма останавливали для короткого разговора. Поскольку его и Ранда несколько недель не было в деревне, каждому хотелось узнать, как обстоят дела на фермах в той части

Двуречья. Мало кто из обитателей ферм в Западном лесу выбирался в Эмондов Луг. Тэм рассказал об ущербе, причиненном зимними выюгами, одна хуже другой, о ягнятах, родившихся мертвыми, о бурых пашнях, где должно было уже прорасти зерно, о выгонах, где давно должна бы зеленеть трава, о воронах, сбивающихся стаями там, где раньше годами вили гнезда певчие птицы. Хмурые разговоры на фоне приготовлений к Бэл Тайну и еще больше озабоченных покачиваний головами. И так со всех сторон.

Большинство мужчин пожимали плечами и говорили: «Что ж, переживем, будь на то воля Света». Кое-кто ухмылялся и добавлял: «И если не будет на то воли Света, все равно переживем».

Такова была жизнь людей Двуречья. Народа, которому приходится смотреть на то, как град побил его зерно, как волки уносят его ягнят, и которому нужно начинать все заново – не важно, сколько лет это продолжается, – такой народ так просто не уступит. Почти все те, кто быстро сдался, уже давным-давно умерли.

Тэм не остановился бы из-за Вита Конгара, если бы тот не протянул свои ноги поперек улицы – ни проехать ни пройти. Конгары, как и Коплины (эти две семьи так перемешались, что никто точно не знал, где кончается одна и начинается другая), от Дивен Райд и до Сторожевого Холма, а может, и до Таренского Перевоза были известны как вечно чем-то недовольный, постоянно на что-то жалующийся, да еще и причиняющий всякие беспокойства народец.

– Мне нужно передать это Брану ал’Виру, Вит, – сказал Тэм, кивая на бочонки в повозке, но тощий Вит оказался упрям. Он с кислой миной разлегся на своем крыльце, а не на крыше, хотя та явно нуждалась во внимании мастера Буйе. Готовностью взяться за какое-либо дело второй раз или закончить раз начатое Вит не славился. Многие из Коплинов и Конгаров походили этим на него, а кто не был похож, оказывался еще хуже.

– Ну, ал’Тор, что будем делать с Найнив? – спросил Конгар. – Нам в Эмондовом Лугу такая Мудрая без надобности.

Тэм тяжело вздохнул:

– Это не наша забота, Вит. Мудрая – дело женщин.

– Да ладно, надо же что-то делать, ал’Тор. Она говорила, что будет мягкая зима. И добрый урожай. А теперь спроси-ка у нее, что она слышит в ветре, так она лишь нахмурит брови, посмотрит сердито да ногой топнет.

– Если ты спросишь ее так, как спрашиваешь обычно, Вит, – сказал Тэм, не теряя выдержки, – считай, что тебе повезло, если она не поколотит тебя своим посохом. А сейчас, если ты не против, это бренди...

– Найнив ал’Мира чересчур молода для Мудрой, ал’Тор. Если ничего не делает Круг женщин, значит должен вмешаться Совет деревни.

– Какое тебе дело до Мудрой, Вит Конгар? – взвился женский голос. Вит дернулся и поджал ноги, когда из дома показалась его жена. Дейз Конгар была вдвое больше мужа в объёме, без единой унции жира и с грубыми чертами лица. Она свирепо глядела на мужа, уперев руки в бедра. – Ты лезешь в дела Круга женщин, а вот посмотрим, как тебе понравится есть собственную стряпню. Которую ты будешь готовить не на моей кухне. И как ты будешь сам стирать свою одежду, и как тебе будет спать одному на кровати. Которая будет не под моей крышей!

– Но, Дейз, – заскулил Вит, – я только...

– С вашего позволения, Дейз, – сказал Тэм. – Вит! Да осияет вас Свет!

Он пустил Белу шагом в обход тощего малого. Покамест внимание Дейз было поглощено мужем, но в любой момент до нее могло дойти, с кем беседовал Вит. И тогда...

Именно поэтому Тэм и Ранд и не принимали приглашений остановиться ненадолго и перекусить или выпить чего-нибудь горячего. Едва завидев Тэма, добрые хозяйки Эмондова Луга делали стойку, словно гончие, почуявшие кролика. Любая из них в точности знала, кто

в самый раз подойдет в жены вдовцу с хорошей фермой в придачу, пускай даже и в Западном лесу.

Ранд шел в этом отношении почти вровень с Тэмом, а иногда, может, и опережал отца. Не раз, когда Тэма не оказывалось рядом, его почти загоняли в угол, не оставляя иного способа к бегству, кроме проявления невоспитанности. Усадив на стул подле кухонного очага, его потчевали печеньем, медовыми пряниками и пирожками с мясом. И всегда глаза хозяйки взвешивали и обмеряли Ранда с такой же точностью, как весы и мерные ленты торговца, пока сама она толковала: мол, угощение по вкусу ни в какое сравнение не идет с тем, что готовит ее вдовая сестрица или кузина, которая всего-то на год ее старше. Тэму, конечно, не стоит брать молоденькую, убеждала его хозяйка. Хорошо, что он так любил свою жену, – это сулит только хорошее той, кто станет его женой, – но уж больно долго Тэм в трауре. Ему нужна хорошая женщина. Это же очевидно, утверждала добровольная сваха, что мужчине никак не обойтись без женщины, которая заботилась бы о нем и оберегала от неприятностей. Хуже всего бывало с теми, которые, многозначительно помолчав после такого вступления, с нарочитой небрежностью спрашивали потом, сколько сейчас лет ему.

Как у большинства двуреченцев, в натуре Ранда ярко проявлялось упрямство. Чужеземцы иногда говорили, что по этой, чуть ли не главной черте характера всегда можно узнать людей из Двуречья: те вполне могут давать уроки упрямства мулам и учить этому камни. Хозяйки большей частью были добрыми и славными женщинами, но Ранд терпеть не мог, когда его к чему-то принуждают, и из-за их обращения чувствовал себя так, будто его погоняют палками. Поэтому теперь он шагал быстро и всем сердцем хотел, чтобы Тэм поторопил Белу.

Вскоре улица вышла на Лужайку – широкую площадь посреди деревни, обычно поросшую толстым травяным ковром. Этой весной на Лужайке, среди желтовато-бурой жухлой травы и черноты голой земли, проглядывали всего несколько островков новой зелени. Неподалеку вышагивали вперевалку пара дюжин гусей, оглядывая землю маленькими блестящими глазками, но не находя ничего, что заслуживало бы их внимания. Кто-то привязал корову попасть на скудной растительности.

На западной стороне Лужайки из-под камня брал начало Винный ручей, который никогда не иссякал. Его течение было настолько сильным, что могло сбить человека с ног, а вода оправдывала название ручья своей свежестью. От этого истока, быстро расширяясь, торопливо текла на восток Винная река, ее берега заросли ивой до мельницы мастера Тэйна и даже дальше, пока она не разделялась на дюжины протоков в болотистых дебрях Мокрого леса. Возле Лужайки через прозрачный поток были переброшены два низких огражденных мостика и еще один, пошире и покрепче, чтобы мог выдержать повозки. Фургонный мост отмечал место, где Северный большак, идущий от Таренского Перевоза и Сторожевого Холма, становился Старым трактом, ведущим к Дивен Райд. Чужестранцы иногда находили забавным, что одна и та же дорога имеет разные названия: одно – к северу, а другое – к югу. Но таков был обычай, который, сколько помнили в Эмондовом Лугу, был всегда, и значит, так тому и быть. Для народа Двуречья вполне резонная причина.

На дальней стороне мостков виднелись подготовленная к Бэл Тайну земляная насыпь для костров и три аккуратные поленницы дров, почти такой же высоты, что и дома. Костры, разумеется, нужно разжигать на расчищенном участке земли, а не на Лужайке, пусть даже травы на ней совсем мало, как сейчас. Ведь те события праздника, которые будут происходить не вокруг костров, состоятся на Лужайке.

Возле Винного ручья десятка два пожилых женщин устанавливали весенний шест и негромко напевали. Очищенный от сучков, прямой, гладкий ствол ели возвышался на десять футов, даже когда его опустили в вырытую для него яму. Чуть поодаль сидели, скрестив ноги, несколько девушек, слишком еще молодых, чтобы им заплетали косы. Они завистливо наблюдали за происходящим и время от времени подпевали работающим женщинам.

Тэм прицокнул на Белу, словно желая поторопить ее, на что она никак не отреагировала, и Ранд намеренно отвел глаза, чтобы не видеть того, чем заняты женщины. Утром мужчинам надо будет делать вид, что они удивлены появлением шеста. Потом, днем, незамужние девушки будут танцевать вокруг шеста, обвивая его длинными цветными лентами под песни холостых мужчин. Никто не знал, откуда взялся этот обычай – еще один всегда существовавший обычай, – но он был предлогом для песен и танцев, и никому в Двуречье для этого не нужен был иной предлог.

Целый день Бэл Тайна занимали песни, танцы, угощения, не считая состязаний по ходьбе, да и не только по ней. Призами награждались победители в стрельбе из лука, лучшие в метании камней из пращи, во владении дорожным посохом. Соревновались в разгадывании головоломок и загадок, в перетягивании каната, в поднятии тяжестей и бросках их на дальность. Полагались призы и лучшему танцору, лучшему певцу, лучшему скрипачу, самому быстрому в стрижке овец, даже лучшим игрокам в шары и в дротики.

Бэл Тайн всегда проводится тогда, когда бесповоротно наступила весна, когда появляются на свет первые ягнята и когда зеленеют первые всходы. Но ни у кого и в мыслях не было теперь отложить его, пусть даже холод не хочет отступать. Каждому хотелось немного попеть и потанцевать. Вдобавок ко всему на Лужайке, по слухам, намечался грандиозный фейерверк, – разумеется, если первый в этом году торговец появится вовремя. Толки об этом стали предметом досужих пересудов – с последнего фейерверка прошло уже десять лет, но об этом событии все еще вспоминали.

Гостиница «Винный ручей» стояла на восточном краю Лужайки, сразу возле Фургонного моста. Первый этаж ее был сложен из речного камня, хотя на фундамент пошли более древние камни, привезенные, поговаривали, чуть ли не с гор. На втором этаже, чьи побеленные стены выступали, нависая над нижним этажом, вокруг всего здания, в задних комнатах жил с женой и дочерьми Бранделвин ал'Вир, содержатель гостиницы и вот уже двадцать лет бессменный мэр Эмондова Луга. Красная черепичная крыша – одна такая во всей деревне – чуть поблескивала в слабых лучах солнца, а над тремя из дюжины высоких труб на крыше поднимались дымки.

К южному концу здания, в стороне от речки, примыкали остатки еще более обширного каменного фундамента, бывшего когда-то частью гостиницы, – так, по крайней мере, говорили. Теперь в самой его середине возвышался огромный дуб со стволом, имевшим в обхвате шагов тридцать, и с сучьями толщиной с человека. Летом под его раскидистую крону Бран ал'Вир выносил столы, и посетители могли в свое удовольствие посидеть в теничке, наслаждаясь вином и прохладным ветерком, проводя время за беседой или разложив доску для игры в камни.

– Вот мы и на месте, парень. – Тэм протянул было руку к поводьям Белы, но та уже остановилась прямо у входа в гостиницу. – Лучше меня дорогу знает, – усмехнулся он.

Не успела ось повозки скрипнуть в последний раз, как из дверей гостиницы появился Бран ал'Вир, направляясь к двуколке легкой походкой, необычной для человека, который был вдвое толще любого другого мужчины в деревне. Широкая улыбка сияла на его лице, редкие седые волосы были аккуратно расчесаны. Невзирая на холод, содержатель гостиницы был только в жилетке, живот его обтягивал белоснежный, без единого пятнышка, фартук. На шее висел серебряный медальон в виде чашечных весов.

Медальон, а вместе с ним набор чашечных весов нормальных размеров, предназначенных для взвешивания монет купцов, приезжающих из Байрлона за шерстью и табаком, являлся символом должности мэра. Бран носил медальон только при заключении сделок с купцами и на празднествах, званых обедах и на свадьбах. Для праздника он надел его рановато, но ведь сегодняшняя ночь будет Ночью зимы, ночью перед Бэл Тайном, когда всяк мог ходить по гостям почти до утра, обмениваясь маленькими подарочками, слегка закусывая и выпивая в любом доме. «После такой зимы, – подумал Ранд, – он, наверное, считает Ночь зимы удобным предлогом не ждать до завтра».

– Тэм! – воскликнул мэр, спеша к Тэму и Ранду. – Да сияет надо мной Свет, я так рад наконец увидеть тебя! И тебя, Ранд. Как поживаешь, мальчик мой?

– Отлично, мастер ал'Вир, – ответил Ранд. – А как вы, сэр?

Но внимание Брана уже переключилось на Тэма.

– Я уже начал думать, что в этом году тебе не удастся привезти бренди. Раньше ты с этим делом никогда так не тянул.

– Не хотелось в эти дни оставлять ферму без присмотра, Бран, – отозвался Тэм. – Волки эти кругом. Да еще и погода.

Бран крякнул:

– Как мне хочется, чтобы хоть кто-нибудь заговорил не о погоде. Все на нее жалуются, а кое-кто, кому следует соображать получше, ждет, что я наведу порядок и в погоде. Вот сейчас я битых полчаса объяснял миссис ал'Донел, что ничего не могу поделывать с аистами. Н-да, знать бы, что она хотела от меня... – Он покачал головой.

– Дурной знак, – раздался скрипучий голос, – в Бэл Тайн нет на крышах аистинных гнезд.

К Тэму и Брану прошествовал угловатый и потемневший, как старое корневище, Кенн Буйе, опиравшийся на такой же высокий и узловатый, как он сам, посох. Кенн пытался смотреть глазками-бусинками сразу на обоих мужчин.

– Грядет нечто худшее, попомните мои слова.

– Ты стал предсказателем, толкуешь знаки? – сухо осведомился Тэм. – Или, как Мудрая, слушаешь ветер? Да, ветров в этих местах хватает. Кое-какие где-то здесь и рождаются.

– Смейтесь, смейтесь, коли хочется, – пробормотал Кенн, – но если тепла неостанет, чтобы зерно поскорее дало всходы, то до жатвы опустеет не один погреб с овощами. Следующей зимой в Двуречье не останется никого, кроме волков и воронов. Если следующая зима вообще наступит. Может статься, все еще будет продолжаться эта зима.

– Ну и что означают сии предположения? – язвительно поинтересовался Бран.

Кенн одарил его сердитым взглядом:

– Много хорошего о Найнив ал'Мира я не скажу. Ты это знаешь. Одно скажу: она слишком молода, чтобы... Ладно, не важно. Круг женщин возражает, когда Совет деревни всего лишь обсуждает их дела, хотя сами лезут в наши, когда вздумается, что бывает почти всегда, или так кажется...

– Кенн, – перебил его Тэм, – какой во всем этом смысл?

– Еще какой, ал'Тор! Спроси Мудрую, когда кончится зима, и она уйдет от ответа. Может, она не хочет нам рассказывать, что ей говорит ветер. Может, она слышит, что зима не кончится. Может, всего лишь то, что зима будет длиться до тех пор, пока не повернется Колесо и не кончится эпоха. Вот тебе и смысл.

– А еще, может, овцы научатся летать, – парировал Тэм.

Бран воздел руки:

– Да сохрани меня Свет от дураков. Кенн, ты – в Совете деревни, а повторяешь болтовню Коплина. Ладно, послушай меня. У нас хватает забот и без...

Резкий рывок за рукав и приглушенный голос отвлекли Ранда от разговора старших:

– Пойдем, Ранд, пока они тут спорят. Пока тебя на работу не запрягли.

Ранд глянул вниз и усмехнулся. Рядом с двуколкой, изогнувшись жилистым телом, словно старающийся сложиться вдвое аист, притаился Мэт Коутон. Ни Тэм, ни Бран, ни Кенн его не заметили.

Карие глаза Мэта, как обычно, блестели озорством.

– Мы с Дэвом заловили большого старого барсука, он ворчит вовсю – его ж прямо из норы выдернули. Вот мы его сейчас на Лужайку выпустим и поглядим, как девушки забегают.

Улыбка Ранда стала шире; хоть это и не казалось ему таким забавным, как год-другой назад, но Мэт, похоже, так никогда и не повзрослеет. Ранд бросил взгляд на отца. Трое мужчин, по-прежнему занятые разговором, говорили уже чуть ли не все разом.

Ранд сказал, понизив голос:

– Я обещал разгрузить сидр. Так что можно встретиться попозже.

Мэт закатил глаза:

– Таскать бочки! Пусть я сгорю, да лучше мне в камни играть со своей младшей сестренкой. Что ж, я знаю кое-что получше барсука. В Двуречье – чужаки. Прошлым вечером...

Ранд едва не задохнулся от волнения.

– Человек верхом на лошади? – спросил он, решившись. – Человек на черной лошади, в черном плаще? И плащ на ветру не шевелится?

Мэт проглотил ухмылку, и голос его упал до хриплого шепота:

– Ты тоже его видел? Я думал, что только я. Не смейся, Ранд, но он до смерти меня напугал.

– И не собираюсь. Он и меня испугал. Готов поклясться, он так меня ненавидел, что хотел убить. – При этом воспоминании Ранд содрогнулся. До того дня он и не предполагал, что кто-то может захотеть его убить – убить по-настоящему. Такого в Двуречье еще не было. Кулачный бой, может быть, или борцовская схватка, но не убийство.

– Не знаю насчет ненависти, Ранд, но все равно он и так достаточно жуткий. Он просто сидел на своей лошади и смотрел на меня, у самой деревни, на околице, и все, но я испугался, как никогда в жизни. Всего на мгновение я отвел взгляд – что, сам понимаешь, оказалось нелегко, – потом смотрю, а его и нет. Кровь и пепел! Вот уже три дня, как это произошло, а он все из головы не идет. Все время через плечо оглядываюсь. – Мэт попытался засмеяться, но смех походил скорее на кваканье или карканье. – Занятно, как в тебя может вцепиться испуг. Начинаешь думать о всяком таком, странном. Мне даже пришло в голову, буквально на минутку, что это мог быть Темный. – Он попытался рассмеяться еще раз, но теперь смех совсем застрял у него в горле.

Ранд глубоко вздохнул и, то ли желая напомнить самому себе, то ли по какой другой причине, стал читать наизусть:

– Темный и все Отрекшиеся заключены в Шайол Гул, что за Великим Запустением, заключены Создателем в миг Творения, заключены до скончания времен. Рука Создателя оберегает мир, и Свет сияет для всех нас. – Он перевел дыхание и сказал: – Кроме того, если он и освободился, что Пастырю Ночи делать в Двуречье – подстергать фермерских сынков?

– Не знаю. Но, по-моему, этот всадник... зло. Не смейся. Я готов поклясться. Может, то был Дракон.

– Да-а, ты просто переполнен жизнерадостными мыслями, – проворчал Ранд. – Твои речи похуже Кенновых.

– Моя мама всегда твердила, что за мной придет Отрекшийся, если я не перестану себя плохо вести. Если когда-нибудь я увижу кого-то, похожего на Ишамаэля или Агинора, то это наверняка будет кто-нибудь из них.

– Всех матери страшат Отрекшимися, – сдержанно сказал Ранд, – но большинство вырастают из таких сказок. Почему бы тогда не Человек Тени, коли уж речь зашла о таком?

Мэт пристально посмотрел на Ранда:

– Я не был так напуган с тех... Нет, я вообще не был так испуган, не помню за собой такого.

– Я тоже. Отец думает, что я от теней под деревьями шарахаюсь.

Мэт мрачно кивнул и облокотился о колесо повозки.

– Вот-вот, и мой па то же самое. Я рассказал Дэву и Эламу Даутри. С тех пор они озираются по сторонам, как ястребы, но ничего не заметили. Теперь Элам считает, что я хотел надуть

его. Дэв думает, что этот черный заявился с Таренского Перевоза – какой-нибудь ворюга, охотчий до овец или цыплят. Куриный вор, надо же!

Мэт оскорбленно замолчал.

– Может, все это сплошная глупость, – подвел итог Ранд. – Может быть, он всего-навсего тот, кто крадет овец.

Он попытался вообразить себе эту картину, но это было все равно что представить здорового волчину, притаившегося вместо кошки у мышьи норки.

– Знаешь, мне совсем не понравилось, как он на меня посмотрел. Да, видно, и тебе тоже, раз ты так ухватился за мои слова. Нам надо кому-то все рассказать.

– Уже рассказали, Мэт, мы оба, и нам не поверили. Представь себе, как ты сумеешь убедить мастера ал'Вира в существовании этого малого, когда он такого в глаза не видел? Да он пошлет нас к Найнив, чтобы удостовериться, не больны ли мы.

– Нас же двое. Никто не поверит, что мы оба это выдумали.

Ранд почесал макушку, задумавшись, что ответить. В деревне Мэт был притчей во языцех. Немногим повезло избежать его шуточек. Если где-то белье шлепнулось с бельевой веревки в грязь или расстегнувшаяся подпруга сбросила фермера на дорогу, тут же всплывало имя Мэта, которого рядом могло и не быть. Лучше уж совсем ничего, чем Мэт-свидетель.

Чуть погодя Ранд сказал:

– Твой отец решит, что это ты меня подговорил, а мой... – Он взглянул в сторону Тэма, Брана и Кенна и понял, что смотрит прямо в глаза отцу. Мэр все еще отчитывал угрюмо молчащего теперь Кенна.

– Доброе утро, Мэтрим, – весело сказал Тэм, подтягивая один из бочонков с бренди поближе к борту повозки. – Вижу, ты пришел помочь Ранду разгрузить сидр. Хороший мальчик.

При первых же словах Тэма Мэт вскочил на ноги и начал пятиться в сторонку.

– Доброго вам утра, мастер ал'Тор! И вам, мастер ал'Вир, мастер Буйе. Да сияет над вами Свет. Мой па послал меня...

– Несомненно, послал, – сказал Тэм. – И нет сомнений, что поскольку ты – парень, который делает работу по дому сразу, не откладывая, то ты свою уже выполнил. Что ж, чем раньше, ребята, сидр окажется в подвале у мастера ал'Вира, тем раньше вы сможете увидеть менестреля.

– Менестреля! – воскликнул Мэт, замерев на полдороге. В то же мгновение Ранд спросил:

– Когда он здесь будет?

За всю жизнь Ранд мог припомнить только двух менестрелей, появлявшихся в Двуречье. Одного из них он видел, когда был совсем малышом и сидел на плечах у Тэма. То, что здесь на Бэл Тайн будет менестрель, с арфой, с флейтой, со всеми историями и прочим... В Эмондовом Лугу станут лет десять обсуждать этот праздник, даже если никакого фейерверка и не будет.

– Глупость, – буркнул Кенн, но умолк, придавленный взглядом, в который Бран вложил весь авторитет мэра.

Тэм прислонился к борту повозки, опершись рукой о бочонок с бренди:

– Да, менестрель, и уже здесь. Если верить мастеру ал'Вир, то сейчас он в гостинице, в своей комнате.

– Да, да, явился в глухую полночь. – Содержатель гостиницы неодобрительно покачал головой. – Дубасил в парадную дверь, пока не поднял на ноги весь дом. Если б не праздник, велел бы ему поставить лошадь в конюшню и спать в стойле вместе с ней, менестрель ты там или нет. Представьте себе этакое пришествие посередь ночного мрака.

Ранд изумленно вытаращил глаза. Никому и на ум не придет выйти за околицу ночью, да еще в эти дни, тем более в одиночку. Кровельщик что-то пробурчал себе под нос, но в этот раз так тихо, что Ранд расслышал всего одно-два слова. «Безумец» и «странный».

– На нем не было черного плаща? – вдруг спросил Мэт.

Живот мастера Брана заколыхался от смеха.

– Черного! Да у него плащ как и у всякого менестреля, что я видел. Больше заплат, чем самого плаща, да и такой расцветки, что вы и представить себе не можете.

Ранд был поражен своим громким смехом – смехом, полным неподдельного облегчения. Нелепо вообразить внушающего ужас всадника в черном одеянии в роли менестреля, но... Он смущенно прикрыл рот ладонью.

– Видишь, Тэм, – сказал Бран. – С тех пор как наступила зима, в этой деревне было очень мало смеха. Теперь всего лишь плащ менестреля принес веселье. Уже за одно это стоит раскошелиться, раз он приехал из самого Байрлона.

– Говорите что хотите, – неожиданно произнес Кенн. – Я все равно утверждаю, что это глупая трата денег. И эти фейерверки, на которых вы настояли и за которыми послали.

– Значит, фейерверки есть, – сказал Мэт, но Кенн гнул свое:

– Они должны были прибыть еще месяц назад, с первым в этом году торговцем, но торговец не явился. А если он не прибудет до завтра, что мы будем делать с этими самыми фейерверками? Что, устроим другой праздник, лишь бы запустить их? И то если он их привезет, конечно.

– Кенн, – вздохнул Тэм, – у тебя к людям столько же доверия, как у кого-нибудь из Таренского Перевоза.

– Так где же он тогда? Ответь мне, ал'Тор.

– Почему вы нам ничего не сказали? – обиженно спросил Мэт. – Вся деревня радовалась бы этому известию не меньше, чем самому менестрелю. Ну или почти так же. Вы же видите, как все приободрились только от слухов о фейерверке.

– Вижу, вижу, – отозвался Бран, искоса посмотрев на кровельщика. – И знай я наверняка, кто пустил эти слухи... Вспомни я, например, того, кто прилюдно жаловался, как дорого обходятся кое-какие вещи. Хотя ведь подразумевалось, что о них никому не будет сказано ни слова и они останутся в тайне.

Кенн прочистил горло:

– Для такого ветра мои кости слишком стары. Если не возражаете, то я пойду гляну, не согласится ли миссис ал'Вир приготовить горячего вина с пряностями, чтобы мне согреться. Мэр. Ал'Тор.

Последние слова Кенн произносил уже на ходу, направляясь к гостинице. Когда дверь за ним захлопнулась, Бран вздохнул.

– Иногда мне кажется, – сказал он, – что Найнив права насчет... Ладно, сейчас это не важно. Эй, молодежь, задумайтесь-ка на минутку. Верно, каждый радуется предстоящему фейерверку, но фейерверк-то пока не больше чем слух. Пораскиньте мозгами, что станется с людьми, если торговец не появится здесь вовремя – после такого ожидания и предвкушения веселья. А с этой погодой так вполне может обернуться: кто знает, когда он приедет. Менестрелю они радовались бы в пятьдесят раз больше.

– И чувствовали бы себя в пятьдесят раз хуже, если бы тот не пришел, – медленно сказал Ранд. – После чего и Бэл Тайн был бы людям не в радость.

– У тебя, оказывается, есть голова на плечах, когда захочешь ее к делу применить, – сказал Бран. – Придет день, Тэм, и этот парнишка будет в Совете деревни. Попомни мои слова. Даже сейчас он нагнул бы меньше, чем некоторые.

– А повозку так никто и не разгружает, – сказал Тэм, вспомнив о деле. Он вручил первый бочонок с бренди мэру. – Мне бы сейчас сесть к жаркому огоньку, закурить трубочку и попросить у тебя кружку твоего доброго эля. – Тэм пристроил второй бочонок с бренди себе на плечо. – Мэтрим, я уверен, Ранд обязательно скажет тебе за помощь спасибо. Вспомните-ка: чем скорее сидр окажется в подвале...

Когда Тэм и Бран вошли в гостиницу, Ранд повернулся к другу:

– Не нужно мне помогать. Того барсука Дэв долго удерживать не станет.

– М-да, а почему? – без особой надежды в голосе сказал Мэт. – Как там сказал твой па: чем скорее сидр будет в подвале... – Обхватив бочку сидра двумя руками, он потрусил к гостинице. – Может быть, Эгвейн где-то рядом. Одно удовольствие смотреть на тебя, как ты стоишь, уставясь на нее, словно бычок на мясника с ножом. Развлеченьице не хуже барсука!

Ранд, который укладывал в двуколку лук и колчан, так и замер. Ему действительно удалось выкинуть Эгвейн из головы. Само по себе это было необычно. Но Эгвейн наверняка где-то рядом с гостиницей. Не много шансов, что удастся избежать встречи с нею. Конечно же, ведь в последний раз он видел ее несколько недель назад.

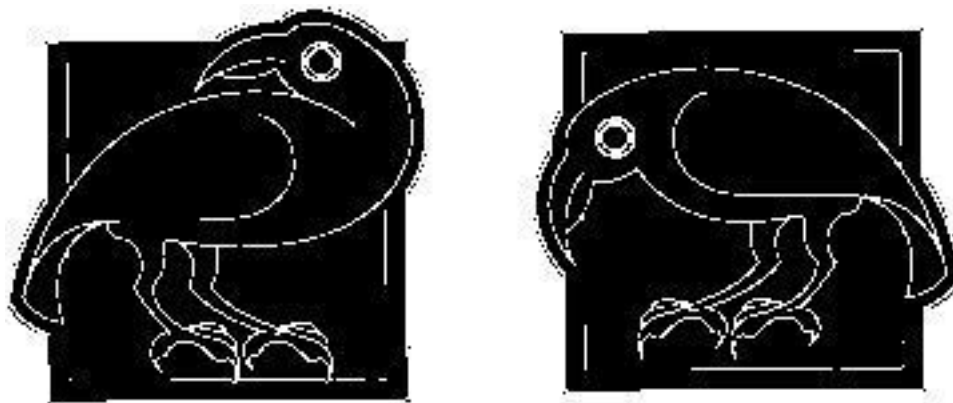
– Ну идешь? – окликнул его Мэт от дверей. – Я не говорил, что все буду делать один. Ты еще не в Совете деревни.

Ранд рывком поднял бочку и направился вслед за Мэтом. Может, Эгвейн тут вообще и близко нет. Странно, но такая мысль вовсе не улучшила ему настроения.

Глава 2

Чужаки

К тому времени, когда Ранд и Мэт понесли первые бочки через общий зал, мастер ал'Вир уже наполнил пару кружек лучшим темным элем своего собственного приготовления из одного из бочонков, уложенных подле стены. Наверху бочонка, прикрыв глаза и обернув хвост вокруг себя, примостился Царапч – рыжий гостиничный кот. Тэм стоял перед огромным очагом, сложенным из речного камня, и набивал трубку с длинным чубуком табаком из полированной табакерки, что хозяин гостиницы всегда держал на каминной полке. Камин занимал добрую половину стены большой квадратной комнаты, его верхняя перемычка находилась на высоте человеческого плеча, и тепло от яркого, потрескивающего в очаге пламени вытеснило холод за дверь.

Ранд предполагал, что в этот час полного забот дня накануне праздника в общей зале не окажется никого, за исключением Брана, отца и кота, но перед огнем, в креслах с высокими спинками, расположились еще четыре члена Совета деревни, считая и Кенна. Они держали в руках кружки, а головы сидящих окутывал голубовато-серый дым. На сей раз перед ними не лежали доски для игры в камни, и все книги Брана стояли на своих местах, на полочке напротив камина. Мужчины даже не разговаривали, молча уставившись в эль или постукивая в нетерпении чубуками трубок по зубам, дожидаясь, когда к ним присоединятся Тэм и Бран.

Заботы не были редкостью в эти дни для Совета деревни, ни в Эмондовом Лугу, ни в Сторожевом Холме, ни в Дивен Райд. И даже для Совета в Таренском Перевозе, хотя кто знает, думают ли о чем-либо люди из Таренского Перевоза. Лишь двое мужчин у камина, кузнец Харал Лухан и мельник Джон Тэйн, мельком глянули на вошедших парней. Мастер Лухан, однако, не просто глянул. Могучие, в буграх мускулов, руки кузнеца были с ляжку обычного человека. Он до сих пор не снял длинный кожаный фартук, словно его срочно позвали на собрание прямо от кузнечного горна. Кузнец смерил ребят хмурым взглядом, неторопливо выпрямился в кресле, полностью сосредоточившись на тщательном уминании табака в трубке.

Ранд, заинтригованный, приостановился, но затем едва сдержал взвизг, когда Мэт лягнул его, угодив по лодыжке. Он требовательным кивком указал Ранду на дверь в дальней части общей залы и заторопился туда, не ожидая ответа. Чуть прихрамывая, Ранд, не так быстро, поспешил следом.

– В чем дело-то? – спросил Ранд, едва оказавшись в коридоре, ведущем в кухню. – Ты мне чуть ногу не...

– В старом Лухане, – сказал Мэт, глядя в плечо Ранда в общий зал. – По моему, он подозревает, что именно я... – Он вдруг оборвал фразу, когда из кухни торопливым шагом вышла миссис ал'Вир, распространяя вокруг себя запах свежее испеченного хлеба.

На подносе, который она несла в руках, стояли тарелки с соленьями и сыром и лежало несколько караваев с хрустящей корочкой, которыми она славилась в Эмондовом Лугу. Вид и запах еды напомнил вдруг Ранду, что этим утром, перед выходом с фермы, он съел лишь краюху хлеба. В животе у Ранда, к его смущению, заурчало.

Миссис ал'Вир, стройная женщина с толстой седеющей косой, перекинутой через плечо, по-матерински улыбнулась:

– На кухне всего этого с избытком, если вы оба проголодались; впрочем, я никогда не встречала мальчиков вашего возраста, которые бы не были голодны. Или любого другого возраста, если уж об этом речь. Правда, если вам захочется, – этим утром я пеку медовые пряники.

Она была одной из немногих замужних женщин в округе, которые не набивались Тэму в свахи. Ее по-матерински доброе отношение к Ранду проявлялось в теплых улыбках и скромном угощении всякий раз, когда бы он ни зашел в гостиницу, но таким же образом она поступала и по отношению ко всем молодым парням в округе. Если же она порой поглядывала на него с более далеко идущими намерениями, то дальше взглядов она, по крайней мере, не заходила, за что Ранд был глубоко ей признателен.

Не дожидаясь ответа, миссис ал'Вир умчалась в общий зал. Немедленно раздался скрежет отодвигаемых кресел, когда мужчины повставали с мест, а следом послышались благодарности и похвалы хозяйке за свежеспеченный хлеб. Бесспорно, готовила она лучше всех в Эмондовом Лугу, и на мили вокруг не было человека, который бы с радостью не ухватился за подвернувшуюся возможность оказаться у нее в гостях за обеденным столом.

– Медовые пряники, – облизываясь, сказал Мэт.

– После, – твердо ответил ему Ранд, – или мы никогда не закончим.

Над лестницей в погреб, как раз рядом с дверью на кухню, висела лампа, другая ярко освещала сам погреб с каменными стенами. Лишь в самых дальних его углах притаилась полумгла. На деревянных полках, протянувшихся вдоль стен и поперек комнаты, стояли бочонки с бренди и сидром, а также бочки с элем и вином, в некоторые из них вместо затычек были вбиты краны. На многих бочках имелись собственноручные пометки Брана ал'Вира, который мелом надписывал год, когда они были куплены, у какого торговца и в каком городе изготовлено содержимое. Но весь эль и все бренди были от фермеров Двуречья или же сделаны самим Браном. Торговцы и даже купцы продавали иногда бренди или эль из других краев, но они никогда не были так же хороши, как местные, стоили кучу денег, и их никто не просил больше одного раза.

– Ну, – сказал Ранд, когда они поставили свои бочонки на полки, – что ты такого натворил, раз тебе приходится прятаться от мастера Лухана?

Мэт пожал плечами:

– Да так, вообще-то, ничего. Сказал Адану ал'Каару и паре его дружков-сопляков – Ивину Финнгару и Дагу Коплину, – что фермеры видели гончих-призраков, изрыгающих пламя, которые бежали через лес. Они скушали это за милую душу, как топлёные сливки.

– И за это мастер Лухан на тебя осерчал? – с сомнением в голосе спросил Ранд.

– Не совсем. – Мэт помолчал, затем тряхнул головой. – Видишь ли, я обсыпал двух его собак мукой, так что они стали совсем белые. Потом выпустил их возле дома Дага. Откуда мне было знать, что они рванут прямо домой? Это уж точно не моя вина. Не оставь миссис Лухан двери открытыми, собаки не забежали бы внутрь. Я вовсе не думал вывалить в муку весь ее дом. – Мэт хохотнул. – Слышал, она выгнала из дома старого Лухана и собак, всех троих, – веником.

Ранд одновременно смеялся и морщился.

– На твоём месте я бы больше беспокоился из-за Элсбет Лухан, чем из-за кузнеца. Она почти так же сильна, а характер у нее намного хуже. Хотя это все равно. Может, если ты пройдешь быстро, он тебя и не заметит.

По лицу Мэта можно было понять, что шутки Ранда он воспринимает более чем серьезно. Тем не менее, когда они направились через общий зал обратно, торопиться нужды не было. Шестеро мужчин сдвинули свои кресла перед камином тесным кружком. Тэм, сидя спиной к огню, говорил тихим голосом, а другие наклонились к нему, слушая его так внимательно, что навряд ли заметили бы даже стадо овец, прогони его мимо них. Ранду захотелось подойти поближе, чтобы услышать, о чем идет разговор, но Мэт дернул его за рукав и посмотрел умоляющим взглядом. Со вздохом Ранд пошел за Мэтом к двуколке.

Вернувшись, наверху лестницы ребята обнаружили поднос с горячими медовыми пряниками, заполнившими коридор своим ароматом. Там же оказались две кружки и кувшин горячего сидра с пряностями. Вопреки собственному решению подождать со сладким, Ранд вдруг обнаружил, что две последние ходки от повозки в подвал он пытался жонглировать бочонком и горячим, с пылу с жару, пряником.

Пока Мэт отводил душу пряниками, Ранд установил последнюю бочку на полку, смахнул крошки с губ и сказал:

– Ну, что там о мене...

По лестнице простучали шаги, и в погреб торопливо скатился Ивин Финнгар, его толстошее лицо просто-таки светилось от желания поделиться новостями.

– В деревне чужаки! – Он с трудом перевел дыхание и искоса глянул на Мэта. – Никаких гончих-призраков я не видал, но слышал, что кто-то обсыпал мукой собак мастера Лухана. И слышал еще, что у миссис Лухан есть кое-кто на примете, кого надо искать.

Тех лет, что разделяли Ранда и Мэта с Ивином, которому исполнилось всего четырнадцать, обычно хватало, чтобы быстренько разобраться со всем, что тот скажет. На этот раз парни переглянулись и затем почти одновременно заговорили.

– В деревне? – спросил Ранд. – Не в лесу?

– Его плащ был черным? Ты разглядел его лицо? – перебивая друга, сказал Мэт.

Ивин непонимающе переводил взгляд с одного на другого, потом, когда Мэт угрожающе шагнул к нему, быстро заговорил:

– Конечно же, я разглядел его лицо. И плащ у него – зеленый. Или, может, серый. Все время меняется. Плащ как будто сливается с тем, возле чего он стоит. Иногда ты его даже не видишь, хоть и смотришь прямо на него. Разглядеть удастся, только если он пошевелится. А у нее плащ – голубой как небо и в десять раз наряднее, чем любые праздничные одежды, что я видел. И к тому же она в десять раз красивее всех, кого я в жизни встречал. Она высокородная леди, как в сказках. Наверное, так.

– Ее? – сказал Ранд. – О ком ты говоришь?

Он уставился на Мэта, который заложил руки за голову и зажмурился.

– О них-то я и хотел рассказать тебе, – проворчал Мэт, – до того, как ты втянул меня... – Он оборвал фразу и открыл глаза, чтобы пронзить взглядом Ивина. – Они прибыли прошлым вечером, – продолжил Мэт через мгновение, – и сняли комнаты в гостинице. Я видел, как они прискакали. А их лошади, Ранд! Я никогда не видывал таких высоких лошадей или таких холеных. Они выглядели так, будто могут скакать вечно. По-моему, он у нее в услужении.

– На службе, – вмешался, не утерпев, Ивин. – В сказаниях это называется – быть на службе.

Мэт продолжал, словно не слыша Ивина:

– Во всяком случае, он ей подчиняется, делает все, что она приказывает. Только он не похож на наемного слугу. Может, воин. Ты бы видел, как он носит меч, кажется, что меч – его часть, рука или нога. По сравнению с ним купеческие охранники просто шавки. А она, Ранд! Я никогда и вообразить себе не мог никого похожего на нее. Она точно из менестрелевых преданий. Она словно... словно... – Он умолк, окидывая Ивина сердитым взглядом. – Словно высокородная леди, – закончил он со вздохом.

– Но кто они такие? – спросил Ранд. Не считая купцов, раз в год приезжающих закупать табак и шерсть, и торговцев, чужеземцы никогда, или почти никогда, не появлялись в Двуречье. Может, в Таренском Перевозе, но не так далеко к югу. К тому же большинство купцов и торговцев наезжали сюда многие годы подряд, так что их не считали на деле чужаками. Просто нездешними. Минуло добрых пять лет с той поры, как в последний раз в Эмондовом Лугу появлялся настоящий чужак, да и тот пытался скрыться от какой-то неприятности, приключившейся с ним в Байрлоне, а от какой – никто в деревне не понял. Он надолго не задержался. – Чего им надо?

– Чего им надо? – воскликнул Мэт. – Мне все равно, чего им надо. Чужаки, Ранд, и такие чужаки, какие тебе и не снились. Вдумайся в это!

Ранд открыл было рот, но так ничего и не сказал. Всадник в черном плаще действовал ему на нервы так же, как на нервы кошке бегущая за ней собака. Выглядело же все зловещим совпадением: трое чужаков рядом с деревней в одно и то же время. Трое, если только плащ того, о ком говорил Ивин, – плащ, меняющий цвет, – никогда не становится черным.

– Ее зовут Морейн, – сказал Ивин, воспользовавшись возникшей паузой. – Я слышал, как он обращался к ней. Морейн, так он ее называл. Леди Морейн. А его имя – Лан. Мудрой она, может, и не нравится, а мне понравилась.

– С чего ты взял, что Найнив ее невзлюбила? – спросил Ранд.

– Она спрашивала дорогу у Мудрой этим утром, – ответил Ивин, – и назвала ее – «дитя». – И Ранд, и Мэт тихо присвистнули, а Ивин затараторил, пустившись в сбивчивые и торопливые объяснения: – Леди Морейн не знала, что Найнив – Мудрая. Она извинилась, когда это выяснилось. Да, извинилась. И стала расспрашивать Найнив о травах, о том, кто есть кто в Эмондовом Лугу, причем с тем же уважением, с каким к ней относятся все женщины в деревне, если не с большим. Она о жителях вопросы задавала: о том, сколько человеку лет, долго ли он тут прожил и... да я всего и не упомяну. В любом случае Найнив отвечала ей так, словно раскусила незрелую ягоду сладину. Потом, когда леди Морейн отошла, Найнив смотрела ей вслед, будто... будто... ну, не очень-то дружелюбно, я бы так сказал.

– Это все? – сказал Ранд. – Ты же знаешь характер Найнив. Когда в прошлом году Кенн назвал ее «дитя», она стукнула его по голове своим посохом, а он все-таки из Совета деревни и, кроме того, по летам ей в дедушки годится. Она же вскипает по любому поводу, но долго не сердится, если только добивается своего.

– По мне, так слишком... слишком долго, – пробормотал Ивин.

– Мне нет дела до того, кого бьет Найнив, – фыркнул Мэт, – до тех пор, пока это не я. Судя по всему, наш Бэл Тайн будет самым лучшим из всех. Менестрель, леди – чего можно еще пожелать? Кому нужен фейерверк?

– Менестрель? – Ивин едва не заверещал от восторга.

– Пойдем, Ранд, – продолжал Мэт, не обращая внимания на мальчишку. – Тут мы уже закончили. Тебе надо бы взглянуть на того приятеля.

Он взбежал по лестнице, следом карабкался Ивин, канюча:

– Что, и в самом деле менестрель, Мэт? Это не как те гончие-призраки? Или лягушки?

Ранд задержался только для того, чтобы потушить лампу, потом поспешил за Мэтом и Ивином.

В общем зале к группе у камина присоединились Рауэн Хэрн и Сэмил Кро, и в результате тут собрался Совет деревни в полном составе. Теперь говорил Бран ал'Вир, его обычно грубовато-добродушный голос был сейчас так тих, что от тесно сдвинутых кресел доносился лишь приглушенный рокот. Свои слова мэр подчеркивал, ударяя толстым указательным пальцем по ладони другой руки и поочередно вглядываясь каждому в лицо. Все кивали, соглашаясь со всем, что он говорил, хотя Кенн, в отличие от остальных, кивал с большой неохотой.

То, каким тесным кружком они расположились, говорило о теме обсуждения больше, чем ярко раскрашенная вывеска. О чем бы ни шла речь, дело касалось исключительно Совета деревни, по крайней мере пока. Члены Совета могли бы не понять Ранда, попытайся тот подслушать. Юноша неохотно отошел в сторону. Еще оставался менестрель. И те чужаки.

На дворе Белы и двуколки не было – о них позаботились Хью или Тэд, конюхи гостиницы. Мэт и Ивин стояли в нескольких шагах от парадной двери гостиницы, уставившись друг на друга, ветер трепал их плащи.

– Говорю в последний раз, – рявкнул Мэт, – я не пытаюсь одурачить тебя. Менестрель *здесь*. А теперь вали отсюда! Ранд, скажи этому шерстеголовому, что я говорю правду, может, тогда он от меня отвяжется!

Поплотнее закутавшись в плащ, Ранд шагнул вперед на помощь Мэту, но слова замерли у него на языке, а на затылке зашевелились волосы. За ним опять наблюдали. Это ощущение не походило на то чувство, какое возникло от всадника в капюшоне, но радости от этого все равно было мало, особенно так скоро после той неожиданной встречи.

Быстрый взгляд на Лужайку, и Ранд увидел то же, что и раньше, – играющая ребятня, люди, занятые подготовкой праздника, и никого, кто смотрел бы в его сторону. Одинокó возвышался ожидающий праздника весенний шест. Суета и ребячьи крики заполняли боковые улочки. Все было так, как и должно было быть. Если не считать того, что за Рандом наблюдали.

Тогда что-то подсказало юноше повернуться кругом и взглянуть вверх. На краю черепичной крыши гостиницы расселся большой ворон, порывы ветра с гор чуть покачивали его. Ворон склонил голову набок, блестящий черный глаз смотрел прямо... как почудилось Ранду, прямо на него. Он сглотнул, и внезапно жаркая волна гнева захлестнула юношу.

– Гнусный пожиратель падали, – пробормотал он.

– Мне уже смотреть надоело, – пожаловался Мэт, и Ранд понял, что его друг подошел к нему и тоже неодобрительно рассматривает ворона.

Друзья переглянулись, затем как один потянулись за камнями.

Два камня летели точно... но ворон отшагнул вбок; камни просвистели там, где только что стояла птица. Захлопав крыльями, ворон опять склонил голову набок, без всякой боязни уставившись на юношей мертвенно-черным глазом, ничем не выказывая своего отношения к произошедшему.

Ранд, оцепенев от ужаса, уставился на птицу.

– Ты видел когда-нибудь ворона, который вел бы себя так? – спросил он негромко.

Мэт, не отрывая взгляда от птицы, покачал головой:

– Никогда. Да и вообще ни у какой птицы таких повадок не припомню.

– Мерзкая птица, – раздался позади женский голос, мелодичный, несмотря на нотки отращения, звучащие в нем, – ворону не доверяли и в лучшие времена.

С пронзительным карканьем ворон так резко взмыл в воздух, что с кромки крыши на землю опустились два черных пера.

Пораженные, Ранд и Мэт развернулись, провожая взглядами ворона, стремительно пролетевшего над Лужайкой и направившегося в сторону Гор тумана, которые поднимались за Западным лесом и, как обычно, упирались своими вершинами в облака. Птица превратилась в темное пятнышко на западе и вскоре исчезла из виду.

Ранд перевел изумленный взгляд на женщину. Она тоже следила за полетом птицы, но теперь уже повернулась, и ее глаза встретились с глазами юноши. Ранд не мог вымолвить ни слова, он мог только смотреть, широко раскрыв глаза. Это, должно быть, и есть леди Морейн, и она во всем оказалась такой, как ее описывали Мэт и Ивин, во всем и даже больше.

Когда Ранд услышал, как она назвала Найнив «дитя», то представил ее старой, что на поверку оказалось совсем не так. Он вообще не мог определить возраст незнакомки. На первый взгляд ему показалось, что она так же молода, как и Найнив, но чем дольше он смотрел,

тем больше склонялся к мысли, что она старше Найнив. Вокруг больших темных глаз лежала печать зрелости, намек на то знание, которое никому не суждено обрести молодым. На миг Ранду почудилось, что ее глаза – глубокие омуты, в которых он вот-вот утонет с головой. И стало понятным, почему Мэт и Ивин называли ее леди из преданий менестреля. Женщина держала себя с таким достоинством и властностью, от которых испытываешь чувство неловкости и от которых ноги становятся словно ватные. Хотя она была едва по грудь Ранду, но осанка делала ее рост таким, каким ему и следовало бы быть, и поэтому высокий Ранд чувствовал себя не в своей тарелке.

Женщина совершенно не походила ни на кого, с кем Ранд встречался раньше. Широкий капюшон плаща обрамлял ее лицо и мягкие локоны темных волос. Он никогда не видел взрослую женщину с волосами, не заплетенными в косу; в Двуречье каждая девушка с нетерпением ждала того дня, когда деревенский Круг женщин объявит, что она уже взрослая и может носить косу. Одежды незнакомки тоже были необычными. Плащ, сшитый из небесно-голубого бархата, с богатым серебряным шитьем – листья, виноградные лозы, цветы шли по его краям. Платье, по сравнению с плащом более темного синего оттенка, в разрезах которого проглядывала кремовая ткань, переливалось, когда женщина двигалась. Шею ее обвивало ожерелье из тяжелых золотых звеньев; еще одна золотая, изящной работы цепочка, лежащая на волосах, поддерживала маленький сверкающий голубой камень на лбу. Широкий пояс плетеного золота охватывал талию леди, а на указательном пальце левой руки блестело золотое кольцо в виде змея, пожирающего собственный хвост. Ранду никогда не доводилось видеть подобного кольца, хотя он сразу узнал Великого Змея – символ еще более древний, чем само Колесо Времени.

Наряднее, чем любые праздничные одежды, сказал Ивин, и он был прав. В Двуречье никто и никогда так не одевался. Никогда.

– Доброе утро, миссис... э-э... леди Морейн! – Кровь бросилась Ранду в лицо из-за того, что он произнес это так неловко.

– Доброе утро, леди Морейн! – эхом вторил ему Мэт, более благополучно, но не намного.

Она улыбнулась, и Ранд поймал себя на мысли о том, сможет ли он сделать нечто такое, что стало бы предлогом оставаться с нею рядом. Он понимал, что она улыбается им всем, но казалось, улыбка предназначалась только ему одному. На самом деле все походило на то, что менестрелевы сказки обернулись былью. На лице Мэта застыла глупая улыбка.

– Вы знаете мое имя, – сказала она довольным тоном. Как будто о ее приезде, сколь бы краток он ни был, не будут толковать в деревне целый год! – Но вы должны звать меня просто Морейн, а не леди. А как зовут вас?

Прежде чем кто-то из юношей успел сказать хоть слово, вперед выскочил Ивин:

– Меня зовут Ивин Финнгар, леди. Это я сказал им ваше имя, вот потому-то они его и знают. Я слышал, как его произносил Лан, но я не подслушивал. Никто вроде вас раньше не приезжал в Эмондов Луг. И еще в деревне будет на Бэл Тайн менестрель. А сегодня – Ночь зимы. Вы зайдете ко мне в дом? Моя мама печет яблочный пирог.

– Надо будет заглянуть, – ответила Морейн, положив руку Ивину на плечо. Ее глаза блеснули радостным удивлением, хотя больше оно ни в чем не проявилось. – Я не знаю, насколько мне удастся сравниться с менестрелем, Ивин. Но вы все должны звать меня Морейн. – Она выжидающе взглянула на Ранда и Мэта.

– Я – Мэтрим Коутон, ле... э-э... Морейн, – сказал Мэт и деревянно поклонился, затем, пунцовый от смущения, выпрямился.

Ранд подумал, стоит ли ему делать что-нибудь наподобие того, как поступают мужчины в сказаниях, но, по примеру Мэта, лишь произнес свое имя. По крайней мере, сейчас язык у него не заплетался.

Морейн перевела взгляд с него на Мэта и обратно. Ранд подумал, что ее улыбка – едва заметная, уголками губ – была теперь похожа на ту, которая обычно бывала у Эгвейн, когда та скрывала какой-нибудь секрет.

– Пока я буду в Эмондовом Лугу, у меня, видимо, найдутся кое-какие небольшие поручения, – сказала Морейн. – Может, вы пожелаете помочь мне?

Она засмеялась, услышав, как они заторопились согласиться.

– Вот, – сказала Морейн, и удивленный Ранд почувствовал, как она вложила ему в ладонь монету и крепко сжала его кулак своими пальцами.

– Не нужно, – начал было Ранд, но она отмахнулась от его возражений, одаря монетой Ивина, а затем и Мэта, сжав ему руку точно так же, как и Ранду.

– Конечно, нужно, – сказала она. – Вы же не можете работать за просто так. Примите это на память и храните у себя – и будете помнить, что согласились явиться ко мне, когда я попрошу об этом. Теперь между нами – узы.

– Никогда не забуду, – пискнул Ивин.

– Позже нам нужно будет поговорить, – сказала она, – и вы мне расскажете все о себе.

– Леди... я хотел сказать, Морейн... – нерешительно начал Ранд, когда она повернулась. Женщина остановилась и взглянула через плечо, и он проглотил комок в горле, прежде чем продолжить: – Зачем вы приехали в Эмондов Луг? – Выражение ее лица не изменилось, но Ранду вдруг захотелось, чтобы он не задавал этого вопроса, хотя юноша и не понимал, почему у него возникло такое ощущение. Поэтому он сам поспешил все объяснить: – Прошу прощения, я не хотел показаться невежливым. Просто дело в том, что в Двуречье никто не приезжает, не считая купцов и торговцев, которые появляются, когда снег не слишком глубок и можно сюда добраться из Байрлона. Почти никто. И уж точно никто, кто был бы похож на вас. Люди из купеческой охраны говорят порой, что здесь самая глухомань, и, по-моему, так и должно казаться любому нездешнему. Мне просто интересно.

Улыбка Морейн медленно исчезла, будто она что-то припомнила. Минуту она молча смотрела на Ранда.

– Я изучаю историю, – произнесла Морейн наконец, – собираю старые сказания. Место, которое вы зовете Двуречьем, всегда интересовало меня. Когда могу, я посвящаю свое время изучению историй о том, что случилось когда-то здесь и в других местах.

– Историй? – сказал Ранд. – Что вообще происходило в Двуречье, что заинтересовало бы кого-то вроде... я хочу сказать, что могло здесь когда-то случиться?

– А как же еще называть наши места, если не Двуречьем? – добавил Мэт. – Так всегда его называли.

– Когда вращается Колесо Времени, – сказала Морейн, наполовину про себя и устремив взор вдаль, – страны меняют множество названий. Человек носит множество имен, множество лиц. Различных лиц, но всегда это один и тот же человек. Однако никому не ведом Великий Узор, что плетет Колесо, даже Узор эпохи. Мы можем лишь наблюдать, и изучать, и надеяться.

Ранд изумленно уставился на нее, не в силах вымолвить ни слова, даже спросить, о чем она сказала. Он не был уверен, что эти слова предназначались для них. Как отметил про себя Ранд, Ивин и Мэт будто онемели, а Ивин вдобавок стоял разинув рот.

Морейн опять посмотрела на ребят, и все трое чуть встряхнулись, словно проснувшись.

– Мы побеседуем позже, – сказала она. Никто не сказал в ответ ни слова. – Позже.

Морейн направилась к Фургонному мосту, не ступая по траве, а словно скользя над ней. Плащ ее раздался в стороны, будто крылья.

Когда она отошла, высокий мужчина, которого Ранд не замечал, пока тот не шагнул от парадной двери гостиницы, последовал за Морейн, положив руку на большую рукоять своего меча. Темное его одеяние имело серо-зеленый цвет, оно сливалось с листвой или тенью, а его плащ, который трепал ветер, принимал разные оттенки серого, зеленого, бурого цветов. Плащ

этот временами, казалось, исчезал, сливаясь с тем, что было за ним. Длинные волосы мужчины, тронутые на висках сединой, были схвачены узким кожаным ремешком. На его обветренном лице, словно высеченном из камня, – сплошные грани и углы; морщин, вопреки седине в волосах, не было. Когда он двинулся, то Ранду он сразу напомнил волка.

Проходя мимо троих ребят, он окинул каждого острым взглядом голубых глаз, холодным, как зимний рассвет. Он словно оценивал их в уме, и ни одна черточка его лица не выдала того, каким оказался итог. Мужчина ускорил шаг, чтобы догнать Морейн, затем пошел у нее за плечом, наклонившись к ней и что-то говоря. Ранд перевел дыхание, которое невольно сдерживал.

– Это был Лан, – хрипло, как будто тоже старался не дышать, произнес Ивин. – Готов поспорить, что он – Страж.

– Не будь дураком. – Мэт засмеялся неуверенным дребезжащим смехом. – Все Стражи – в сказках. Так или иначе, у Стражей доспехи и мечи все в золоте и драгоценностях, и они проводят жизнь на севере, в Великом Запустении, сражаясь со злыми тварями, и все такое прочее.

– Он *может* быть Стражем, – упорствовал Ивин.

– Ты что, видел на нем золото или драгоценные камни? – иронически спросил Мэт. – У нас в Двуречье водятся троллоки? У нас же овцы! Знать бы, что могло такого интересного для нее случиться здесь.

– Что-то да могло, – медленно произнес Ранд. – Поговаривают, гостиница стоит здесь тысячу лет, а может, и больше.

– Тысячу лет одни овцы, – сказал Мэт.

– Серебряная монета! – воскликнул Ивин. – Она мне дала серебряную монету! Подумать только, что я могу купить, когда появится торговец!

Ранд разжал руку и увидел монету, которую ему вручила Морейн, и от удивления чуть не выронил ее. Он не сразу узнал толстую серебряную монету с выпуклым изображением женщины, удерживающей на высоко поднятой ладони язычок пламени, но он не раз наблюдал за тем, как Бран ал'Вир взвешивал монеты, что купцы привозили из дюжины стран, и имел представление о ее ценности. На такую уйму серебра в Двуречье можно вполне купить хорошего коня, и еще останется.

Ранд посмотрел на Мэта и увидел то же ошеломленное выражение, что наверняка было сейчас и на его лице. Повернув ладонь так, чтобы монету мог заметить только Мэт, но никак не Ивин, он вопросительно поднял бровь. Мэт кивнул, и с минуту они обалдело глядели друг на друга.

– Что за работу она имела в виду? – в конце концов промолвил Ранд.

– Не знаю, – с твердостью в голосе сказал Мэт, – мне все равно. И я не истрачу ее. Даже когда появится торговец.

С этими словами он засунул монету в карман куртки.

Кивнув, Ранд медленно сделал то же самое со своей монетой. Он решил, что Мэт прав, хотя и не был уверен почему. Нельзя, раз монета досталась от нее. Он не смог сообразить, на что еще может пригодиться серебро, но...

– По-твоему, я тоже должен сохранить свою? – Муки нерешительности ясно читались на физиономии Ивина.

– Не должен, если не хочешь, – успокоил его Мэт.

– Думаю, она дала тебе монету, чтобы ты ее на что-то потратил, – сказал Ранд.

Ивин всмотрелся в монету, покачал головой и запихнул серебро в карман.

– Я оставлю ее, – печально произнес он.

– Еще остается менестрель, – сказал Ранд, и мальчишка просветлел лицом.

– Если он вообще проснется, – добавил Мэт.

– Ранд, – спросил Ивин, – менестрель *здесь*?

– Увидишь, – со смехом ответил Ранд. Ясное дело, Ивин все равно не поверит, пока собственными глазами не увидит менестреля. – Рано или поздно он спустится из своей комнаты.

По ту сторону Фургонного моста раздались радостные возгласы, и когда Ранд увидел, что послужило поводом для них, он уже засмеялся от всей души. К мосту, сопровождаемый беспорядочной толпой деревенских – от седовласых стариков до только-только научившихся ходить малышей, – двигался высокий фургон, который тащила восьмерка лошадей. Округлый парусиновый верх был увешан снаружи множеством узелков и котомок, смахивающих на гроздь винограда. Наконец-то прибыл торговец. Чужаки и менестрель, фейерверк и торговец. Судя по всему, намечался самый лучший Бэл Тайн из всех.

Глава 3 *Торговец*

Под перестук гремящих горшков фургон торговца прогрохотал по тяжелым балкам Фургонного моста. По-прежнему окруженный толпой деревенских и пришедших на праздник фермеров, торговец остановил лошадей перед гостиницей. Со всех сторон к громадному фургону с большими, выше человеческого роста, колесами стекался народ, все взоры были прикованы к торговцу, сидевшему с вожжами в руках.

Человека в фургоне – бледного, шуплого мужчину с костлявыми руками и большим крючковатым носом – звали Падан Фейн. Фейн, всегда улыбающийся и смеющийся, словно над ему одному известной шуткой, каждую весну, сколько помнил себя Ранд, являлся в Эмондов Луг со своим фургоном и упряжкой.

Дверь гостиницы распахнулась, едва только восьмерка, позвякивая сбруей, остановилась, и, предводительствуемый мастером ал'Виром и Тэмом, появился Совет деревни. Члены Совета вышагивали нарочито медленно, даже Кенн Буйе, в сопровождении нетерпеливых воплей всех прочих, требовавших кто булавок, кто кружев, кто книг или еще доброй дюжины видов всевозможных товаров. Толпа неохотно расступалась, пропуская процессию, и тут же поспешно смыкалась за нею. Адресованные торговцу возгласы не смолкали. Большинство сбежавшихся к фургону требовало новостей.

С точки зрения жителей деревни, иголки, чай и тому подобное – не более чем половина груза в фургоне. Столь же, если не более, важно любое слово извне, известия из мира за пределами Двуречья. Одни торговцы просто рассказывают, что знают, вываливая все сразу в одну кучу и предоставляя деревенским самим в этой куче разбираться. Из других почти каждое слово приходилось вытягивать чуть ли не клещами, они разговаривали нехотя и без особой вежливости. Фейн, однако, говорил охотно, зачастую с подковырками, и истории свои заводил надолго, делясь разнообразными подробностями, превращая рассказ в представление, вполне сравнимое с представлением менестреля. Он просто наслаждался всеобщим вниманием, расхаживая с гордым видом, словно петух, ловя на себе взгляды слушателей. Ранду пришло в голову, что Фейну не доставит особой радости узнать, что в Эмондовом Лугу оказался настоящий менестрель.

Торговец, с нарочитой тщательностью занявшийся привязыванием поводьев, уделил Совету и селянам одинаковое внимание, которое при всем желании вообще трудно было назвать вниманием. Фейн небрежно кивнул всем и никому в отдельности. Он улыбался, ничего не говоря, и рассеянным взмахом руки приветствовал тех, с кем был особо дружен, хотя его дружеские отношения всегда отличались необычайной сдержанностью и никогда не заходили дальше похлопываний по спине.

Все громче становились просьбы рассказать о новостях, но Фейн не торопился, переключая какие-то предметы у сиденья, пока напряженное ожидание толпы не достигло такого накала, к которому он стремился. Лишь Совет хранил молчание, в соответствии с достоинством, приличествующим его положению, только облако табачного дыма выдавало нетерпение членов Совета.

Ранд и Мэт втиснулись в толпу, подбираясь к фургону как можно ближе. Ранд наверняка остановился бы где-то в середине, не вцепись ему в рукав Мэт, который, ужом пробираясь между собравшимися у гостиницы селянами, и вытянул друга прямо за спины членов Совета.

– Я уж подумал, что ты весь праздник проторчишь на ферме, – перекрывая гам, выкрикнул Перрин Айбара. На полголовы ниже Ранда, курчавый подмастерье кузнеца был коренастым, с широкой грудью, словно полтора человека в объёме, с могучими, под стать самому мастеру Лухану, плечами и руками. Перрин легко бы протолкался через столпотворение, но это было не в его характере. Он пробирался между людьми с осторожностью, не забывая извиняться, хотя на него вряд ли кто обращал внимание – оно целиком было отдано торговцу. Но Перрин все равно извинялся и старался никого не толкнуть, когда прокладывал себе дорогу сквозь толпу к Ранду и Мэту. – Представляете, – сказал он, когда наконец добрался до них, – Бэл Тайн и торговец, оба вместе. Держу пари, что и фейерверк будет.

– Да ты и четверти всего не знаешь, – засмеялся Мэт.

Перрин с подозрением оглядел его, затем вопросительно посмотрел на Ранда.

– Это верно! – крикнул Ранд, затем взмахнул рукой на увеличивающуюся толпу и гаркнул во весь голос: – Потом! Я объясню все позже... Потом, я сказал!

В этот же миг Падан Фейн поднялся с сиденья фургона, и толпа сразу притихла. Последние слова Ранда громом прокатились в полнейшей тишине, застигнув торговца с поднятой рукой, в драматической позе и с открытым ртом. Все изумленно воззрились на Ранда. Костлявый низенький человек в фургоне, который уже приготовился своими первыми словами приковать к себе все взоры, пронзил Ранда колючим, испытующим взглядом.

Ранд вспыхнул, ему страшно захотелось стать ростом с Ивина, чтобы не возвышаться над толпой. К тому же его приятели неловко подались в сторону. Всего год прошел с тех пор, как Фейн впервые стал признавать их за мужчин. Обычно у Фейна не находилось времени для кого-то чересчур юного, чтобы купить у него какой-нибудь товар по хорошей цене. Ранд надеялся, что в глазах торговца он не скатится вновь до уровня детишек.

Громко откашлявшись, Фейн одернул тяжелый плащ.

– Нет, не потом, – заявил торжественно торговец, снова воздев руку. – Сейчас я расскажу вам. – Широким движением руки он словно разбрасывал слова над толпой. – Вы думаете, только у вас, в Двуречье, беды? Во всем мире беды: от Великого Запустения и к югу, до Моря штормов, от океана Арит на западе до Айильской пустыни на востоке. И даже дальше. Зима оказалась куда более жестокой, чем вы даже можете вообразить, такой холодной, что от мороза у вас кровь стыла в жилах и трещали кости? Да-а! Зима оказалась холодной и жестокой везде. В Пограничных землях вашу зиму назвали бы весной. Но весна не приходит, говорите вы? Волки убивают ваших овец? Наверно, волки нападали и на людей? Дела обстоят именно так? А теперь вот что. Весна запаздывает везде. Везде волки, алчущие любой плоти, в которую можно впиться клыками, будь то овца, корова или человек. Но есть вещи похуже, чем волки или зима. Есть те, кто был бы рад, если б ему грозили только ваши маленькие неприятности.

Падан Фейн сделал драматическую паузу.

– Что может быть хуже волков, убивающих овец и людей? – спросил громко Кенн Буйе. Остальные согласно загудели.

– Люди, убивающие людей! – откликнулся торговец зловещим тоном. Его ответ вызвал потрясенный шепот, который стал явственнее, когда он продолжил. – Я хочу сказать, что это – война. В Гэалдане – война! Война и безумие. Снег в Даллинском лесу красен от людской крови.

Воронами и криками воронов полно небо. Армии идут к Гэалдану. Государства, великие рода и великие мужи посылают солдат на бой.

– Война? – Язык мастера ал’Вира с трудом справился с непривычным словом. В Двуречье никто никогда не имел ничего общего с войной. – Почему они затеяли войну?

Фейн ухмыльнулся, и у Ранда появилось чувство, что тот насмехается над жителями деревни, отрезанной от мира, и над их неведением. Торговец склонился к мастеру ал’Виру, словно бы желая поделиться с ним некой тайной, но шепот его, предназначенный не только мэру, был услышан всеми:

– Поднят стяг Дракона, и собираются войска, чтобы выступить против него. Или поддержать его.

Один долгий вздох пронесся над всеми собравшимися, и Ранд невольно вздрогнул.

– Дракон! – застонал кто-то. – Темный свободен и в Гэалдане!

– Не Темный, – прорычал Харал Лухан. – Дракон – это не Темный. И вообще, это – Лжедракон!

– Давайте послушаем, что скажет мастер Фейн, – повысил голос мэр, но не так-то просто оказалось утихомирить всех. Со всех сторон кричали люди, мужчины и женщины, стараясь перекрыть друг друга.

– Ничем не лучше Темного!

– Мир-то Дракон разломал?

– Он все начал! Он – причина Времен безумия!

– Ты пророчества знаешь? Когда возродится Дракон, худшие кошмары покажутся тебе самыми нежными мечтаниями!

– Он еще один Лжедракон. Он должен им быть!

– Да какая разница? Вспомни последнего Лжедракона. Он тоже развязал войну. Погибли тысячи, разве не так, Фейн? Он осадил Иллиан.

– Злые времена! Двадцать лет никто не объявлял себя Возрожденным Драконом, а теперь – уже третий за последние пять лет. Злые времена! Одна погода чего стоит!

Ранд обменялся взглядами с Мэтом и Перрином. Глаза Мэта сверкали от возбуждения, но Перрин обеспокоенно хмурился. Ранд помнил истории о тех людях, что называли себя Возрожденными Драконами. Даже если все они оказывались потом Лжедраконами, погибая или бесследно исчезая, не исполнив ни одного из пророчеств, все равно они успевали содейть немало зла. Войны сокрушали целые государства, города и села предавались огню. Мертвые устилали телами землю, как листья осенью, беженцы забивали дороги, словно овцы – маленький загончик. Так рассказывали торговцы и купцы, и в Двуречье никто, обладающий здравым смыслом, не сомневался в этом. Как говаривали некоторые, когда вновь родится подлинный Дракон, миру настанет конец.

– Прекратите! – закричал мэр. – Тихо! Хватит чесать языки и тешить свое воображение. Пусть мастер Фейн расскажет нам об этом Лжедраконе.

Шум начал стихать, но Кенн Буйе молчать не намеревался.

– Это на самом деле Лжедракон? – спросил кровельщик угрюмо.

Мастер ал’Вир, опешив, заморгал, затем накинулся на Буйе:

– Не будь старым дураком, Кенн!

Но тот уже вновь распалил толпу.

– Он не может оказаться Возрожденным Драконом! Да поможет нам Свет, он не может им быть!

– Ты старый дурак, Буйе! Тебе что, этих бед мало?

– Следующим еще Темного назови! Да ты одержим Драконом, Кенн Буйе! Хочешь на нас беду накликасть?

Кенн вызывающе обвел взором стоящих вокруг себя, пытаясь смутить взглядом сердито уставившихся на него, и возвысил голос:

– Я не слышал, чтобы Фейн говорил о Лжедраконе. А вы слышали? Протрите глаза! Есть где-нибудь всходы, что поднялись хотя бы до колена? Почему до сих пор зима, когда с месяца как положено быть весне? – (Раздались гневные возгласы, чтобы Кенн попридержал язык.) – Я молчать не буду! Хотя мне и не по нраву этот разговор, но я не стану прятать голову под корзину, когда люди из Таренского Перевоза придут резать мне горло. И я не стану попустительствовать забавам Фейна. Говори ясно, торговец. Что тебе известно? А? Этот человек – Лжедракон?

Если Фейн и был встревожен новостями, что он принес, или смущен ссорой, причиной которой стал, то ничем этого не показал. Он лишь пожал плечами и почесал нос худым пальцем.

– Мм, насчет этого... кто может сказать, пока это не кончится и не случится? – На секунду он умолк, растянув губы в своей таящей секрет ухмылке и обежав взглядом лица людей, столпившихся вокруг, будто раздумывая, как на них подействует то, что он скажет, и найдут ли они это занятным. – Я знаю, – произнес Фейн нарочито небрежным тоном, – что он обладает Единой Силой. Другие же – нет. И он может ее направлять. Земля разверзается под ногами его врагов, крепкие стены рушатся от его голоса. Молнии являются на его зов и бьют, куда он укажет. Вот что я слышал, и слышал от людей, которым верю.

Воцарилось гробовое молчание. Ранд взглянул на своих друзей. Перрину новости вовсе не нравились, но Мэт по-прежнему выглядел возбужденным.

Тэм, на вид лишь чуть-чуть менее спокойный, чем обычно, потянул мэра поближе к себе, но не успел он ничего сказать, как прорвало Ивина Финнгара.

– Он же сойдет с ума и погибнет! В сказаниях мужчины, которые направляют Силу, всегда сходят с ума, а потом чахнут и умирают. Только женщины могут управлять ею. Разве он этого не знает?

Ивин едва увернулся от затрещины.

– Хватит тебе об этом, мальчишка! – Кенн потряс узловатым пальцем перед лицом Ивина. – Выкажи надлежащее почтение старшим и оставь это дело взрослым. Убирайся отсюда!

– Полегче, Кенн, – проворчал Тэм. – Мальчик всего-навсего любопытен. Незачем так кипятиться.

– Не веди себя как ребенок, – добавил Бран, – и хоть сейчас вспомни, что ты член Совета.

С каждым словом Тэма и мэра морщинистое лицо Кенна наливалось кровью, пока наконец не стало почти багровым.

– Да вы понимаете, о каких женщинах говорит этот сопляк?! Нечего на меня хмуриться, Лухан, и ты не смотри так, Кро. Это порядочная деревня приличного народа, и уже плохо то, что Фейн тут вещает о Лжедраконе, который использует Силу, а тут еще этот одержимый Драконом мальчишка приплел сюда и Айз Седай. Кое о чем вовсе не стоит говорить, и мне нет дела до того, позволят ли нет этому шуту-менестрелю рассказывать те сказки, что взбредут ему в голову. Это и неуместно, и неприлично!

– Никогда я не видел, не слышал и не нюхал ничего такого, о чем нельзя было бы говорить, – сказал Тэм, но Фейн еще не закончил свою речь.

– Айз Седай уже в этом замешаны, – громко заговорил торговец. – Их отряд поскакал из Тар Валона на юг. Если он владеет Силой, то никто, кроме Айз Седай, не одолеет его, они с ним будут сражаться и попытаются его одолеть, и в одной из битв одолеют. Если одолеют.

Кто-то в толпе громко застонал, и даже Тэм и Бран встревоженно обменялись хмурыми взглядами. Толпа разбилась на тесные группки, а некоторые поплотнее закутались в плащи, хотя ветер к этому времени уже стихал.

- Конечно же, его одолеют! – выкрикнул кто-то.
- Да, их всегда в конце концов били, этих Лжедраконов.
- Его должны победить, как же иначе?
- А если не победят?

Тэм, наконец уловив момент, что-то стал тихо говорить мэру на ухо, и Бран, время от времени кивая и не обращая внимания на гомон, выслушал его, а потом рявкнул во весь голос:

– Слушайте все! Успокойтесь и послушайте! – Выкрики перешли в приглушенное бормотание. – Это уже не просто новости из внешнего мира. Это должно быть обсуждено на Совете. Мастер Фейн, если вы не против присоединиться к нам в гостинице, то мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

– Хорошая кружка горячего вина с пряностями оказалась бы для меня сейчас кстати, – усмехнувшись, ответил торговец. Он спрыгнул с фургона, вытер руки о куртку и с готовностью оправил плащ. – Вас не затруднит присмотреть за моими лошадьми?

– А я хочу услышать, что он скажет! – раздался протестующий выкрик, потом еще несколько.

– Вы не можете так просто увести его! Меня жена послала за булавками! – Это заговорил Вит Конгар; он горбился под пристальными взглядами остальных, но стоял на своем.

– Мы тоже хотим задать вопросы! – крикнул кто-то из глубины толпы. – Я...

– Тихо! – гаркнул мэр, добившись испуганного молчания. – Когда Совет получит ответы на свои вопросы, мастер Фейн вернется и расскажет вам все новости. И продаст вам горшки и булавки. Эй, Тэд! Уведи лошадей мастера Фейна в стойла.

Тэм и Бран пошли рядом с торговцем, прочие члены Совета – вслед за ними, и вся процессия чинным шагом направилась к гостинице «Винный ручей» и скрылась за плотно закрытой дверью, которая захлопнулась перед носом у тех, кто хотел проскользнуть вслед за советниками. На стук откликнулся лишь мэр:

– Ступайте по домам!

Люди бесцельно кружили перед гостиницей, переговариваясь, обсуждая то, что сказал торговец и что это означает, то, о чем спросит Совет и почему им должны дать все услышать и задать свои собственные вопросы. Кое-кто пробовал заглянуть внутрь через фасадные окна, а некоторые даже пытались расспрашивать Хью и Тэда, но о чем они хотели узнать, им и самим было не очень-то ясно. Два флегматичных конюха в ответ лишь бурчали и продолжали методично распрягать лошадей Фейна, одну за другой уводя в конюшню. Когда последняя лошадь оказалась в стойле, к фургону конюхи уже не вернулись.

Ранд не обращал внимания на толпу. Он присел на край древнего каменного фундамента, завернулся в плащ и устался на дверь гостиницы. Гэалдан. Тар Валон. Сами названия городов и стран звучали необычно и волнующе. О тех местах он знал только понаслышке, от торговцев и по историям, что рассказывали охранники купцов. Айз Седай, войны, Лжедракон... сказки перед камином поздним вечером, когда единственная свеча отбрасывает на стену причудливые тени, когда за ставнями завывает ветер. Вообще-то, Ранд считал, что ему хватает волков и буранов. Но там, за границами Двуречья, все должно быть совсем по-другому, как будто живешь в сказаниях менестреля. В приключении. В одном долгом приключении. Всю жизнь.

Жители деревни мало-помалу расходились, по-прежнему ворча и покачивая головами. Вит Конгар приостановился, чтобы посмотреть внутрь оставленного у гостиницы фургона, словно предполагал обнаружить другого спрятавшегося там торговца. Наконец осталось всего несколько человек, одна молодежь. Мэт и Перрин неспешным шагом подошли к Ранду.

– Не понимаю, как менестрелю удастся его переплюнуть, – возбужденно сказал Мэт. – Эх, знать бы, доведется ли хоть одним глазком увидеть этого Лжедракона?

Перрин потрянул лохматой головой:

– Что-то мне не хочется смотреть на него. Может, где-нибудь в другом месте, но не в Двуречье. Не здесь, если это означает войну.

– Конечно, не здесь, если из-за этого тут появятся Айз Седай, – добавил Ранд. – Или ты позабыл, кто вызвал Разлом? Начать его мог и Дракон, но ведь именно Айз Седай разрушили мир.

– Я слышал однажды рассказ, – медленно сказал Мэт, – от охранника купца, что закупал здесь шерсть. Он говорил, будто Дракон может возродиться в час величайшей нужды в нем и спасет всех нас.

– Что ж, значит, он глуп, если верит в такое, – твердо сказал Перрин. – А ты был дураком, раз его слушал. – В голосе его не было гнева; он редко выходил из себя. Но иногда его сердили неумные фантазии Мэта, и на этот раз в тоне его проскользнула нотка раздражения. – Сдается мне, потом он заявил еще, что мы все живем в новой Эпохе легенд.

– Я не говорил, что поверил, – возразил Мэт. – Я всего-навсего слышал это. И Найнив тоже слышала, и я подумал тогда, что она готова содрать шкуру и с меня, и с охранника. Он сказал – это я про охранника, – что многие люди в это верят, только боятся говорить вслух. Боятся Айз Седай или Детей Света. После того как на нас наткнулась Найнив, он больше ничего не стал говорить. Она передала его слова купцу, и тот заявил, что для охранника это была последняя поездка с ним.

– Вот и хорошо, – сказал Перрин. – Дракон собирается нас спасти? Звучит так, словно я с Коплином разговариваю.

– Что за нужда должна быть, чтобы нам захотелось Дракона в спасители? – сказал задумчиво Ранд. – Это почти то же самое, что просить помощи у Темного.

– Об этом он не говорил, – смущенно ответил Мэт. – И про новую Эпоху легенд – ничего. Он сказал, что появление Дракона разорвало бы мир на части.

– Ага, наверняка это спасет нас, – сухо отозвался Перрин. – Еще один Разлом.

– Чтоб я сгорел! – заворчал Мэт. – Я лишь пересказываю то, что говорил охранник.

Перрин покачал головой:

– Я только надеюсь, что Айз Седай и этот Дракон, настоящий он или нет, останутся там, где они сейчас. Может, Двуречье переживет и без них.

– Ты думаешь, они на самом деле друзья Темного? – Мэт глубокомысленно насупил брови.

– Кто? – спросил Ранд.

– Айз Седай.

Ранд глянул на Перрина, тот пожал плечами.

– Сказания... – начал он медленно, но Мэт перебил его:

– Не во всех сказаниях говорится, что они служат Темному, Ранд.

– О Свет, Мэт, – промолвил Ранд, – они же вызвали Разлом. Чего тебе еще надо?

– Да я так, раздумываю. – Мэт вздохнул, но в следующий миг снова ухмылялся. – Старый Байли Конгар утверждает, что их не существует. Ни Айз Седай. Ни друзей Темного. Говорит, что это все росказни. Он заявлял, что и в Темного не верит.

Перрин фыркнул:

– Коплинские разговоры от Конгара. Чего еще можно ждать?

– Старый Байли называл Темного по имени. Держу пари, этого-то ты не знал.

– Свет! – выдохнул Ранд.

Ухмылка Мэта стала еще шире.

– Это произошло прошлой весной, как раз перед тем, как гусеница озимой совки появилась на его полях, и больше ни на чьих. Как раз перед этим все его домашние слегли с желтоглазой лихорадкой. Я все слышал. Он по-прежнему говорит, что не верит, но теперь, когда я как-то попросил его назвать Темного по имени, он швырнул в меня чем-то тяжелым.

– Ты в самый раз глуп для того, чтобы поступать так, да, Мэт Коутон? – Темные волосы в перекинутой через плечо косе Найнив топорщились от гнева. Ранд смущенно поднялся на ноги. Стройная и едва ли по плечо Мэту, Мудрая на миг показалась ему выше любого из них, и никакого значения не имели ни ее молодость, ни ее красота. – Нечто подобное в отношении Байли Конгара я подозревала, но мне думалось, что хоть у тебя окажется больше ума, чтобы не насмеяться над ним таким образом. Может, для женитьбы ты уже вполне взрослый, но, по правде говоря, Мэтрим Коутон, тебя нельзя отпускать от материнского передника. Следующий номер, который ты выкинешь, – тебе самому взбредет в голову называть Темного по имени.

– Нет, Мудрая, – запротестовал Мэт, который готов был отдать все что угодно, лишь бы оказаться сейчас подальше от этого места и от Найнив. – Это старый Байл... я хотел сказать, мастер Конгар, не я! Кровь и пепел, я...

– Поменьше мели языком, Мэтрим!

Ранд выпрямился, хотя на него Мудрая и не посмотрела. Перрин выглядел столь же сконфуженным. Позже кто-то из них почти наверняка будет возмущаться вслух тем, что их отчитала женщина, да еще и не намного старше, – так поступали все после нагоняя от Найнив, но только если она не могла услышать, – однако разница в годах всегда превращалась в пропасть, когда ребятам доводилось сталкиваться с нею лицом к лицу. Особенно когда Найнив бывала сердита.

Своим посохом – толстым с одного конца и гибким, словно пруттик, с другого – она могла задать взбучку любому, кто, по ее мнению, поступал глупо, – по голове, рукам, ногам, – невзирая на его возраст и положение.

Внимание Ранда было так поглощено Мудрой, что поначалу он и не заметил, что она пришла не одна. Когда Ранд осознал свой промах, он решил было потихоньку улизнуть, что бы потом ни сказала или ни сделала Найнив.

В нескольких шагах от Мудрой стояла Эгвейн и с живейшим интересом наблюдала за происходящим. Ростом с Найнив и с такими же темными волосами, она сейчас была воплощением настроения Найнив – руки скрещены на груди, губы плотно, неодобрительно сжаты. Капюшон мягкого серого плаща скрывал ее лоб, в карих глазах – ни смешинки.

По справедливости, думал Ранд, то, что он на два года ее старше, должно бы давать ему преимущества, но все обстояло совершенно иначе. И в лучшие времена у него никогда не был хорошо подвешен язык для болтовни с девушками деревни, в отличие от Перрина, но, когда на него смотрела Эгвейн, смотрела такими широко раскрытыми глазами, словно отдавая ему все свое внимание, все, до последней капли, он совсем терял нить разговора и говорил что угодно, но не о том, о чем хотел. Может, как только Найнив закончит с выволочкой, он сумеет как-нибудь исчезнуть. Но Ранд понимал, что смыться ему не удастся, хотя почему – не понимал.

– Хватит тебе глядеть как ополоумевшему ягненку, Ранд ал'Тор, – сказала Найнив, – и лучше расскажи мне, почему вы болтаете о том, о чем вам, трем телкам-переросткам, должно бы держать рот на замке.

Ранд вздрогнул и отвел глаза от Эгвейн; та, когда Мудрая обратилась к Ранду, наградила его улыбкой, приведя в полное замешательство. Голос Найнив был резок, но на лице ее появилась понимающая улыбка... Но тут громко засмеялся Мэт, и улыбка пропала, а Мэт, поймав взгляд Найнив, подавился смехом, превратившимся в глухое карканье.

– Ну, Ранд? – потребовала Найнив.

Краем глаза Ранд видел, что Эгвейн по-прежнему улыбается. «Что такого забавного она заметила?» – подумал он.

– Нет ничего необычного, что мы толкуем об этом, Мудрая, – поспешил объяснить Ранд. – Торговец – Падан Фейн... э-э... мастер Фейн – привез вести о Лжедраконе в Гэалдане, и о войне, и об Айз Седай. Совет счел своим долгом расспросить его подробнее. О чем же еще нам говорить?

Найнив качнула головой:

– Вот, значит, почему фургон торговца стоит словно брошенный. Я слышала, как народ хлынул к нему, но я не могла уйти от миссис Айеллин, пока у нее не прошел приступ лихорадки. Совет расспрашивает торговца о событиях в Гэалдане? Насколько я их знаю, они зададут все неправильные вопросы и ни одного правильного. Ладно, Кругу женщин придется заняться этим, чтобы выяснить хоть что-то полезное.

Решительно поправив плащ на плечах, Найнив скрылась в гостинице.

Эгвейн не последовала за Мудрой. Когда дверь гостиницы захлопнулась за Найнив, девушка подошла и встала перед Рандом. Хмурое выражение исчезло с ее лица, но от пристальных немигающих глаз Ранд чувствовал себя не в своей тарелке. Он повернулся к приятелям, но те отошли в сторону, ухмыляясь во весь рот.

– Напрасно, Ранд, ты позволил Мэту втянуть себя в дурацкую болтовню, – серьезно, как сама Мудрая, сказала Эгвейн, затем вдруг хихикнула. – Видел бы ты себя со стороны. У тебя такой же вид, как в тот раз, когда Кенн Буйе поймал вас с Мэтом на своих яблонях, вам тогда было по десять лет.

Ранд переступил с ноги на ногу и оглянулся на друзей. Те стояли в отдалении, Мэт что-то говорил, оживленно жестикулируя.

– Будешь танцевать со мной завтра? – Это было вовсе не то, что хотел сказать Ранд. Он не думал о танце с нею, но готов был отдать все, лишь бы не чувствовать себя таким дураком едва ли не при каждом разговоре с Эгвейн. Именно так он чувствовал себя и сейчас.

Эгвейн улыбнулась уголками рта.

– В полдень, – сказала она. – С утра я буду занята.

Донесся возглас Перрина: «Менестрель!»

Эгвейн повернулась в его сторону, но Ранд взял ее за руку:

– Занята? Чем?

Несмотря на прохладу, она откинула капюшон плаща и с напускной небрежностью поправила волосы. Последний раз, когда Ранд видел Эгвейн, ее волосы темными волнами ниспадали ниже плеч и их удерживала красная лента; теперь же они были заплетены в длинную косу.

Он уставился на косу, словно та превратилась в ядовитую змею, потом украдкой глянул на весенний шест, который одиноко возвышался на Лужайке, готовый к завтрашнему празднику. Утром незамужние женщины будут танцевать вокруг шеста. У Ранда комок застрял в горле. Ему как-то в голову не приходило, что Эгвейн достигнет брачного возраста одновременно с ним.

– Из того, что кому-то уже хватает лет, чтобы обзаводиться семьей, – проворчал он, – вовсе не вытекает, что они так и поступят. Тем более – сразу же.

– Конечно нет. Или вообще никогда.

Ранд захолопал глазами:

– Никогда?

– Мудрая почти никогда не выходит замуж. Ты же знаешь, меня обучает Найнив. Она говорит, у меня есть дар, так что я могу научиться слушать ветер. Найнив говорит, не все Мудрые на это способны, даже если и заявляют, что могут слушать ветер.

– Мудрая! – присвистнул Ранд. Он не заметил, как угрожающе блеснули глаза Эгвейн. – Да Найнив будет здесь Мудрой еще пятьдесят лет! А может, и дольше. Ты что, собираешься провести у нее в ученицах всю жизнь?

– Есть другие деревни, – ответила запальчиво Эгвейн. – Найнив говорит, деревни к северу от Тарена всегда выбирают Мудрую из дальних мест. Считается, что тогда у нее в деревне не будет любимчиков.

Веселость Ранда растаяла столь же быстро, как и возникла.

– Не в Двуречье? Так я больше тебя не увижу...

– А тебе это не нравится? Что-то в последнее время ты и виду не подавал, что тебя волнует нечто подобное.

– Никто никогда не покидал Двуречья, – продолжал Ранд. – Разве что из Таренского Перевоза, но они там все с приветом. Мало чем схожи с народом Двуречья.

Эгвейн раздраженно вздохнула:

– Ладно, я, может, тоже с приветом. Может, мне хочется посмотреть чужие края, те, о которых я только слышала. Об этом ты когда-нибудь задумывался?

– Конечно задумывался. Иногда даже мечтал, но я понимаю разницу между грезами и жизнью.

– А я – нет? – взбешенно бросила девушка и резко повернулась к Ранду спиной.

– Я не о тебе, я о себе говорил. Эгвейн!

Она рывком оправила плащ, словно отгородившись от юноши стеной, и решительно сделала несколько шагов в сторону. Ранд расстроено потер лоб. Как так происходит? Уже не первый раз она находила в его словах тот смысл, который он в них никогда не вкладывал. В ее теперешнем настроении любая его оплошность наверняка ухудшит положение, а он был совершенно уверен: почти все, что он скажет, будет ошибкой.

Тут к Ранду подошли Мэт и Перрин. Эгвейн и бровью не повела. Парни нерешительно посмотрели на нее, потом наклонились к Ранду.

– Морейн и Перрину дала монету, – сказал Мэт. – Как нам. – Он помолчал, потом добавил: – И он видел всадника.

– Где? – встрепнулся Ранд. – Когда? Кто еще его видел? Ты кому-нибудь говорил?

Перрин поднял большие ладони, останавливая поток вопросов:

– По вопросу зараз. Я заметил его на краю деревни, когда он следил за кузницей, вечером, в сумерках. У меня аж мурашки по коже забегали. Я сказал мастеру Лухану, вот только, когда он посмотрел, там никого не было. Он сказал, что меня обманули тени. Но пока мы гасили горн и убирали инструменты, он свой самый большой молот держал под рукой. Раньше он так никогда не делал.

– Значит, он тебе поверил, – сказал Ранд, но Перрин пожал плечами:

– Не знаю. Я спросил, зачем ему молот, если мне померещилось что-то среди теней, а он ответил что-то насчет волков, обнаглевших настолько, что стали появляться в деревне. Может, он решил, что я видел именно их, хотя мастер Лухан должен бы знать: я вполне могу отличить волка от человека верхом на коне, даже в вечернем сумраке. Я знаю, что я видел, и никому не заставить меня поверить в другое.

– Я тебе верю, – сказал Ранд. – Я тоже его видел.

Перрин удовлетворенно хмыкнул, словно раньше не был уверен в этом.

– О чем это вы говорите? – неожиданно раздался требовательный голос Эгвейн.

Ранду вдруг захотелось разговаривать шепотом. Знай он, что она их услышит, он бы так и сделал. Мэт и Перрин, с глупыми улыбками до ушей, наперебой принялись рассказывать Эгвейн о своих неожиданных встречах со всадником в черном плаще, но Ранд хранил молчание. Он был уверен, что знает, какие слова она скажет, когда его друзья закончат свои истории.

– Найнив оказалась права, – заявила Эгвейн куда-то в небо, едва двое юношей умолкли. – Ни одного из вас нельзя отпускать далеко от материнского подола. Люди ездят верхом на лошадях, это вам известно. Но из-за этого они не превращаются в страшилищ из менестрелевых сказок.

Ранд кивнул про себя – именно такого ответа он и ожидал. Тут же досталось от Эгвейн и ему:

– А ты эти слухи распускаешь. Порой ты, Ранд ал’Тор, как будто вообще ничего не понимаешь. Зима и так была страшной, а ты еще принимаешься пугать детей.

Ранд состроил кислую гримасу:

– Ничего я не распускаю, Эгвейн. Но я видел то, что видел, а видел я вовсе не фермера, ищущего заблудившуюся корову.

Эгвейн набрала полную грудь воздуха, но что она намеревалась сказать, никто не узнал: дверь гостиницы распахнулась, и из нее торопливо, будто за ним гнались, выскочил седой взлохмаченный человек.

Глава 4

Менестрель

Дверь, грохнув, захлопнулась за спиной седого худого мужчины, который волчком крутанулся на месте и устоял на нее. Его можно было бы счесть высоким, если бы он не сутулился, но двигался он с живостью, создававшей обманчивое представление о его возрасте. Плащ мужчины выглядел лоскутным одеялом, заплатки всевозможных размеров и очертаний трепетали от каждого, даже самого легкого порыва ветра сотнями разноцветных пятен. На самом деле, как успел разглядеть Ранд, плащ был достаточно толстым, что бы там ни утверждал мастер ал'Вир: цветастые заплатки служили большей частью для украшения.

– Менестрель! – взволнованно прошептала Эгвейн.

Седой мужчина резко развернулся, плащ взметнулся в воздух, открыв длинную куртку с необычными мешковатыми рукавами и большими карманами. Густые, такие же белоснежные, как и волосы, висячие усы; угловатое его лицо наводило на мысль о дереве, пережившем суровые времена. Мужчина высокомерно указал на Ранда и его друзей чубуком своей трубки, длинным, с необычной резьбой. В воздухе повис дымный хвост. Голубые, все замечающие глаза впелись в ребят из-под белых кустистых бровей.

Ранд с интересом рассматривал незнакомца, особенно его заинтересовали глаза. В Двуречье у всех были темные глаза, как и у большинства купцов и охранников, да и у всех, кого он видел в жизни. Конгары и Коплины насмехались над серыми глазами Ранда, пока однажды в конце концов он не съездил кулаком Эвалу Коплину по носу, – Мудрой пришлось тогда всерьез потрудиться. Ранд задумался: а есть ли в мире такие страны, где темных глаз нет ни у кого? «Может, и Лан из таких краев?» – подумал он.

– Что это за место такое? – спросил менестрель глубоким низким голосом, который звучал громче голоса обыкновенного человека. Его звуки даже на открытом воздухе будто заполняли огромное помещение и отражались от стен. – Какие-то недотепы из деревни на холме сказали мне, что до темноты я доберусь сюда, правда забыв упомянуть, что для этого мне надо выехать до полудня. Когда я наконец достиг цели, продрогнув до костей и мечтая лишь о теплой постели, этот хозяин гостиницы брюзжал целый час, словно я какой-то приبلудный свинопас и словно не меня ваш Совет деревни пригласил показать свое искусство на этом вашем празднике. И он до сих пор даже не удосужился уведомить меня, что именно он – мэр. – Менестрель замолчал, переводя дыхание, окинул всех взглядом и сразу же продолжил: – И вот, когда я спустился вниз выкурить трубку перед камином и пропустить кружечку эля, в общем зале все мужчины уставились на меня, будто я самое меньшее любимый родственничек, припершийся одолжить у них денег. Один престарелый дедуля взялся поучать меня, какие сказания мне следует рассказывать, а какие не нужно, а потом девчушка крикнула, чтоб я убирался, и при-

грозила угостить меня хорошим ударом дубины, дабы я быстрее пошевеливался. Ну где это видано, чтобы так обращались с менестрелем?

На лицо Эгвейн стоило посмотреть: она широко раскрытыми от изумления глазами разглядывала менестреля, представшего перед нею во плоти, и удивление боролось в ней с желанием броситься на защиту Найнив.

– Прошу прощения, мастер менестрель, – сказал Ранд. Он понимал, что самым глупейшим образом ухмыляется. – Это была наша Мудрая, и...

– Та маленькая стройная прелестница? – воскликнул менестрель. – Мудрая вашей деревни? Как, да в ее лета ей бы лучше кокетничать с молодыми парнями, а не предсказывать погоду и лечить болезни!

Ранд переступил с ноги на ногу. Он надеялся, что Найнив никогда не узнает о высказываниях менестреля. По крайней мере, пока не закончится его выступление. Перрин вздрогнул от слов менестреля, а Мэт беззвучно присвистнул, словно у них обоих появились одни и те же мысли.

– Мужчины – это Совет деревни, – продолжал Ранд. – Уверен, они не хотели показаться невежливыми. Понимаете, мы только что узнали о войне в Гэалдане, о человеке, называющем себя Возрожденным Драконом. О Лжедраконе. Об Айз Седай, спешащих туда из Тар Валона. Совет старался выяснить, не окажемся ли мы здесь в опасности.

– Старые новости, даже в Байрлоне, – облегченно вздохнул менестрель, – а сюда вести доходят в самую последнюю очередь. – Он замолчал, оглянулся на деревенские дома и сухо добавил: – Или почти в последнюю. – Потом взгляд его зацепился за фургон, одиноко стоящий перед гостиницей, упираясь оглоблями в землю. – Вот как. По-моему, я там, в гостинице, признал Падана Фейна. – Голос его по-прежнему был глубок, но удивительная звучность исчезла, сменившись презрением. – Фейн всегда быстро приносит плохие вести, а самые худшие – еще быстрее. В нем больше от ворона, чем от человека.

– Мастер Фейн часто бывает в Эмондовом Лугу, мастер менестрель, – сказала Эгвейн, нотка неодобрения проскользнула через стену восхищения. – Он всегда полон веселья, и хороших вестей Фейн приносит гораздо больше, чем недобрых.

Менестрель зыркнул на нее, потом широко улыбнулся:

– Какая премиленькая девица! К вашим волосам подошли бы бутоны роз. К сожалению, сейчас я не могу достать розы прямо из воздуха, но не затруднит ли вас постоять завтра рядом со мной во время моего представления? Чтобы подать мне флейту, когда я попрошу, и кое-какие прочие инструменты. Я всегда выбираю в помощницы самую очаровательную девушку, какую удастся мне найти.

Перрин тихо заржал, а Мэт, который и так едва сдерживал смех, захохотал во весь голос. Ранд обалдело захлопал глазами. Эгвейн свирепо посмотрела на него, и он даже не улыбнулся. Она выпрямилась и заговорила преувеличенно спокойным тоном:

– Благодарю вас, мастер менестрель. Я буду рада помочь вам.

– Том Меррилин, – сказал менестрель. Они уставились на него. – Меня зовут Том Меррилин, а не мастер менестрель. – Он подтянул пестрый плащ, и внезапно голос его вновь зазвучал будто в огромном зале: – Некогда придворный бард, сейчас я действительно достиг высокого звания мастера менестреля, однако зовут меня просто – Том Меррилин, а менестрель – всего лишь звание, которым я очень горд. – С этими словами он отвесил поклон, очень церемонно и при этом так искусно взмахнул полой плаща, что Мэт захлопал в ладоши, а Эгвейн задыхнулась от восхищения.

– Мастер... э-э... мастер Меррилин, – произнес Мэт, не совсем уверенный в том, какую форму обращения из названных Томом Меррилином выбрать, – что сейчас происходит в Гэалдане? Вам что-нибудь известно об этом Лжедраконе? Или об Айз Седай?

– Парень, я что, похож на торговца? – буркнул менестрель, выбивая трубку, постукивая по ней ладонью. Он засунул ее внутрь то ли плаща, то ли куртки – Ранд не поручился бы за то, куда и как она исчезла. – Я – менестрель, а не разносчик сплетен. И стою на том, чтобы ничего не знать об Айз Седай. Так намного спокойнее.

– Но война... – с жаром заикнулся было Мэт, однако его сразу же оборвал мастер Меррилин:

– В войнах, паренек, одни глупцы убивают других глупцов по самому глупому поводу. Каждый должен зарубить это себе на носу. Я здесь – из-за своего искусства. – Неожиданно он ткнул пальцем в Ранда. – Вот ты, приятель. Ты высокий. Ты еще не совсем вырос, но сомневаюсь, что в округе найдется мужчина твоего роста. И еще, держу пари, мало у кого в деревне глаза такого цвета. Вдобавок вон какие широкие плечи – топориче поперек уместится, и рослый ты, как Айил. Как твое имя, парень?

Ранд нерешительно назвалса – в растерянности, потешается над ним этот человек или нет, а менестрель уже принялся за Перрина:

– А сложением ты почти огир. Очень похоже. Как тебя зовут?

– Ну если я еще встану себе на плечи, – засмеялся Перрин. – Боюсь, я и Ранд всего-навсего простые люди, мастер Меррилин, а не выдуманные создания из ваших сказаний. Я – Перрин Айбара.

Том Меррилин дернул себя за ус:

– Вот как. Выдуманные создания из моих сказаний. Выдуманные, да? Сдается мне, вы, парни, порядком попутешествовали.

Ранд держал рот на замке: наверняка сейчас они стали мишенью для шутки, но Перрин заговорил:

– Мы все доходили до Сторожевого Холма и Дивен Райд. Не многие тут забирались так далеко. – Он не хвастался: Перрин редко хвастался, это было не в его привычках. Он говорил лишь правду.

– Мы все повидали Трясину, – добавил Мэт, а вот в его голосе слышалось хвастовство. – Это болото на дальнем конце Мокрого леса. Там вообще никто не бывает – везде полно топей и зыбучих песков, – только мы. И к Горам тумана никто не ходит, а мы ходили один раз. Во всяком случае, к их подножию.

– Вот так далеко, да? – негромко проговорил менестрель, теперь не переставая поглаживать усы. Ранду показалось, что этим он скрывает улыбку, и юноша заметил, как Перрин хмурится.

– Заходить в горы – к несчастью. – Мэт будто оправдывался, что не ходил дальше. – Это всем известно.

– Это совершенная глупость, Мэтрим Коутон, – гневно прервала его Эгвейн. – Найнив говорит... – Она осеклась, щеки ее порозовели, а взгляд, которым она окинула Тома Меррилина, отнюдь не светился дружелюбием, как раньше. – Неправильно, так... Это не... – Девушка покраснела еще больше и умолкла. Мэт прищурился, словно ему в голову закралось подозрение о том, каким должно было быть продолжение.

– Ты права, дитя, – сказал сокрушенно менестрель. – Я смиренно прошу прощения. Я здесь для того, чтобы выступать и веселить людей. Ах, ах, всегда мой язык доставляет мне неприятности!

– Может, мы и не странствовали так далеко, как вы, – решительно заявил Перрин, – но какое значение может иметь то, насколько высок Ранд?

– Сейчас-сейчас, парень. Чуть погодя я дам тебе возможность попробовать поднять меня, но ты не сможешь оторвать мои ноги от земли. Ни ты, ни твой высокий друг – Ранд, правильно? – и никто другой. Ну, что вы об этом думаете?

Перрин насмешливо фыркнул:

– Думаю, могу поднять вас прямо сейчас.

Но когда он шагнул вперед, Том Меррилин жестом остановил его:

– Позже, парень, позже. Когда соберется побольше зевак. Артисту нужна публика.

С того момента, как из гостиницы появился менестрель, на Лужайке собралось десятка два человек – от молодых мужчин и девушек до детей, которые затаив дыхание и с широко раскрытыми глазами выглядывали из-за спин более старших зрителей. Все словно бы ждали от менестреля каких-то чудес. Седой мужчина оглядел стоящих вокруг него – как будто пересчитывая их, – затем едва заметно качнул головой и вздохнул:

– По-моему, лучше кое-что вам показать, так, маленький образчик. Такой, чтоб вы смогли поделиться впечатлениями с другими. А? Просто небольшой кусочек того, что вы увидите завтра на своем празднике.

Менестрель отступил на шаг назад, затем внезапно, одним прыжком, изогнувшись и сделав в воздухе сальто, оказался на кромке старого фундамента, лицом к зрителям. Более того, в его руках, едва он успел приземлиться, затанцевали три шарика – красный, белый и черный.

Вздых изумления и удовольствия пронесся над зрителями. Даже Ранд позабыл о своей досаде. Он улыбнулся Эгвейн и получил в ответ восхищенную улыбку, затем они оба повернули головы и с нескрываемым интересом стали смотреть на менестреля.

– Вы хотите услышать сказания? – торжественно заговорил Том Меррилин. – Хорошо, вы их услышите. Я сделаю так, что они оживут у вас перед глазами. – Откуда ни возьмись к трем шарикам добавился синий, потом зеленый и желтый. – Сказания о великих войнах и великих героях, для мальчиков и для мужей. Для женщин и девочек, полный цикл «Апттари-гайн». Сказания об Артуре Пейндрэге Танриале, Артуре Ястребином Крыле. Артуре, верховном короле, который когда-то правил всеми землями от Айильской пустыни до океана Арит, и даже теми, что лежат еще дальше. Дивные истории о необычных народах и чужих землях, о Зеленом человеке, о Стражах и троллоках, об огирах и об Айил. «Тысяча сказаний об Анле, мудрой советнице». «Джаэм – победитель великанов». «Как Сюза приручила Джейина Далекоходившего». «Мара и три глупых короля».

– Расскажите нам о Ленне! – выкрикнула Эгвейн. – О том, как он летал на луну в брюхе у огненного орла. Расскажите о его дочери Салии, что странствует среди звезд.

Ранд скосил глаза на Эгвейн, но она вся была захвачена речами менестреля. Ей никогда не нравились истории о приключениях и долгих странствиях. Любимыми у нее были забавные рассказы, еще она отдавала предпочтение историям, где женщины хитростью брали верх над теми, кто считался самым умным. Ранд был уверен: она попросила исполнить сказание о Ленне и Салии с тем, чтобы сунуть колючку ему под рубаху. Несомненно, она могла бы понять, что большой мир – не место для народа Двуречья. Слушать сказания о приключениях, даже мечтать о приключениях – это одно, и совсем другое – когда они происходят с тобой.

– А-а, эти старые предания, – сказал Том Меррилин, и танец разноцветных шариков вдруг изменился, разбившись на два отдельных кольца по три шара. – Предания из той эпохи, что, как поговаривают, предшествовала Эпохе легенд. А может, и еще более древней. Но я, представьте себе, знаю *все* предания об эпохах, которые уже миновали и которые еще предстоят. Об эпохах, когда люди были владыками неба и звезд, и об эпохах, когда человек мог бродить с животными как брат, и об эпохах чудес, и об эпохах ужаса. Об эпохах, которые кончились огнем, дождем пролившимся с небес, и об эпохах, последний час которых пришел со снегом и льдом, покрывшими землю и моря. Я знаю все предания, и я все расскажу вам. Сказания о Моске-великане, о его огненном копье, что протягивалось через весь мир, и о войнах, что он вел с Элбет, королевой всего сущего. Сказание о целительнице Матрис, матери Дивного Инда.

Шарики летали теперь между руками Тома Меррилина двумя сплетающимися кольцами. Он говорил нараспев и медленно поворачивался, словно оценивая, какое впечатление он произвел на зрителей.

– Я расскажу вам о конце Эпохи легенд, о Драконе, о его попытке выпустить Темного в мир людей. Я расскажу вам о Временах безумия, когда Айз Седай разбили мир вдребезги; о Троллоковых войнах, когда люди бились с троллоками за господство над землей; о Столетней войне, когда люди сражались с людьми и возникали государства наших дней. Я расскажу о приключениях мужчин и женщин, богатых и бедных, великих и малых, гордых и скромных. «Осада Столпов Неба». «Как достойная Кэрил мужа от храпа излечила». «Король Дэрит и падение рода...»

Внезапно все кончилось. Том просто подхватил шарики в воздухе и умолк на полуслове. Ранд не заметил, когда к слушателям присоединилась Морейн. Подле нее, у плеча, находился Лан, но, чтобы увидеть его, Ранду пришлось посмотреть дважды. Минуту Том глядел на Морейн искоса, замерев на месте и лишь пряча шарики в рукава просторной куртки. Потом поклонился ей, широко отведя в сторону полу плаща:

– Прошу прощения, но вы наверняка не местная?

– Леди! – с жаром произнес свистящим шепотом Ивин. – Леди Морейн.

Том прищурился, потом поклонился еще ниже:

– Еще раз прошу прощения... э-э... леди. Я не хотел показаться непочтительным.

Морейн жестом отмахнулась от извинений:

– Не волнуйтесь, все в порядке, мастер бард. И зовите меня просто Морейн. Да, я здесь чужая, путник, как и вы, далеко от дома и близких. Для чужака мир может стать опасным местом.

– Леди Морейн собирает предания, – влез в разговор Ивин. – Предания о том, что происходило в Двуречье. Только не знаю, что же, заслуживающее сказания, могло бы здесь случиться.

– Надеюсь, вам понравятся и мои предания... Морейн.

Том наблюдал за ней с явной опаской. Похоже, встреча с нею не обрадовала его. Ранд вдруг задумался, какие развлечения могут быть у такой леди, как она, в городе – например, в Байрлоне или в Кэймлине. Наверняка им не сравниться с выступлением менестреля.

– Это вопрос вкуса, мастер бард, – ответила Морейн. – Некоторые истории я люблю, некоторые – нет.

Том тем не менее склонился еще ниже:

– Уверяю вас, ни одна из моих историй не покажется вам неприятной. Они доставят вам удовольствие и развлекут вас. И вы оказываете мне слишком высокую честь. Я простой менестрель, и ничего более.

Морейн ответила на его поклон снисходительным кивком. На миг она показалась не просто леди, как назвал ее Ивин, милостиво принимающей подношение от одного из подданных, а кем-то более важным. Потом она повернулась и пошла в сторону, Лан – следом: волк, идущий по берегу рядом с плавно скользящим по водной глади лебедем. Том долго смотрел на них, насупив густые брови и поглаживая длинные усы костяшками пальцев, смотрел до тех пор, пока они не оказались на середине Лужайки. «Ему это вовсе не по душе», – подумал Ранд.

– Вы еще немного пожонглируете? – задал вопрос Ивин.

– Глотать огонь! – воскликнул Мэт. – Мне хочется посмотреть, как вы глотаете огонь.

– Арфу! – раздался голос из толпы. – Поиграйте на арфе!

Кто-то потребовал еще и флейту.

В этот момент дверь гостиницы отворилась, и оттуда вывалился Совет деревни, и среди мужчин шагала Найнив. Падана Фейна Ранд не разглядел: скорей всего, торговец решил остаться в гостиничном тепле и уюте, в компании с подогретым вином.

Пробормотав что-то о «крепком бренди», Том Меррилин тут же спрыгнул с древнего фундамента. Игнорируя крики зрителей, он устремился в гостиницу мимо членов Совета, проскользнув в дверь, прежде чем все они успели выйти.

– Что он о себе возомнил? Он кто вообще, менестрель или король? – раздраженно бросил Кенн Буйе. – Спросите меня, и я скажу: уйма денег, и все впустую.

Бран ал'Вир чуть повернулся, проводив взглядом менестреля, потом покачал головой:

– Этот человек может доставить больше хлопот, чем он того стоит.

Найнив, занятая своим плащом, громко фыркнула:

– Беспочуйся о менестреле, если есть охота, Бранделвин ал'Вир. По крайней мере, он – в Эмондовом Лугу, чего не скажешь об этом Лжедраконе. Но сколько бы ты о нем ни тревожился, здесь есть еще и другие, кто должен бы вызвать у тебя беспокойство.

– С вашего позволения, Мудрая, – твердо сказал Бран, – будьте любезны оставить на мое усмотрение тех, кто мог бы меня беспокоить. Госпожа Морейн и мастер Лан – постояльцы в моей гостинице и добропорядочные, я бы сказал, уважаемые люди. Никто из них не обзывал меня глупцом перед всем Советом. Никто из них не говорил Совету, что не у всех его участников хватает ума.

– Похоже, половине из них я еще и польстила, – парировала Найнив. Она зашагала прочь, ни разу не оглянувшись, оставив Брана двигать челюстью в поисках достойного ответа.

Эгвейн обернулась к Ранду, словно собиралась с ним заговорить, затем вместо этого бросилась за Мудрой. Ранд понимал, что должен быть способен удержать ее в Двуречье, но то, до чего смог додуматься, он не был готов принять, даже если этого хочет она. И то, что девушка практически заявила, что вовсе этого не желает, заставляло его чувствовать себя еще хуже.

– Этой молодой женщине нужно замуж, – заворчал Кенн Буйе, покачиваясь на носках. Багровое лицо его потемнело больше прежнего. – Ей недостает должного уважения к мужчинам. Мы – Совет деревни, а не мальчишки, подметающие ее двор, и...

Мэр устало выдохнул через нос и внезапно повернулся к старому кровельщику:

– Замолчи, Кенн! Хватит поступать так, словно ты Айил с черной повязкой на лице! – Худой кровельщик, оторопев, застыл, вытянувшись на носках. Никогда мэр не позволял гневу брать над ним верх. Бран свирепо смотрел на Кенна. – Сгореть мне на месте, но нам нужно заняться более насущными делами, чем обсуждение этих глупостей. Или ты хочешь доказать правоту Найнив?

С этими словами он, тяжело шагая, вернулся в гостиницу и захлопнул за собой дверь.

Члены Совета глянули на окаменевшее лицо Кенна, потом двинулись в разные стороны – все, кроме Харала Лухана, который, негромко о чем-то говоря, пошел рядом с кровельщиком. Кузнец был единственным человеком, кто мог убедить Кенна внять голосу разума.

Ранд направился навстречу отцу, его друзья потянулись за ним.

– Я ни разу не видел мастера ал'Вира таким взбешенным, – было первое, что сказал Ранд, получив от Мэта полный недовольства взгляд.

– Мэр и Мудрая редко приходят к согласию, – сказал Тэм, – а сегодня согласия между ними меньше обычного. Вот и все. То же самое в любой деревне.

– А что о Лжедраконе? – задал Мэт вопрос, к которому добавилось нетерпеливое ворчание Перрина:

– Что об Айз Седай?

Тэм медленно покачал головой:

– Мастер Фейн знает не намного больше того, что уже успел сказать. Для нас мало интересного. Битвы выиграны или проиграны. Города сданы или снова отбиты. Все – в Гэалдане, хвала Свету. За его пределы война не вышла, или же это последнее, о чем узнал мастер Фейн.

– Про битвы мне интересно, – произнес Мэт, а Перрин добавил:

– Что он про них сказал?

– Для меня битвы интереса не представляют, Мэтрим, – сказал Тэм. – Но я уверен, что попозже он с радостью все про них вам выложит. Главное, нам не следует тревожиться о них здесь, – как решил Совет. Мы не видим причин, по которым Айз Седай могут появиться тут на пути на юг. Что касается обратного путешествия, я думаю, вряд ли им захочется проезжать через Лес теней и переправляться через Белую.

Ранд и его друзья при этих словах насмешливо фыркнули. Имелось три причины, по которым никто не появлялся в Двуречье иначе как с севера – со стороны Таренского Перевоза. Первая, разумеется, – Горы тумана, возвышающиеся на западе, а на востоке путь надежно перекрывала Трясина. На юге текла река Белая, получившая свое название от пены, вскипающей в бурлящем столкновении быстрого потока со скалами и валунами. А за Белой лежал Лес теней. Мало кто из двуреченцев когда-либо переправлялся через Белую, и совсем немногие из них смогли вернуться. Лес теней протянулся на юг, по всеобщему мнению, на сотню или даже больше миль, без дорог и жилья, но зато там было полным-полно волков и медведей.

– Значит, для нас все этим и кончится, – сказал Мэт. В голосе его слышалось по меньшей мере разочарование.

– Не совсем, – отозвался Тэм. – Послезавтра мы отправим людей в Дивен Райд, в Сторожевой Холм и еще в Таренский Перевоз договориться о том, чтобы выставить дозоры. Верховые вдоль Белой и Тарена, а между ними пешие. Сделать бы это сегодня, но со мною согласился один мэр. Остальным никак не решиться попросить кого-нибудь провести весь Бэл Тайн верхом на лошади, носясь по всему Двуречью.

– Но, по-моему, вы говорили, что нам тревожиться не о чем, – сказал Перрин, и Тэм отрицательно качнул головой:

– Я сказал, что не следует, я не говорил, что не должны. Я знавал людей, погибших потому, что они были убеждены: того, что случиться не может, никогда и не случится. Кроме того, сражения сорвут с насиженных мест разный люд. Большинство будут лишь стараться обрести защиту, но другие станут искать возможность пожить в смуте. Первым мы протянем руку помощи, но вторым мы должны быть готовы дать от ворот поворот.

Внезапно заговорил Мэт:

– А можем и мы поучаствовать в этом деле? Я, например, очень хочу. Знаете, я могу ездить верхом, как и всякий в деревне.

– Тебе хочется несколько недель холода и скуки, сна урывками под открытым небом? – засмеялся Тэм. – Наверняка это все, что там будет. Надеюсь, только это. Мы далеко в стороне даже от пути беженцев. Но если ты решился, поговори с мастером ал'Виром. Ранд, нам пора отправляться обратно на ферму.

Ранд заморгал от неожиданности:

– Я думал, мы останемся на Ночь зимы.

– Дела требуют позаботиться о ферме, и ты мне будешь нужен.

– Даже если так, мы все равно можем задержаться на пару часов. И еще я хотел вызваться в дозор.

– Мы отправляемся немедленно, – отрезал отец Ранда тоном, не терпящим возражений. Потом, более мягко, добавил: – Завтра мы вернемся, и у тебя будет время переговорить с мэром. И на праздник времени хватит. А сейчас у тебя есть пять минут, потом встречаемся в конюшне.

– Ты пойдешь со мной и Рандом в дозорные? – спросил Мэт у Перрина, когда Тэм ушел. – Готов поспорить, ничего подобного раньше в Двуречье не случалось. Что ж, если мы доберемся до Тарена, нам, может, удастся увидеть даже солдат и кто знает, что еще. Даже Лудильщиков.

– Думаю, пойду с вами, – медленно сказал Перрин, – если я не буду нужен мастеру Лухану, вот так.

– В Гэалдане война, – перебил его Ранд. С трудом он понизил голос: – Война в Гэалдане, Айз Седай Свет знает где, и ни первого, ни второго здесь нет. Зато есть человек в черном плаще, или вы о нем уже забыли?

Два его друга смущенно переглянулись.

– Извини, Ранд, – пробормотал Мэт. – Но не так уж часто выпадает случай сделать что-то поинтересней, чем подоить коров моего па. – Он выпрямился под удивленными взглядами. – Да, я их дою, и к тому же каждый день.

– Черный всадник, – напомнил друзьям Ранд. – Что, если он кому-то наделает бед?

– Может, он беженец, спасающийся от войны, – с сомнением сказал Перрин.

– Кто бы он ни был, – заявил Мэт, – дозоры его найдут.

– Возможно, – сказал Ранд, – но похоже, он исчезает, когда ему хочется. Лучше, если они будут знать об этом, когда станут его искать.

– Мы расскажем обо всем мастеру ал'Виру, когда вызовемся в дозор, – сказал Мэт, – он расскажет Совету, а они передадут караульным.

– Совет! – недоверчиво сказал Перрин. – Нам очень повезет, если мэр не расхохочется нам в лицо. Мастер Лухан и отец Ранда и без того уже думают, что мы оба от теней шарахаемся.

Ранд вздохнул:

– Если мы хотим рассказать о всаднике, то можно сделать все прямо сейчас. Сегодня мэр будет смеяться не громче, чем завтра.

– Может, – сказал Перрин, искоса глянув на Мэта, – нам попробовать отыскать еще кого-нибудь, кто его видел? Сегодня вечером мы спросим в деревне каждого.

Мэт помрачнел, но ничего не сказал. Все поняли, что Перрин имел в виду: нужно найти других свидетелей, понадежнее Мэта.

– Завтра он не станет смеяться громче, – добавил Перрин, заметив нерешительность Ранда. – Когда мы пойдем к мэру, я бы с радостью взял с собой еще кого-нибудь. Мне стодится хоть половина деревни.

Ранд задумчиво кивнул. Он уже почти слышал, как смеется мастер ал'Вир. Побольше свидетелей точно не повредит. И если они трое заметили этого типа, то и другие наверняка его видели. Должны были видеть.

– Ладно, завтра. Вы вдвоем вечером найдете кого сможете, и завтра мы пойдем к мэру. А после...

Парни молча смотрели на него, и ни один не задал вопрос, что будет, если им не удастся найти никого, кто бы видел человека в черном плаще. Тем не менее вопрос ясно читался в их глазах, и ответа на него у Ранда не было. Он тяжело вздохнул:

– Мне, пожалуй, пора идти. А то отец уже, наверное, гадает, куда это я запропастился.

Провожаемый словами прощания, он быстрым шагом прошел во двор конюшни, где, упершись в землю оглоблями, стояла двуколка с большими колесами.

Конюшня представляла собой длинное, узкое строение с высокой двускатной соломенной крышей. Внутри, по обе стороны от прохода, располагались стойла, устланные соломой. Свет, проникающий из открытых двойных дверей на обоих концах конюшни, не мог рассеять царящий тут сумрак. В восьми стойлах хрупали овсом лошади торговца, в шести других переступали копытами тяжеловозы-дхурраны мастера ал'Вира, которых он обычно сдавал внаем, когда фермерам нужно было вывезти груз, что оказывался не под силу их лошадям. Из остальных стойл заняты были всего лишь три. Ранд прикинул в уме, что без труда мог бы определить, кому какое животное принадлежит. Высокий, широкогрудый черный жеребец, который яростно встряхивал головой, наверняка конь Лана. Холеная белая кобыла с выгнутой шеей, которая переступала ногами с той же грацией, как и танцующая девушка, пусть даже и в стойле, могла принадлежать только Морейн. Третий незнакомый конь, мускулистый, поджарый мерин бурой масти, в самый раз подходил Тому Меррилину.

Тэм стоял в глубине конюшни, держа Белу под уздцы и негромко разговаривая с Хью и Тэдом. Не успел Ранд сделать и двух шагов внутрь конюшни, как его отец кивнул конюхам, вывел Белу и без слов взял Ранда под руку, проходя мимо него.

Они молча запрягли косматую кобылу. Тэм выглядел так глубоко погруженным в свои мысли, что Ранд держал язык за зубами. Он вообще и не думал, что ему удастся убедить отца в существовании всадника в черном плаще – еще меньше, чем мэра. Завтра, когда друзья найдут кого-нибудь из тех, кто видел этого человека, времени на все будет достаточно. Если они вообще найдут хоть кого-то.

Когда двуколка, дернувшись, покатила вперед, Ранд, быстрым шагом идя сбоку от повозки, подхватил с ее задка лук, неловко повесил колчан на пояс. У последнего ряда деревянных домов он наложил на оружие стрелу, приподнял лук и наполовину натянул тетиву. Вокруг ничего не было видно, не считая деревьев, по большей части без листьев, но плечи его напряглись. Черный всадник мог настичь их раньше, чем они узнали бы об этом. Тогда не хватит времени натянуть тетиву лука, если только Ранд не будет готов к стрельбе заранее.

Он знал, что долго так удерживать лук не сможет. Ранд сам смастерил этот лук, и Тэму, одному из немногих в округе, удавалось натянуть тетиву оружия полностью, до щеки. Юноша решил выбросить черного всадника из головы и думать о чем-нибудь другом. Но это оказалось непросто – кругом темной стеной стоял лес, и плащи хлопали на ветру.

– Отец, – в конце концов сказал Ранд, – я не понимаю, зачем Совету понадобилось спрашивать Падана Фейна. – С усилием он оторвал взгляд от леса и посмотрел мимо Белы на Тэма. – По-моему, решение, к которому вы пришли, можно было принять прямо у фургона. Мэр до полусмерти всех напугал, толкуя об Айз Седай и Лжедраконе здесь, в Двуречье.

– У каждого человека свои странности, Ранд. Даже у лучших из людей. Возьми Харала Лухана. Мастер Лухан – сильный и храбрый мужчина, но он смотреть не может на то, как забивают скот. Становится бледным как полотно.

– А какое это имеет отношение хоть к чему-то? Всем известно, что мастер Лухан не выносит вида крови, и никто, кроме Коплинов и Конгаров, и в голову этого не берет.

– Сейчас объясню, парень. Люди не всегда думают или ведут себя так, как ты мог бы ожидать. Эти люди... пусть град вбивает их зерно в грязь, пусть ветер срывает крыши в округе, пусть волки убивают половину их скота, а они закатают рукава и начнут все сызнова. Они бы поворчали, но у них нет лишнего времени. Но только подкинь им мысль об Айз Седай и Лжедраконе в Гэалдане, и вскоре они станут задумываться о том, что Гэалдан не так далеко, хоть и по ту сторону Леса теней, о том, не слишком ли близко к востоку от нас проходит прямая дорога от Тар Валона до Гэалдана. Как будто Айз Седай вместо пути через Кэймлин и Лугард выберут буераки в глухомани! К завтрашнему утру половина деревни пребывала бы в убеждении, что вся та война вот-вот обрушится на нас. Переубедить их – дело не одной и не двух недель. Веселенький получился бы Бэл Тайн! Поэтому Бран и подбросил им другую тему для размышлений раньше, чем они сами успели додуматься до чего-нибудь иного. Они увидели, что Совет занялся обсуждением новостей, и к этому времени люди услышат, что мы решили. Люди выбрали нас в Совет деревни потому, что верят: мы основательно обдумаем состояние дел и придем к решению, которое будет наилучшим для всех. Они полагаются на нас. Даже на мнение Кенна, который, по-моему, посторонним многого не говорит. Во всяком случае, люди услышат, что тревожиться не о чем, и поверят. Это не означает, что они не могли бы прийти к тому же выводу или что они не пришли бы в конечном счете к нему, но Совет поступил так вот почему: он не хотел испортить праздник, и теперь никто не будет неделями мучиться тревожными мыслями о том, что вряд ли произойдет. Если же все так плохо сложится и это случится... что ж, дозоры вовремя нас предупредят, и мы сделаем все, что сможем. Хотя я по-настоящему не верю, что дела обернутся именно так.

Ранд надул щеки. По-видимому, быть членом Совета гораздо более сложное дело, чем он предполагал. Двухколка с громыканием катилась по Карьерной дороге.

– Кто-нибудь, кроме Перрина, видел того странного всадника? – спросил Тэм.

– Мэт, но... – Ранд моргнул, потом уставился на отца поверх спины Белы. – Ты мне веришь? Мне нужно вернуться. Я должен им рассказать!

Ранд уже повернулся, готовый бежать обратно в деревню, но окрик Тэма остановил его.

– Постой, парень, погоди! Неужели ты думаешь, что я без всякой причины так долго откладывал наш разговор?

Ранд неохотно вновь пошел рядом с поскрипывающей двухколкой; впереди терпеливо шагала Бела.

– Почему ты передумал? И почему мне нельзя рассказать другим?

– Очень скоро они узнают. По крайней мере, Перрин. Насчет Мэта я не уверен. Как можно быстрее нужно доставить известия на фермы, ведь через час-другой в Эмондовом Лугу всем старше шестнадцати – по крайней мере тем, у кого есть голова на плечах, – будет известно, что рядом прячется чужак, которого вряд ли кто пригласил бы на праздник. Зима была и без того плоха, чтобы еще вдобавок перепугать младших до полусмерти.

– На праздник? – сказал Ранд. – Если бы ты видел его, то захотел бы, чтобы он держался подальше от деревни, миль так за десять, не ближе. Или, может, за сотню.

– Может, и так, – спокойно сказал Тэм. – Возможно, он лишь беженец, спасающийся от смуты в Гэалдане, или, более вероятно, вор, который надеется, что здесь ему воровать будет легче, чем в Байрлоне или в Таренском Перевозе. Пускай даже так, но ни у кого в округе нет лишнего, чтобы позволить украсть что-нибудь. Если человек бежит от войны... ну это все равно не оправдание тому, что он пугает людей. Когда караульные возьмутся за дело, они либо обнаружат, либо отпугнут его.

– Надеюсь, дозоры его отпугнут. Но почему ты поверил мне теперь, хотя утром считал, что мне все померещилось?

– Тогда, парень, я поверил своим глазам, а они ничего не увидели. – Тэм качнул сидящей головой. – Похоже, только молодые видят этого типа. Все вышло наружу, когда Харал Лухан упомянул о том, что Перрин от теней вздрагивает. Его к тому же видел старший сын Джона Тэйна, а еще – сынишка Сэмила Кро, Бандри. Ладно, когда четверо заявляют, что они видели нечто, – и все надежные ребята, – мы стали думать: может, это и существует, не важно, видим мы его или нет. Разумеется, все, за исключением Кенна. Так или иначе, именно поэтому мы направляемся домой. Если никого из нас не будет, этот чужак, глядишь, натворит там бед. Я бы и завтра не возвращался, не будь праздника. Но мы не станем узниками в собственных домах только потому, что где-то поблизости шатается этот тип.

– Я не знал о Бане и Леме, – сказал Ранд. – Перрин с Мэтом хотели сходить завтра к мэру, но мы опасались, что он нам не поверит.

– Седина в волосах – не короста в мозгах, – сухо сказал Тэм. – Так что давай, гляди в оба. Может, я тоже ухитрюсь его заметить, появишься он еще.

Ранд послушно стал глядеть в оба, как и было велено. Он удивился, поняв, что шаг его стал легче. С плеч будто камень свалился. Страх не исчез, но был теперь не таким гнетущим. Он и Тэм, как и утром, шагали по Карьерной дороге одни, но каким-то образом Ранд чувствовал, что с ними – вся деревня. Разница была в том, что другие теперь тоже знали и верили. Не существовало ничего такого, что мог бы сделать всадник в черном плаще и с чем не могли бы сообща справиться жители Эмондова Луга.

Глава 5

Ночь зимы

Ко времени, когда двуколка достигла фермы, солнце уже прошло половину своего пути к закату. Жилой дом на ферме был не очень большим и мало чем напоминал некоторые разросшиеся усадьбы дальше к востоку, – те поселения росли год от года, расширяясь, чтобы вместить в себя многочисленные семейства: в Двуречье под одной крышей зачастую жили три-четыре поколения семьи, включая всевозможных тетушек, дядюшек, кузенов и племянников. В этом отношении Тэм и Ранд совсем не походили на остальных фермеров: мужчины жили на ферме только вдвоем и вели хозяйство в самом Западном лесу.

В доме без всяких пристроек почти все комнаты находились на первом этаже. На втором этаже были только две спальни да чердачная кладовая – в мансарде под самой крышей с крутыми скатами. Если не считать того, что после зимних выюг на крепких деревянных стенах почти не осталось побелки, дом был в хорошем состоянии и ремонта не требовал. Солома на крыше подновлена, а двери и ставни – выровнены и ладно пригнаны, петли смазаны.

Дом, сарай и каменный загон для овец располагались в углах треугольного двора фермы, на который отважились выйти прогуляться несколько цыплят – в надежде выкопать что-нибудь из мерзлой земли. Возле загона стояли открытый навес, где стригли овец, и каменный наклонный желоб поилки. Неподалеку от полей, между двором и деревьями, смутно вырисовывался высокий конус сушильни над плотно пригнанными досками ее стены. Немногие из фермеров в Двуречье могли прожить без продажи наезжавшим торговцам шерсти и табака.

Ранд заглянул в загон, и на него уставился вожак стада, баран с тяжелыми витыми рогами, но остальные черномордые овцы продолжали безмятежно лежать или стоять, уткнувшись в кормушки. На боках у них курчавилась густая шерсть, но для стрижки было еще очень холодно.

– Не думаю, чтобы здесь появлялся человек в черном плаще. – Ранд повернулся к отцу, который медленным шагом обходил дом, держа наготове копьё и внимательно осматривая почву. – Овцы не были бы так спокойны, появившись тот поблизости.

Тэм кивнул, но обхода не прервал. Обойдя вокруг дома, он осмотрел землю возле сарая и овечьего загона. Тэм проверил даже копильню и сушильню. Потом вытянул ведро воды из колодца, зачерпнул из него пригоршню, понюхал воду, осторожно коснулся кончиком языка. Внезапно Тэм рассмеялся и одним глотком воду выпил.

– По-моему, его не было, – сказал он Ранду, вытирая руку о куртку. – Из-за этих людей и лошадей, которых не могу ни увидеть, ни услышать, я на все смотрю шиворот-навыворот. – Он перелил воду из колодезного ведра в другое и направился к дому – с копьём в одной руке и ведром в другой. – Я что-нибудь сготовлю на ужин. И раз уж мы здесь, не помешало бы сделать кое-какую работенку.

Ранд поморщился, с сожалением подумав о Ночи зимы в Эмондовом Лугу. Но Тэм прав. Работы на ферме всегда невпроворот; не успеешь развязаться с одной, как приспели еще две. Он поколебался, но лук и колчан далеко убирать не стал. Если появится этот жуткий всадник, то под рукой лучше иметь не только мотыгу.

Первым делом нужно заняться Белой. Ранд распряг ее, отвел в сарай. Поставив лошадь в стойло рядом с коровой, он сбросил плащ и, обтерев кобылу пучками сухой соломы, вычистил ее парой скребниц. Взобравшись по узкой лестнице на сеновал, сбросил для лошади сена. Подумав, Ранд высыпал в кормушку Белы ковш овса, хотя его оставалось маловато и, если не потеплеет, запас придется растягивать надолго. Корову доили только утром, еще до света, правда, надоя было раза в четыре меньше обычного; теперь, пока цепко держалась зима, молока она давала все меньше.

Овцам корма было задано на два дня – их бы сейчас выпустить на выпасы, но ничто в округе такого названия не заслуживало, – и Ранд только долил им воды. Яйца тоже нужно собрать. Их оказалось всего три. Куры, похоже, набрались ума-разума и научились их прятать лучше.

Взяв мотыгу, Ранд направлялся за дом, к огороду, когда Тэм вышел во двор, уселся на скамейку перед сараем и, прислонив рядом копье, принялся чинить упряжь. Лук, лежавший на плаще в шаге от Ранда, излишней предосторожностью теперь не казался.

Немногие сорняки пробились на свет, но их оказалось гораздо больше, чем всего остального. Капуста задержалась в росте, лишь местами показались всходы бобов и гороха, а на свеклу не было даже намека. Конечно, посажено было еще не все, только небольшая часть, в надежде, что холода успеют закончиться и удастся собрать урожай до того, как погреб опустеет. Много времени прополка не отняла, что в прошлые годы обрадовало бы Ранда, но сейчас он задумался: что они будут делать, если в этот год не удастся ничего собрать? М-да, не очень-то приятная мысль. Так, теперь – дрова.

Ранду казалось: долгие годы уже миновали с тех пор, когда ему не нужно было колоть дрова. Но жалобы и брюзжание тепла в доме не сохраняют, так что он сходил за топором, прислонил лук с колчаном к колоде и принялся за работу. Сосна – для жаркого, быстрого пламени, дуб – для долгого огня. Вскоре Ранд вспотел и сбросил с себя плащ. Когда рядом с ним выросла груда поленьев, он уложил их в поленницу у стены дома, рядом с уже готовыми штабелями дров. Почти все они доходили до крыши. Обычно к весне от поленниц мало что оставалось, но в этот год все было по-иному. Колоть и укладывать, колоть и укладывать – Ранд целиком ушел в ритм работы с топором и укладки штабелей. Рука Тэма, коснувшаяся плеча юноши, вернула того к реальности, и на миг он от неожиданности зажмурился.

Пока Ранд работал, подкрались серые сумерки, и быстро напознала ночная мгла. Бледно-тусклая луна тяжело расплылась на верхушках деревьев, словно готовая сорваться и упасть на голову. Ветер стал холоднее – Ранд этого и не заметил – и гнал по темнеющему небу драные клочья облаков.

– Давай, парень, умойся, и будем ужинать. Я уже наносил воды для горячей ванны перед сном.

– В самый раз мне чего-нибудь горяченького, – сказал Ранд, подхватывая плащ и набрасывая его на плечи. Пот пропитал рубаху, и ветер, о котором разгоряченный колкой дров Ранд совсем позабыл, теперь, когда он отложил топор в сторону, пытался заморозить его. Ранд подавил зевок и, дрожа от холода, собрал вещи. – И поспать не помешает. Я мог бы проспать весь праздник.

– На что готов поспорить? – улыбнулся Тэм, и Ранд ухмыльнулся в ответ: он ни за что не пропустит Бэл Тайн, даже если придется не спать неделю. Никто не пропустил бы.

Тэм не пожалел свечей; в большом, выложенном камнями очаге потрескивал огонь, просторная комната радушно встречала теплом. Кроме камина, в комнате сразу притягивал взор

огромный дубовый стол – такой длинный, что за него одновременно могла сесть дюжина, а то и больше, человек, хотя с тех пор, как умерла мать Ранда, редко выпадали дни, когда за ним собиралось столько народу. Вокруг стола стояли стулья с высокими спинками, вдоль стен выстроились комоды и сундуки, добротные сработанные самим Тэмом и отличающиеся красочной отделкой. К огню был повернут стул с подушечкой на сиденье, который Тэм называл своим читальным креслом. Ранд предпочитал читать, растянувшись на ковре перед камином. Полка с книгами, висящая у двери, выглядела не такой длинной, как в гостинице «Винный ручей», но ведь и достать книги было не так просто. Редкие торговцы привозили больше «горсточек» книг, да и те всегда раскупались в один момент.

Комната на первый взгляд не казалась такой уж прибранной, как дома у большинства фермерских жен: Тэмова подставка для трубки и «Странствия Джейна Далекоходившего» лежали на столе, еще одна книга, переплетенная в дощечки, покоилась на подушечке читального кресла; со скамьи, сбоку от камина, свисали требующие починки ремни упряжи, рядом на стуле – стопка рубах, которые нужно заштопать. В общем, если комната и не выглядела безупречной, то все равно в ней было вполне чисто и опрятно, а от обжитой домашней обстановки становилось почти так же тепло и уютно, как и от ярко горящего очага. Здесь можно было забыть о холоде за стенами. Здесь ничто не напоминало о Лжедраконе. Ни о войне, ни об Айз Седай. Никаких людей в черных плащах. Аромат из котелка, висящего над очагом, растекался по комнате, и, вдохнув его, Ранд почувствовал волчий голод.

Тэм помешал в котелке деревянной ложкой с длинной ручкой, затем зачерпнул для пробы:

– Чуть-чуть подождем.

Ранд поспешил вымыть лицо и руки, – кувшин и тазик стояли на умывальнике возле двери. Юноша мечтал о горячей ванне, чтобы смыть пот и выгнать из себя озноб, но это – потом, когда будет время нагреть в задней комнате большой котел с водой.

Тэм порылся в шкафу и достал длинный, в ладонь, ключ. Он вставил его в большой железный замок на двери и повернул. В ответ на вопросительный взгляд Ранда отец сказал:

– Осторожность не помешает. Может, это моя причуда или, может, из-за погоды что-то на душе тревожно, но... – Тэм вздохнул и подобросил ключ на ладони. – Займусь-ка я задней дверью. – И он скрылся в глубине дома.

Ранд попытался припомнить, запиралась ли когда-нибудь дверь его дома, хоть однажды. В Двуречье двери не запирали никто. В этом не было нужды. По крайней мере, пока.

Сверху, из спальни Тэма, донесся скрежет, как будто по полу протащили что-то тяжелое. Ранд нахмурился. Если Тэму не взбрело в голову переставлять сейчас мебель, то он мог лишь выдвинуть из-под кровати свой старый сундук. Еще одно, чего на памяти Ранда никогда не случилось.

Ранд наполнил маленький чайник водой, повесил его на крюк над огнем, затем стал накрывать на стол. Миски и ложки он вырезал сам. Ставни еще не были закрыты, и время от времени он посматривал в окно, однако на дворе стояла глухая ночь и все, что ему удавалось разглядеть, – это тени от луны. Там вполне мог затаиться черный всадник, но Ранд старался об этом не думать.

Когда вернулся Тэм, Ранд изумленно уставился на него: широкий ремень на поясе Тэма оттягивал меч с бронзовой цаплей на черных ножнах, еще одна цапля украшала рукоять. Раньше Ранду доводилось видеть людей с мечами, но то были охранники купцов. Да еще, конечно, Лан. Что у его отца может быть меч, Ранду и в голову не приходило. Не считая цапель, оружие во многом походило на меч Лана.

– Откуда это? – спросил Ранд. – Ты его купил у торговца? Сколько он стоит?

Тэм медленно вытянул клинок; огненные отблески заиграли на блестящем лезвии. Меч ничем не напоминал прямые простые клинки, что Ранд видел у купеческих охранников. Ни

золото, ни самоцветы не украшали оружия, но Ранду оно все равно казалось благородным. Клинок был немного изогнут и заострен с одной стороны, на стали виднелось клеймо – цапля. Короткая крестовина, сработанная в виде витого шнура, отделяла рукоять от клинка. Клинок выглядел непрочным, чуть ли не хрупким – по сравнению с обоюдоострыми и толстыми мечами охранников купцов, теми вполне можно было рубить деревья.

– Он мне достался очень давно, – сказал Тэм, – и очень далеко отсюда. И заплатил я даже слишком дорого: два медяка – многовато за такую штуку. Твоя мать этой покупке не одобрила, но она всегда была мудрее меня. В те времена я был молод, и тогда такая цена не казалась мне чрезмерной. Мама всегда хотела, чтобы я от него избавился, и не раз я подумывал, что она права и нужно просто отдать его.

В свете пламени клинок переливался желто-алыми всполохами. Ранд зачарованно любовался им – он частенько грезил, что у него когда-нибудь будет меч.

– Отдать его? Как можно отдать такой меч?

Тэм хмыкнул:

– Много ли от него проку, когда пасешь овец? Поля им не вспашешь, хлеба не сожнешь. – Минуту он смотрел на меч, словно раздумывая, на что может стодиться подобная вещь. В конце концов он отвел от него тяжелый взгляд. – Но если только меня не одолевают самые дурные и мрачные предчувствия, если счастье от нас и впрямь отвернулось, то, может быть, в следующие несколько дней мы будем радоваться, что я его не отдал, а засунул в тот старый сундук. – Клинок плавно скользнул в ножны, и Тэм с недовольным выражением отер руку о рубаху. – Мясо, должно быть, уже готово. Я разложу, а ты чай завари.

Ранд кивнул и, хотя и горел нетерпением узнать все поподробнее, взял металлическую коробку с чаем. Для чего Тэму понадобилось покупать меч? Ранду трудно было это представить. И где Тэм его раздобыл? Далеко ли? Из Двуречья вообще никто не уходил; по крайней мере, считанные единицы. У Ранда имелось смутное подозрение, что его отец бывал в чужих краях, а не только в Двуречье, – ведь мать Ранда была чужестранкой, – но меч?.. У него накопилась уже целая уйма вопросов к тому времени, как они собрались сесть за стол.

Вода для чая сильно кипела, и Ранду пришлось обхватить ручку чайника тряпкой, чтобы снять его с крюка. Жар чувствовался даже сквозь ткань. Когда юноша выпрямился у камина, дверь содрогнулась от тяжелого удара – от него хрустнул замок. Из головы сразу же вылетели всякие мысли о мече и горячем чайнике в руке.

– Кто-то из соседей, – неуверенно сказал Ранд. – Мастер Доутри хотел одолжить... – Но ферма Доутри, их ближайшего соседа, была в часе ходьбы даже при дневном свете, а Орен Доутри, каким бы бесстыдным просителем ни был, вряд ли в ночную темень высунет нос из дома.

Тэм тихо поставил миски с тушеным мясом на стол. Медленно отодвинулся от стола. Обе его ладони легли на рукоять меча.

– Не думаю... – начал было он, но тут дверь с грохотом распахнулась и искореженные детали замка разлетелись по полу.

Дверной проем заполнила фигура крупнее любого человека, виденного Рандом, – фигура в черной, до колен, кольчуге, с шипами на запястьях, локтях и плечах. Одна рука незнакомца сжимала тяжелый меч с искривленным клинком, напоминающим косу, другая – заслоняла глаза, будто защищая их от света.

Ранд почувствовал что-то вроде огромного облегчения. Кто бы то ни был, это не всадник в черном плаще. Потом юноша заметил упирающиеся в притолоку крученые бараньи рога, растущие из головы существа, а там, где должны были быть рот и нос, скалилось волосатое рыло. Ранд успел осознать все это за один глубокий вдох, а потом, издав жуткий вопль, не размышляя, метнул горячий чайник в нечеловеческую голову.

Кипяток выплеснулся из чайника и потек по морде, тварь взревела, в ее вое слышался крик боли и звериное рычание. В миг, когда чайник попал в звериное рыло, сверкнул меч Тэма. Рев сразу же сменился хрипом и бульканьем, и огромная фигура стала заваливаться на спину. Не успела тварь упасть, как мимо нее попыталась вломиться в дверь другая. Ранд разглядел уродливую голову, увенчанную острыми шипами рогов, прежде чем Тэм ударил снова, и теперь два громоздких тела загораживали дверь. Он услышал, как отец кричит:

– Беги, парень! Прячься в лесу!

Тела в дверном проеме дергались – другие нападающие старались выволочь их наружу. Тэм подsunул плечо под массивную столешницу; крикнув от усилия, он опрокинул стол поверх клубка тел.

– Их слишком много, не сдержать! Через заднюю дверь! Бегом! Бегом! Я – следом!

Ранд повернулся, и стыд – за то, что так быстро послушался приказа, – ожег его. Ему захотелось остаться и помочь отцу, хотя чем помочь, он не имел ни малейшего представления. А страх ухватил его за горло, и ноги сами несли прочь. Ранд вылетел из комнаты, побежал вглубь дома, так быстро, как никогда в жизни. Грохот, треск и крики, доносящиеся от передней двери, преследовали его по пятам.

Ранд взялся за засов на задней двери, когда взгляд его упал на железный замок, который никогда не запирался. Если не считать того, что Тэм запер его именно сегодня. Оставив засов на месте, юноша метнулся к боковому окну, поднял раму и толкнул ставни. Полутьма сумерек уже сменился ночью мглой. Медленно плывущие по диску полной луны облака пятнали двор фермы неясными тенями, которые будто гонялись одна за другой.

«Тени», – сказал себе Ранд. Всего лишь тени. Задняя дверь скрипнула, когда кто-то – или что-то – налег на нее, пытаясь открыть. В горле у Ранда разом пересохло. Глухой удар сотряс дверь и добавил ему прыти; он выскользнул через окно, словно заяц, прячущийся в нору, и съехал у стены под окном. Внутри, в комнате, с громким и резким звуком раскололось дерево.

Ранд заставил себя приподняться к углу окна и одним глазом заглянул внутрь. Многого он в темноте не разобрал, но то, что увидел, оказалось предостаточно, даже больше, чем ему хотелось. Дверь косо висела на одной петле, и в комнату осторожно заходили смутные фигуры, переговариваясь низкими гортанными голосами. Ранд ничего не понял, – наречие, не предназначенное для человеческого слуха, звучало неприятно и грубо. На топорах, копьях, шипастых доспехах сверкали случайные лунные блики. По полу шаркали тяжелые башмаки и доносился ритмичный перестук, словно бы от копыт.

Ранд облизнул пересохшие губы. Сделав глубокий, судорожный вдох, он изо всех сил крикнул:

– Они подбираются сзади! – Слова больше походили на хриплое карканье, но они все-таки прозвучали, на что юноша уже едва надеялся. – Я снаружи! Беги, отец!

С последними словами Ранд рванул прочь от дома.

Вслед ему из задней комнаты понеслись яростные крики на странном грубом языке. Громко и отчетливо разлетелось вдребезги стекло, и позади юноши что-то с глухим шумом бухнулось на землю. Ранд догадался, что один из тех решил просто проломиться через окно, а не протискиваться в него, но он и не подумал оглянуться, чтобы удостовериться в верности своей догадки. Словно лис, убегающий от своры гончих, Ранд устремился в ближайшую тень, где не было лунного света, как бы направляясь к лесу, затем бросился на землю, скользнул в сторону сарая и его огромной, еще более глубокой тени. Что-то упало ему на плечи, и Ранд заметался и заизвивался, сам не понимая, старается он убежать или бороться, пока вдруг не обнаружил, что сражается с новым черенком для мотыги, который накануне доделывал Тэм.

«Идиот! – Несколько мгновений он лежал, пытаясь унять неровное дыхание. – Дурак Коплин, вот идиот!» Ранд стал пробираться вдоль задней стены сарая, волоча черенок за собой.

Подмога небольшая, но лучше, чем ничего. С опаской он выглянул за угол, окидывая взглядом двор фермы и дом.

Твари, которая выпрыгнула следом за ним, видно не было. Она могла оказаться где угодно. Естественно, выслеживая его. Даже могла подкрадываться к нему вот в этот самый миг.

Слева от Ранда, в овечьем загоне, раздавалось испуганное блеяние; овцы метались, будто пытаются вырваться на волю. Смутные фигуры, похожие на тени, маячили у освещенных окон, и во тьме сталь лязгала о сталь. Внезапно одно окно осыпалось дождем стекла и щепок: из него выскочил Тэм, по-прежнему с мечом в руке. Он приземлился на ноги, но, вместо того чтобы бежать от дома, бросился вокруг него, не обращая внимания на уродливых тварей, которые полезли за ним из разбитого окна и из двери.

Ранд смотрел, не веря своим глазам. Почему Тэм не попытался убежать? Потом понял: Тэм слышал его голос у задней двери.

– Отец! – выкрикнул Ранд. – Я уже здесь!

Тэм развернулся на бегу, но побежал не к Ранду, а в сторону от него.

– Беги, парень! – крикнул он, махнув мечом, словно делая знак кому-то впереди. – Прячься!

С дюжину громадных фигур устремились за ним, ночной воздух разорвали режущие слух крики и пронзительный вой.

Ранд прыгнул обратно в тень за хлевом. Из дома – в случае если какая-то из тварей останется внутри – его здесь не увидят. Он был в безопасности, по крайней мере на время. Он, но не Тэм. Тэм, который пытается увести от него этих тварей. Пальцы Ранда до боли в костяшках стиснули черенок от мотыги, и он сцепил зубы, чтобы сдержать горький смех. Ручка от мотыги. Столкнуться лицом к лицу с одним из этих чудовищ всего лишь с палкой в руках – это не то же самое, что забавляться с Перрином схваткой на посохах. Но бросить Тэма...

– Если я буду двигаться так, будто подкрадываюсь к кролику, – прошептал он себе, – они никогда меня не услышат и не увидят. – Вселяющие ужас крики эхом отдавались во тьме, и Ранд попытался проглотить вставший в горле комок. – Больше похожи на стаю оголодавших волков. – Беззвучно он скользнул от сарая к лесу, сжимая ручку от мотыги так, что заныли пальцы.

Вначале окружившие со всех сторон деревья успокоили Ранда. Деревья помогут ему спрятаться от напавших на ферму существ – кем бы они ни были. Однако лунные тени, когда он крался по лесу, двигались кругом, и стало казаться, будто тьма в лесу тоже меняется и движется. Деревья, неясно вырисовывающиеся впереди, стали выглядеть какими-то недобрыми; ветви злобно изгибались к человеку. На самом ли деле это только деревья и сучья? Ранд почти слышал ворчание и еле сдерживаемые в глотках смешки тех, кто поджидал его. Вой преследователей Тэма не тревожил ночь, но в безмолвии, пришедшем на смену крикам, юноша вздрагивал всякий раз, когда в порывах ветра ветки скреблись друг о друга. Он пригибался все ниже и ниже и ступал все медленнее и медленнее. Из страха, что его услышат, Ранд едва осмеливался дышать.

Вдруг протянувшаяся сзади рука накрыла его рот, и запястье юноши сжало железной хваткой. Свободной рукой Ранд, чтобы хоть как-то сдержать напавшего, яростно махнул через плечо.

– Не сломай мне шею, парень, – услышал он хриплый шепот Тэма.

Напряжение спало, превратив мускулы Ранда в кисель. Когда отец выпустил его, он упал на четвереньки, тяжело дыша, словно пробежал несколько миль. Тэм опустился рядом, опершись на локоть.

– Я бы и не пытался так поступать, если б сообразил, как ты вырос за последние пару лет, – тихо произнес Тэм. Его глаза все время чутко наблюдали за окружающей тьмой. – Но

нужна была уверенность, что ты не вскрикнешь. У некоторых троллоков слух как у собаки. А может, и лучше.

– Но троллоки только... – Ранд не закончил фразу. Теперь уже не только сказки, после сегодняшнего вечера – не только. Те твари могли вполне быть троллоками или даже самим Темным. – Ты уверен? – прошептал он. – Я о... троллоках?

– Да, уверен. Но что занесло их в Двуречье?.. До сегодняшнего вечера я ни одного не видел, но разговаривал с людьми, кто с ними сталкивался, поэтому кое-что мне известно. Может, достаточно, чтобы мы остались живы. Слушай внимательно. Троллоки в темноте видят лучше, чем человек, но яркий свет их слепит, по крайней мере на время. Наверное, поэтому-то нам и удалось удрать, хоть их и было много. Некоторые могут выслеживать по запаху или по звуку, но, говорят, они ленивы. Долгой погони они не любят.

От услышанного у Ранда на душе стало лишь чуточку легче.

– В сказаниях они ненавидят людей и служат Темному.

– Если кому и место в стаде Пастыря Ночи, парень, так это троллокам. Убивать для них – удовольствие, так мне говорили. Но на этом мои познания кончаются, добавлю лишь еще одно: доверять им можно, только если они боятся тебя, да и тогда не больно-то. Вот и все.

Ранд задрожал. Он не думал, что ему захочется встречаться с тем, кого боятся троллоки.

– По-твоему, они еще гонятся за нами?

– Может, да, а может, и нет. Соображают они, похоже, туго. Когда мы оказались в лесу, я без особых хлопот отправил тех, что ломались за мной, в сторону гор. – Тэм провел рукой по своему правому боку, затем поднес ладонь к лицу. – Однако лучше действовать так, словно бы они неподалеку.

– Ты ранен.

– Говори потише. Это всего-навсего царапина, и все равно сейчас ничего не сделать. Хорошо хоть вроде потеплело. – С тяжелым вздохом Тэм лег на спину. – Возможно, для нас будет не так уж плохо провести ночь в лесу.

Из самой глубины сознания Ранда всплыли несбыточные мечты о куртке и о теплом плаще. Деревья защищали от самых сильных пронизывающих порывов ветра, но все равно он впивался морозными кинжалами и чуть не резал тело. Нерешительно Ранд дотронулся до лба Тэма и вздрогнул.

– Ты весь горящий. Тебе нужно к Найнив.

– Чуток погодя, парень.

– У нас нет времени. Идти не близко, и в темноте.

Юноша с трудом поднялся на ноги и попытался приподнять отца. Вырвавшийся у Тэма сквозь сжатые зубы стон заставил Ранда торопливо, но осторожно опустить его на землю.

– Дай мне немного передохнуть, мальчик мой. Я устал.

Ранд в досаде стукнул себя кулаком по бедру. Укрывшись в доме, где есть огонь и одеяла, много воды и в избытке ивовой коры, он готов был ждать до рассвета, а потом – запрячь Белу и отвезти Тэма в деревню. Здесь же нет огня, нет одеял, нет двуколки, нет Белы. Но эти твари по-прежнему в доме. Если Тэма нельзя отнести домой, то, может, удастся кое-что из нужного принести сюда, к Тэму. Если троллоки ушли. Должны же они уйти рано или поздно.

Ранд глянул на ручку от мотыги, потом отбросил ее. Он вытащил меч Тэма. Клинок тускло блестел в бледном лунном сиянии. Странно было чувствовать в ладони длинную рукоять; своей тяжестью меч непривычно оттягивал руку. Он взмахнул мечом несколько раз в воздухе и со вздохом опустил его. Рубить воздух – легко и просто. Если придется иметь дело с троллоком, не побежит ли он вместо этого со всех ног или не застынет ли, похолодев, на месте, не в силах пошевелиться, пока троллок будет замахиваться одним из тех страшных клинков и пока... «Хватит! Этим никак не поможешь!» – сказал он сам себе.

Когда Ранд выпрямился и повернулся, Тэм поймал его за руку:

– Куда ты собрался?

– Нам нужна повозка, – мягко ответил Ранд. – И одеяла. – Он был потрясен тем, как легко высвободил рукав из руки отца. – Отдыхай, я скоро вернусь.

– Будь осторожен, – выдохнул Тэм.

Ранд не мог разглядеть в лунном свете лица Тэма, но чувствовал на себе его взгляд.

– Хорошо.

«Так же осторожен, как мышь, угодившая в гнездо ястреба», – подумал он.

Бесшумно, словно тень, Ранд скользнул в темноту. Ему вспомнилось, как в детстве он много раз играл в лесу с друзьями в пятнашки: подбираешься к приятелю, стараясь, чтобы он тебя не услышал, пока не положишь руку ему на плечо. Вот только с троллоками в пятнашки играть как-то не хотелось.

Пробираясь по лесу, Ранд пытался сообразить, что делать. Выйдя к опушке леса, он успел придумать и отбросить уже с десяток всяких планов. Все упиралось в одно: есть еще троллоки на ферме или их нет? Если они убралась, тогда он просто зайдет в дом и возьмет все, что нужно. Если же они по-прежнему там, то... В этом случае ничего не остается, кроме как вернуться к Тэму. Последнее Ранду не нравилось, но что хорошего, если его просто убьют?

Ранд вглядывался в постройки фермы. В лунном свете темными пятнами стояли сарай и загон для овец. Но светились окна на фасаде, и свет вырывался из прямоугольника открытой передней двери. «Что это? Свечи, что зажег отец, или там засели троллоки?»

От пронзительного крика козодоя Ранд дернулся и подскочил на месте, потом, содрогаясь всем телом, осел у дерева. Оставаться тут – толку никакого, так он ничего не добьется. Он лег на живот и медленно пополз, неуклюже держа меч перед собой. Вжимаясь в землю, стараясь не поднимать головы, Ранд добрался до загона.

Скорчившись у задней стенки, сложенной из камней, он прислушался. Ни единый звук не нарушал ночную тишь. Юноша осторожно приподнялся и посмотрел вверх стенки во двор фермы. У освещенных окон и двери не мелькало ни единой тени. «Сначала Бела и двуколка или же одеяла и все остальное?» – задумался он. Выбрать ему помог свет. В сарае было темно. Внутри могло ждать что угодно, а что именно – он узнает не раньше, чем станет слишком поздно. По крайней мере, то, что ждет в доме, можно увидеть заранее.

Решив снова лечь на землю, он вдруг замер. Не слышалось ни единого звука. Овцы должны были уже успокоиться и уснуть, хотя это и маловероятно, – даже в самый глухой ночной час несколько овец всегда не спали, шурша чем-то в загоне и время от времени блея. Ранд с трудом различил темнеющие неподвижные холмики. Одна овца лежала совсем рядом с ним.

Стараясь не шуметь, он перегнулся через стенку и протянул руку к смутно видневшемуся бугорку. Пальцы уткнулись в завитки шерсти, затем Ранд почувствовал что-то влажное – овца не шевелилась. Из горла вырвался шумный выдох, он отпрянул назад и едва не выронил меч, упав на землю возле загона. «Они убивают ради забавы». Ранд вытер дрожащую руку о землю.

Со злостью он напомнил самому себе, что ничего не изменилось. Троллоки сделали свое кровавое дело и ушли. Повторяя это себе, он полз через двор фермы, стараясь прижиматься ниже, но при этом не забывая оглядываться по сторонам. Ранд никогда не предполагал, что когда-нибудь позавидует червякам.

Приблизившись к дому, юноша привалился к стене, как раз под выбитым окном, и прислушался. Ровный глухой шум крови в ушах был самым громким звуком, что он услышал. Медленно-медленно Ранд приподнял голову и заглянул в окно.

В золе очага вверх дном валялась кастрюля. По всей комнате было разбросано расщепленное, изрубленное дерево, из мебели в целости не осталось ничего. Даже стол лежал на боку, две ножки его торчали неровными обрубками. Все ящики комодов выдернуты и разломаны, дверцы буфетов – распахнуты, многие висели на одной петле. Содержимое шкафчиков валялось поверх обломков, сверху все было обсыпано белым. Судя по всему – мукой и солью из

рассеченных мешков, сброшенных с полки у камина. Довершали картину разгрома четыре скрюченных тела, кучей лежавшие среди обломков мебели. Троллоки.

Одного из них Ранд признал по бараньим рогам. Другие были очень похожи на первого, несмотря на некоторые различия, – отвратительная смесь человеческих лиц, изуродованных рогами, перьями, шерстью и звериными рылами. Их руки, почти человеческие, только подчеркивали уродство. На двоих были тяжелые башмаки; у двух других ноги оканчивались копытами. Не мигая, Ранд смотрел на них до рези в глазах. Ни один из троллоков не шевелился. Они, должно быть, мертвы. А Тэм ждет.

Ранд вбежал в дверь и остановился: в ноздри ударило зловоние. Единственное, с чем он мог сравнить этот запах, – хлев, который не чистили месяцами. Стены измараны мерзкого вида пятнами. Дыша через рот, Ранд стал торопливо рыться среди беспорядочно разбросанных на полу вещей и обломков. В каком-то из буфетов раньше лежал бурдюк.

Шорох за спиной морозным ознобом прошелся по позвоночнику, и Ранд резко развернулся, зацепившись за обломок стола и едва не упав. Он удержался на ногах и застонал сквозь зубы, которые наверняка застучали бы, не стисни он их так, что заняла челюсть.

Один из троллоков поднимался на ноги. Над волчьим рылом горели запавшие глаза. Тусклые, лишенные всякого выражения глаза, но все равно чересчур человеческие. Волосатые, заостренные уши непрерывно подрагивали. Тварь переступила через тело одного из своих мертвых товарищей острыми козлиными копытами. Такая же, как и на других, черная кольчуга терлась о кожаные штаны, громадный, изогнутый косой меч болтался у чудища на боку.

Тварь что-то невнятно произнесла, гортанно и грубо, затем сказала:

– Другие уйти. Нарг остаться. Нарг умный. – Слова были искажены и плохо понятны: их произносила пасть, вовсе не приспособленная для человеческой речи. Как казалось Ранду, их тон должен был быть успокаивающим, но юноша не в силах был оторвать глаз от длинных и острых, покрытых пятнами зубов, которые сверкали всякий раз, когда это создание разевало пасть. – Нарг знать, кто-то когда-то вернется обратно. Нарг ждать. Меч не нужен тебе. Брось меч.

Пока троллок говорил, Ранд еще не понимал, что обеими руками сжимал меч Тэма, направив дрожащее острие в огромную тварь. Ее голова и плечи возвышались над юношей, широкая грудь и могучие плечи не шли ни в какое сравнение с телосложением мастера Лухана.

– Нарг не делать больно. – Жестиколируя, троллок подступил на шаг ближе. – Ты брось меч.

Темные волосы на тыльной стороне его рук густотой походили на мех.

– Стань где стоял, – сказал Ранд, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Зачем вы это сделали? Зачем?

– *Влжа дайг рогхда!* – Рык быстро превратился в оскал улыбки. – Брось меч. Нарг не делать больно. Мурдраал хочет говорить с тобой. – Что-то промелькнуло по искажившейся морде. Страх. – Другие вернуться, ты говорить с мурдраалом. – Троллок сделал еще один шаг, большая рука дернулась к эфесу меча-косы. – Ты брось меч.

Ранд облизнул губы. Мурдраал! Наихудшие из сказаний расхаживают наяву нынче ночью. Явись Исчезающий, и троллоки покажутся по сравнению с ним смиренными овечками. Ему нужно сбежать. Но если этот троллок вытащит свой тяжелый клинок, то не останется уже ни единого шанса. Ранд вымученно улыбнулся дрожащими губами.

– Ладно. – Пальцы сильнее сжали рукоять меча, он опустил руки вниз. – Я поговорю.

Волчья улыбка превратилась в рычание, и троллок бросился на юношу. Ранд никогда бы не поверил, что такая огромная тварь способна двигаться так быстро. В отчаянии он вскинул меч. Чудовищно-громадное тело обрушилось на него, отшвырнув к стене. От навалившейся тяжести нельзя было вздохнуть. Когда они упали на пол – троллок сверху, – Ранд стал

бороться за глоток воздуха. Он бешено сопротивлялся, отталкивая ищущие цепкие и толстые руки, увертываясь от щелкающих челюстей.

Вдруг троллок судорожно дернулся и затих. Порядком помятый, весь в ушибах, чудом не задохнувшийся, Ранд только и мог что лежать, не веря случившемуся. Тем не менее он быстро пришел в себя, по крайней мере настолько, чтобы выползти из-под тела троллока. Из-под *мертвого* тела. Окровавленный клинок торчал из самой середины троллоковой спины. Все же меч он поднял вовремя. Пальцы Ранда были липки от крови, поперек груди шла быстро темнеющая кровавая полоса. Ранда замутило. Его трясло как от пережитого ужаса, так и от облегчения – он все еще жив.

Другие вернутся, сказал троллок. Другие троллоки вернутся обратно на ферму, в дом. И мурддрал, Исчезающий. В сказаниях говорится, что Исчезающие футов двадцати ростом, с горящими огнем глазами, что они скачут верхом на тенях, словно бы на лошадях. Когда Исчезающий сворачивает в сторону, он пропадает и никакая стена ему не помеха. Ранд решил, что надо сделать то, зачем он пришел, и побыстрее отсюда удирать.

Закряхтев от усилия, Ранд перевернул тело троллока, чтобы вытащить меч, – и чуть не бросился наутек, когда открытые глаза уставились на него. Только потом он сообразил, что смотрят они сквозь поволоку смерти.

Ранд вытер руки о превратившуюся в лохмотья тряпку – еще утром она была рубашкой Тэма – и выдернул меч. Очистив от крови клинок, он с тяжелым чувством бросил тряпку на пол. На уборку нет времени, подумал он с нервным смехом и, чтобы унять его, с силой стиснул зубы. Ранд не понимал, можно ли будет отчистить дом, чтобы тот вновь обрел уютный, обжитой вид. Этой отвратительной вонью наверняка пропитались все балки. Но сейчас нет времени размышлять об этих делах. «Нет времени на уборку. Может, нет времени уже ни на что».

Ранд был уверен, что о каких-то нужных вещах он позабыл, но Тэм ждал, а троллоки возвращались. Он стал собирать то, о чем успел вспомнить. Шерстяные одеяла из спален наверху, чистое полотно, чтобы перевязать рану Тэма. Плащи и куртки. мех для воды, который он обычно брал с собой, когда выгонял овец на пастбище. Чистую рубаху. Выдастся ли минута, чтобы переодеться, Ранд не знал, но при первой же возможности он хотел скинуть с себя испачканную кровью одежду. Маленькие мешочки с ивовой корой и другими лечебными травами оказались сейчас частью темной неопрятной кучи на полу, и заставить себя прикоснуться к ней он был не в силах.

Принесенное Тэмом ведро по-прежнему стояло у камина, чудом не опрокинутое и не загаженное. Ранд наполнил мех, а оставшейся водой наспех ополоснул руки. Еще раз напоследок обвел все взглядом, припоминая, не забыл ли чего. Среди разгрома он заметил свой лук, переломанный надвое в самом толстом месте. Вздрогнув, юноша выпустил обломки из рук. Хватит и того, что уже собрано, решил Ранд и сложил все снаружи, у двери.

Последнее, что он сделал, перед тем как покинуть дом, – отыскал среди беспорядка фонарь с заслонками. В нем еще оставалось немного масла. Засветив его от свечи, юноша задвинул заслонки – отчасти от ветра, но больше для того, чтобы не привлечь внимания, – и заторопился во двор, с фонарем в одной руке и мечом – в другой. Вряд ли он мог сказать заранее, что обнаружит в сарае. Загон для овец дал ему понять, что не стоит надеяться на многое. Но чтобы доставить Тэма в Эмондов Луг, ему нужна повозка, а для двуколки нужна Бела. Поэтому приходилось на что-то надеяться.

Двери сарая были распахнуты настежь, одна покачивалась на ветру и поскрипывала. На первый взгляд все внутри было как обычно. Потом взор Ранда упал на пустые стойла, их дверцы оказались сорваны с петель. Бела и корова исчезли. Торопливо Ранд прошел в глубину сарая. Двуколка лежала на боку, половина спиц в колесах оказалась выломана. От одной оглобли остался обрубок длиной всего в фут.

Ранда наполняло отчаяние, которое он еле сдерживал. Он не был уверен, что сможет донести Тэма до деревни, даже если отец и выдержит такую дорогу. Боль могла убить Тэма скорее, чем жар. Так или иначе, но это единственная оставшаяся возможность. Все, что можно сделать, сделано. Ранд развернулся и шагнул было к выходу, когда взгляд его зацепился за отрубленную оглоблю, валяющуюся на засыпанном соломой полу. Неожиданно он улыбнулся.

Поспешно юноша поставил фонарь на пол, рядом положил меч и в следующее мгновение уже ухватился руками за двуколку и накрепк все силы, чтобы перевернуть ее. С сухим треском посыпавшихся спиц повозка стала на колеса, а потом Ранд, подсунув плечо, опрокинул ее на другой борт. Целая оглобля теперь торчала прямо. Подхватив с земли меч. Ранд рубанул по хорошо высушенному ясеню. К его радостному удивлению, от его ударов во все стороны полетели щепки, и Ранд отрубил оглоблю быстрее, чем ему это удалось бы с помощью отточенного топора.

Когда оглобля упала на пол, Ранд с интересом посмотрел на лезвие меча. Даже отлично заточенный топор должен был затупиться о столь твердое, старое дерево, но клинок казался таким же блестящим и острым, как и раньше. Он дотронулся до лезвия большим пальцем и поспешил сунуть палец в рот. Лезвие до сих пор было острым как бритва.

Но удивляться времени не было. Задув фонарь – не хватало еще в довершение всего спалить дотла сарай, – Ранд поднял оглобли и побежал обратно к дому, чтобы забрать оставленные там вещи.

Все вместе оказалось страшно неудобной ношей. Пока он, спотыкаясь, шел по распаханному полю, оглобли от двуколки, хоть и не тяжелые, так и вело из стороны в сторону, и удерживать их, норовящих выскользнуть или удариться концами о землю, было не так просто. Однако в лесу оказалось еще хуже: оглобли цеплялись за стволы, едва не сбивая юношу с ног. Проще было бы их просто волоочь по земле, но тогда за ним оставался бы отчетливый след. Поэтому Ранд намеревался терпеть неудобство своей ноши как можно дольше.

Тэм лежал там, где он его и оставил, и, похоже, спал. Ранд, внезапно испугавшись, сбросил свою поклажу и положил руку отцу на лоб. Да, как он и надеялся, Тэм спал; он по-прежнему дышал, однако жар стал сильнее.

Прикосновение потревожило Тэма, и в дремотном тумане он прошептал:

– Это ты, мальчик мой? Волновался за тебя. Грезы минувших дней. Ночные кошмары.

Тихо бормоча, он опять забылся.

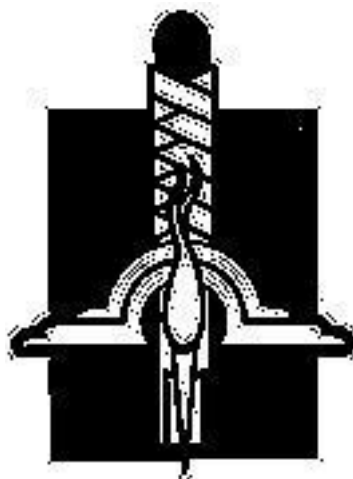
– Не беспокойся, – сказал Ранд. Он укрыл Тэма от ветра курткой и плащом. – Я постараюсь отнести тебя к Найнив как можно скорее. – Юноша стянул с себя измаранную кровью рубаху, почти не замечая холода и стремясь поскорее избавиться от нее, и торопливо надел чистую. Отбросив грязную рубаху в сторону, Ранд почувствовал себя так, словно принял ванну. Он продолжил говорить, стараясь одновременно убедить себя и успокоить Тэма: – Очень скоро мы будем под надежной крышей, в деревне, и Мудрая сделает все как надо. Вот увидишь, все будет хорошо.

Эта мысль стала теперь для Ранда лучом надежды. Юноша натянул свою куртку и склонился над Тэмом, занявшись его раной. Они будут в безопасности, как только окажутся в деревне, и Найнив вылечит Тэма. Надо только донести отца туда.

Глава 6

Западный лес

В лунном свете Ранд не мог ясно разглядеть, с чем ему пришлось столкнуться, но рана Тэма казалась всего лишь неглубоким порезом, проходящим по ребрам, не больше ладони в длину. Юноша недоверчиво качнул головой. Случалось, отец получал раны и побольше этой и все равно продолжал работать, ну, может быть, лишь промыв их. Ранд торопливо осмотрел и ощупал Тэма с головы до ног в поисках того, что является причиной жара, но, кроме этой единственной резаной раны, ничего не обнаружил.

С виду небольшой, единственный этот порез внушал серьезные опасения: плоть вокруг него просто горела. Сам Тэм весь пылал так, что от одного этого у Ранда сводило скулы, тело возле Тэмовой раны было еще горячее – словно печка на ощупь. Такой жар может или убить, или оставить от человека лишь оболочку. Водой из бурдюка Ранд смочил кусок полотна и положил его на лоб Тэма.

Ранд старался не причинять Тэму боли, обмывая и перевязывая рану, но слабое бормотание отца порой все же прерывалось тихими стонами. Окоченевшие ветви нависали вокруг них, угрожающе покачиваясь под порывами ветра. Когда троллоки, не сумев найти его и Тэма, вернутся на ферму и обнаружат ее по-прежнему пустой, они отправятся восвояси. Ранд пытался убедить себя в этом, но беспричинный разгром в доме, полная его бессмысленность оставляли в душе мало места для такой веры. Поверить тому, что эти создания так просто откажутся от возможности убить всех и каждого, кого могут найти, было опасно, и позволить себе понадеяться на такую удочку Ранд не мог.

«Троллоки. О Свет, троллоки! Создания из сказок менестреля явились из ночи и вламываются в дверь. И Исчезающий. Сияй Свет надо мной, Исчезающий!»

Вдруг Ранд очнулся от своих мыслей и понял, что держит в неподвижных руках свободные концы повязки. «Застыл, словно кролик, завидевший тень ястреба», – с презрением подумал он. Гневно мотнув головой, он затянул повязку на груди Тэма.

Знание того, что нужно сделать, даже то, что дело уже идет на лад, не отогнало его страхов. Когда троллоки вернутся, они наверняка начнут обшаривать лес вокруг фермы, искать следы убежавших от них людей. Убитый Рандом троллок убедит их, что эти люди не так далеко. Кто знает, что сделает Исчезающий или что он может сделать? В придачу ко всему в голове Ранда вертелось замечание отца о слухе троллоков, оно звучало в ушах так громко, будто только что сказанное. Он боролся с сильным желанием прикрыть ладонью рот Тэма, приглушить его стоны и бормотание. «Некоторые выслеживают по запаху. А что я могу с этим поде-

лать? Ничего». Больше тратить время впустую на тревожные раздумья о проблемах, решить которые ты не в состоянии, нельзя.

– Нельзя шуметь, – прошептал Ранд в ухо отцу. – Троллоки вернутся.

Тэм хрипло произнес успокаивающим шепотом:

– Ты все так же прекрасна, Кари. Все так же прекрасна, как девушка.

Ранд сжал зубы. Матери вот уже пятнадцать лет нет в живых. Если Тэм считает, что она до сих пор жива, его состояние еще хуже. Как удержать отца от разговоров сейчас, когда молчание может означать жизнь?

– Мать хочет, чтобы ты не разговаривал, – зашептал Ранд. Горло ему на миг сжало. У нее были самые ласковые руки, он очень хорошо помнил их. – Кари хочет, чтобы ты успокоился. Вот. Попей.

Тэм жадно припал к бурдюку, но, глотнув пару раз, отвернул голову в сторону и снова стал нежно что-то говорить, очень тихо. Ранд не мог разобрать ни слова, и ему оставалось надеяться, что этого не услышат и рыщущие окрест троллоки.

Не мешкая, Ранд принялся за дело. Тремя одеялами он соединил оглобли, срубленные с двуколки, соорудив импровизированные носилки. Он мог взяться только за один их конец, а другой тащить по земле, но жаловаться нечего. От последнего одеяла Ранд ножом отрезал длинную полосу и привязал ее концы к оглоблям.

Осторожно, как только мог, юноша стал укладывать Тэма на носилки, болезненно морщась при каждом его стоне. Отец всегда казался ему несокрушимым. Ничто не могло причинить ему вреда; ничто не могло его остановить или хотя бы помешать ему. Теперешнее состояние Тэма едва не отнимало у Ранда те крохи мужества, которые ему удалось собрать. Но он должен делать то, что делал. Лишь это двигало Рандом. Должен.

Когда Тэм в конце концов оказался на носилках, Ранд немного помешкал, затем снял с него ремень с ножнами. Странное ощущение овладело юношей, когда он застегнул ремень у себя на поясе. Вместе ремень, ножны и меч весили всего несколько фунтов, но, когда он вложил клинок в ножны, ему показалось, что его тянет к земле огромная тяжесть.

Ранд сердито выбранил себя. Сейчас не время для всяких глупых выдумок. Это всего-навсего большой нож. Сколько раз он видел в мечтах, что на боку у него – меч, а сам он участвует в каких-то приключениях. Если этим клинком он смог сразить одного троллока, то, наверное, сможет схватиться и с другими. Вот только он очень хорошо понимал, что все случившееся в доме на ферме – чистой воды удача. И в своих мечтах-приключениях Ранд никогда не стучал зубами от страха, не убегал, спасая свою жизнь, в непроглядную ночь, и в них не было отца, находящегося на грани жизни и смерти.

Торопливо Ранд подоткнул последнее одеяло, положил бурдюк с водой и оставшееся полотно рядом с отцом на носилки. Глубоко вздохнув, он встал на колени между оглоблями, просунул голову под полосу одеяла, которая легла на плечи, и пропустил ее под мышки. Когда Ранд ухватился за оглобли и выпрямился, большая часть поднятого им веса пришлась на плечи. Это оказалось не очень-то удобно. Стараясь идти ровным шагом, он направился в Эмондов Луг, волоча за собой носилки.

Ранд уже принял решение: выбраться к Карьерной дороге и по ней идти к деревне. У дороги опасность будет самой большой, сомневаться в этом не приходилось, но Тэм точно не дождет помощи, если Ранд заблудится в темноте, пытаясь выбраться к деревне через лес.

Во тьме юноша почти выскочил на Карьерную дорогу, прежде чем узнал ее. Когда он понял, где очутился, то у него перехватило дыхание, будто кто сжал горло. Поспешно развернув носилки, Ранд потянул их обратно за деревья, потом остановился, чтобы перевести дух и успокоить колотящееся сердце. Все еще тяжело дыша, он повернул на восток, в сторону Эмондова Луга.

Идти между деревьями оказалось гораздо труднее, чем стащить Тэма с дороги, ночь тут явно не помощница, но шагать по самой дороге было бы безумием. Идея заключалась в том, чтобы добраться до деревни, *не* встречаясь с троллоками; а еще лучше – чтобы даже не увидеть ни одного из них. Ранд исходил из того, что троллоки, все еще охотясь за ними, рано или поздно сообразят, что люди отправились в деревню. Скорей всего, они пошли именно туда, а Карьерная дорога – самый вероятный путь. На самом деле – Ранд отдавал себе в этом отчет – он подобрался к дороге ближе, чем ему того хотелось. Ночь и тени под голыми деревьями навряд ли послужат хорошим укрытием и не спрячут его от взгляда с дороги.

Лунного сияния, просачивающегося через обнаженные ветви, хватало ровно на то, чтобы обманывать взгляд, когда Ранд пытался понять, что у него под ногами. На каждом шагу корни норовили подставить подножку, прошлогодние заросли куманики опутывали ноги. Порой он едва не падал – когда на внезапных неровностях почвы нога вместо твердой земли не чувствовала ничего, кроме пустоты, или же когда он, сделав шаг вперед, спотыкался, ударяясь носком о вдруг выросший там бугор. Бормотание Тэма сменялось стонами боли, когда оглобля слишком резко подскакивала на корневище или камне.

До рези в глазах Ранд всматривался в окружающую тьму, и неуверенность заставляла его прислушиваться к шорохам ночи так, как никогда раньше. От любого поскрипывания в ветвях, от случайного шуршания сосновых иголок он застывал на месте, напрягая слух, едва осмеливаясь дышать из страха, что мог не услышать какой-то предостерегающий звук, из страха, что именно его-то он и услышал. Ранд делал очередной шаг вперед только тогда, когда был уверен, что виновник встревожившего его шума – лишь ветер.

Мало-помалу в мышцы рук и ног вползала усталость, подстегиваемая ветром, который ни в грош не ставил плащ и куртку Ранда. Поначалу не очень тяжелые, носилки теперь тянули к земле. Он стал все чаще спотыкаться. Постоянная борьба за то, чтобы не упасть, отнимала столько же сил, сколько уходило на то, чтобы тащить носилки. Ранд встал еще до рассвета, занялся делами по хозяйству, и, даже не считая дороги в Эмондов Луг и обратно, за день он переделал свою обычную работу. Другим вечером он лежал бы сейчас у камина, почитывая какую-нибудь книгу из небольшого собрания Тэма, а потом бы отправился спать. Пронизывающий холод пробирал до костей, а пустой желудок напоминал, что он ничего не ел с тех пор, как угостился медовыми пряниками миссис ал'Вир.

Ранд упрекнул себя, что не захватил с фермы ничего съестного. Несколько минут ничего не решали. Несколько минут на то, чтобы отыскать хлеба и сыра. За эти три-четыре минуты троллоки все равно не вернулись бы. Или хотя бы только хлеб. Разумеется, миссис ал'Вир усадит его за стол и поставит перед ним чего-нибудь горяченького, как только они с отцом доберутся до гостиницы. Наверное, это будет тарелка с толстым куском мяса молодого барашка, с поднимающимся над ней паром. И хлеб, который она печет собственноручно. И горячий чай, да побольше.

– Они потоком хлынули через Стену Дракона, – вдруг произнес Тэм сильным, гневным голосом, – и омыли страну кровью. Сколько погибло за грех Ламана?

От неожиданности Ранд чуть не упал. Он устало опустил волокушу и вылез из «сбруи». Плечи, натертые полосой одеяла, горели. Он пошевелил затекшими плечами, разгоняя кровь, и встал на колени рядом с Тэмом. Нашаривая бурдюк, юноша всматривался в просветы между стволами, тщетно стараясь в тусклом лунном свете разглядеть дорогу, что была не далее двадцати шагов. Кроме теней, там ничего не двигалось. Кроме теней – ничего.

– Нет никакого потока троллоков, отец. По крайней мере, нет сейчас. Скоро мы будем вне опасности, в Эмондовом Лугу. Выпей немного воды.

Рукой, которая, казалось, обрела прежнюю силу, Тэм отстранил бурдюк и, ухватив Ранда за ворот, подтянул к себе так близко, что тот почувствовал на своей щеке тепло от охваченного жаром тела отца.

– Их называют дикарями, – с настойчивостью сказал Тэм. – Глупцы заявляли, будто их можно смести как мусор. Сколько сражений было проиграно, сколько городов сожжено, прежде чем они посмотрели в лицо правде? Прежде чем государства вместе поднялись против них? – Он ослабил хватку, и печаль наполнила его голос. – Поле у Марата устлано мертвыми, и не слышно никаких звуков, кроме карканья воронья и жужжания мух. Обезглавленные башни Кайриэна факелами полыхают в ночи. На всем пути до Сияющих Стен они сжигали и убивали, прежде чем их отбросили. На всем пути до...

Ранд зажал отцу рот рукой. Звук раздался вновь – ритмичный глухой стук; с какой стороны он доносился, нельзя было понять из-за деревьев вокруг. Перестук стих, затем, когда подул ветер, стал слышнее. Нахмурившись, Ранд медленно повернул голову, стараясь определить, откуда он идет. Краем глаза он уловил едва заметное движение и в тот же миг нагнулся, закрыв собой Тэма. Ранд был поражен тем, как крепко сжал рукоять меча, но почти все свое внимание сосредоточил на Карьерной дороге, словно ничего, кроме этого проселка, в целом мире не существовало.

Качающиеся тени на востоке разорвались, распавшись на лошадь и всадника, следом за ними – движущиеся рысью громоздкие высокие фигуры. В лунном сиянии поблескивали накопечники копий и лезвия секир. У Ранда даже и мысли не возникло о том, что это жители деревни, спешащие на подмогу. Он знал, кто это такие. Он почувствовал это – словно песком проскребли по костям – даже раньше, чем они приблизились настолько, что в лунном свете обрисовался плащ с капюшоном, в который был закутан верховой, плащ, свисавший с его плеч, не колеблемый ветром. Все фигуры казались черными пятнами в ночи, а стук лошадиных копыт звучанием походил на шаги любой другой лошади, однако эту лошадь Ранд узнал бы из тысячи.

За мрачным всадником замаячили существа из ночных кошмаров, с рогами, со звериными мордами, клювастые: двумя цепочками, друг за другом, в ногу, словно подчиняясь одному разуму, – сапоги и копыта одновременно громыхали по земле, – рысили троллоки. Когда они пробежали мимо, Ранд успел их сосчитать: двадцать. Он поразился: какой человек осмелился бы повернуться спиной к троллокам? Или хотя бы к одному троллоку.

Колонна исчезла в западном направлении, глухой топот стихал во тьме, но Ранд оставался на месте, не шевелясь, едва дыша. Что-то шептало ему: надо быть уверенным, абсолютно уверенным, что троллоки убралась достаточно далеко, и только потом можно двинуться дальше. Не скоро он вздохнул полной грудью и с опаской начал выпрямляться.

На этот раз лошадь возникла совершенно беззвучно. Темный всадник возвращался в жуткой тишине, его призрачная лошадь останавливалась через каждые несколько шагов, медленно ступая по дороге. Порывы ветра стали сильнее, он завывал между деревьями – плащ верхового висел не шелохнувшись. При каждой остановке капюшон поворачивался из стороны в сторону, будто всадник вглядывался в лес, что-то высматривая. Лошадь вновь остановилась, как раз напротив Ранда, темный провал в капюшоне повернулся в ту сторону, где юноша пригнулся над своим отцом.

Ранд судорожно стиснул рукоять меча. Он почувствовал на себе пристальный взгляд, совсем как этим утром, и вновь задрожал от излучаемой чужаком ненависти, пусть даже и не видел его. Этот закутанный в плащ, словно в саван, человек ненавидел все живое, всех и вся. Несмотря на холодный ветер, бисеринки пота выступили на лбу Ранда.

Потом лошадь двинулась дальше – несколько беззвучных шагов, остановка, – и вскоре Ранд видел лишь едва различимое в ночи пятно на дороге. Оно могло быть уже чем угодно, но он ни на миг не отрывал взгляда. Юноша опасался, что потеряй он это расплывчатое пятно из виду – и в следующее мгновение всадник на неслышной лошади возникнет прямо перед ним.

Внезапно тень устремилась обратно, пронесшись мимо бешеным галопом. Всадник смотрел только вперед, мчась на запад, в ночь, к Горам тумана. В сторону фермы.

Ранд осел на землю, жадно глотая воздух и утирая холодную испарину рукавом. Его больше не волновало, почему приходили троллоки. Если он никогда не узнает причины их появления, так тому и быть, лишь бы все это закончилось.

Ранд поднялся на дрожащих ногах, торопливо осмотрел отца. Тэм по-прежнему бормотал, но так тихо, что юноша не мог разобрать его слова. Он попытался напоить отца, но вода лишь полилась по его подбородку. Тэм закашлялся, захлебнувшись стружкой, попавшей в рот, затем вновь забормотал, словно продолжая разговор.

Ранд плеснул еще воды на полотно, положил его на лоб Тэма, убрал бурдюк и опять впрягся в волокушу.

Он пошел вперед, словно после хорошего ночного сна, но новых сил хватило ненадолго. Сначала усталость скрывалась за пеленой страха, но туманящая дымка быстро рассеялась, хотя сам страх и остался. Вскоре Ранд опять ковлял вперед, стараясь не обращать внимания на голод и ноющие мышцы, сосредоточившись лишь на том, чтобы переставлять ноги и не спотыкаться при этом.

В мыслях ему рисовался Эмондов Луг, распахнутые ставни, дома, светящиеся огнями. Ночь зимы, люди, обменивающиеся поздравлениями, заходящие в гости друг к другу; скрипки заполняют улицы разными мелодиями – и «Джаэмова причуда», и «Цапля в полете». Харал Лухан в одиночку употребит слишком много бренди и – как всегда в таких случаях – голосом, как у лягушки-быка, затянет «Ветер в ячмене», пока жена не утихомирит его, а Кенн Буйе решит доказать, что вполне может станцевать так же, как и раньше, а Мэт наверняка что-то такое планирует, и оно пойдет не так, как он замыслил, и всяк будет уверен, что именно Мэт всему виной, даже если никто не сумеет этого доказать. Ранд при мысли о том, как все могло бы быть, чуть не улыбнулся.

Через какое-то время Тэм опять заговорил:

– *Авендесора*. Говорят, у него не бывает семян, но они принесли черенок в Кайриэн, молодое деревце. Чудесный королевский дар, подарок королю.

Хотя голос Тэма звучал гневно, Ранд едва его слышал и понимал речь отца с трудом. Тот, кто разобрал бы слова Тэма, наверняка услышал бы и носилки, волочащиеся по земле. Ранд продолжал идти, прислушиваясь вполуха.

– Они никогда не заключали мира. Никогда. Но они принесли молодое деревце, в знак мира. Оно росло пять сотен лет. Пять сотен лет мира с теми, кто не заключал никакого мира с чужаками. Зачем он его срубил? Зачем? Кровь была ценой за Авендоралдеру. Кровь стала ценой за гордость Ламана. – Бормотание Тэма вновь стало невнятным.

Измотанный Ранд пытался понять, что за горячечные видения одолевают теперь Тэма. Авендесора. Считалось, что Древо жизни обладает множеством чудотворных свойств, но о молодом деревце не говорилось ни в одном из сказаний, и «они» не упоминались нигде. Было лишь одно дерево, и принадлежало оно Зеленому человеку.

Еще этим утром Ранд счел бы за глупость размышлять о Зеленом человеке и Древе жизни. Они были всего лишь сказками. «Разве? Этим утром троллоки тоже были сказками». Может быть, все сказания столь же правдивы, как и новости, что приносят купцы и торговцы, все эти менестрелевы предания и все эти сказки, что рассказывают вечерами у камина. Того и гляди он вполне может встретить Зеленого человека, или великана-огира, или дикого Айил, с черной повязкой на лице.

Ранда отвлек от его мыслей Тэм, который опять заговорил, иногда невнятно бормоча, иногда достаточно громко для того, чтобы можно было понять его слова. Время от времени он замолкал, тяжело и часто дыша, затем продолжал говорить, словно и не останавливался.

– ...в битве всегда жарко, даже в снегу. Жар пота. Жар крови. Лишь смерть холодна. Склон горы... единственное место, где не воняет смертью. Надо увести от ее запаха и ее вида... слышали детский плач. Порой их женщины сражаются вместе с мужчинами, но почему они

разрешили ей идти, я не... родила здесь в одиночестве, прежде чем умереть от ран... укрыла ребенка своим плащом, но ветер... сдул плащ... ребенок весь посинел от холода. Он тоже должен был умереть... изойдя плачем. Плача на снегу. Я не мог оставить тут ребенка... своих детей у нас нет... всегда знал, что ты хочешь детей. Я знал, что ты примешь это близко к сердцу, Кари. Да, любимая. Ранд – хорошее имя. Хорошее.

Внезапно ноги Ранда ослабели. Запнувшись, он упал на колени. От толчка Тэм застонал, а полоса одеяла врезалась в плечи Ранда, но он ни стоны не услышал, ни боли не почувствовал. Выпрыгни из кустов сейчас прямо перед ним троллок, он просто непонимающе уставился бы на него. Юноша посмотрел через плечо на Тэма, который опять ушел в пучину бессловесного шепота. «Горячечный бред», – подумал Ранд тупо. От жара всегда плохие сны, а эта ночь – ночь кошмаров, даже и без жара.

– Ты – мой отец, – громко сказал он, протянув руку назад и коснувшись Тэма, – и я...

Жар был еще сильнее. Намного сильнее.

Помрачневший, Ранд с трудом встал на ноги. Тэм что-то шептал, но юноша запретил себе слушать. Налегая всем весом на импровизированную сбрую волокуши, он пытался все мысли направить на то, чтобы переставлять налившиеся свинцом ноги, на то, чтобы поскорей добраться до безопасного Эмондова Луга. «Он мой отец. Это был только горячечный бред. Он мой отец. Это был горячечный бред, и только. Свет, кто же я?»

Глава 7

Из леса

Пока Ранд с трудом тащился через лес, сквозь голые ветви стал пробиваться серый рассвет. Сначала юноша его не замечал. Когда же наконец заметил, что сумрак понемногу рассеивается, то удивился. Не важно, о чем говорили ему глаза, – он никак не мог поверить, что целую ночь добирался от фермы до Эмондова Луга. Конечно же, идти по привычной, надежной Карьерной дороге днем – совсем не то же самое, что продираться через ночной лес. С другой стороны, казалось, прошли уже дни, как он видел на дороге всадника в черном плаще, и минули чуть ли не недели, как он и Тэм сели было ужинать. Он больше не чувствовал, как матерчатая полоса режет плечи, но, если уж говорить об этом, он вообще не чувствовал ни онемевших плеч, ни ног. Однако из груди Ранда с хрипом вырывалось тяжелое дыхание, горло и легкие давно уже горели, словно от огня, а от голодных спазмов в желудке его чуть не тошнило.

Незадолго до рассвета Тэм замолчал. Ранд не помнил точно, когда слышал в последний раз бормотание Тэма, но теперь остановиться и выяснить, что с отцом, он не отважился. Остановись он сейчас – вряд ли заставит себя идти дальше. Каково бы ни было состояние Тэма, Ранд ничем помочь ему не мог, только тащить волокушу. Единственная надежда – впереди, в деревне. Борясь с усталостью, юноша постарался ускорить шаг, но одеревенелые ноги не слушались, и он продолжал двигаться все так же медленно и тяжело. Он почти не замечал ни холода, ни ветра.

Откуда-то потянуло слабым запахом горящего дерева. По крайней мере, Ранд уже почти пришел, раз смог ощутить дымок из деревенских труб. Однако появившаяся на его лице усталая улыбка сразу сменилась нахмуренно-встревоженным выражением. Дым тяжело стлался в воздухе – слишком тяжело и густо. В такую погоду в каждом камине мог ярко пылать огонь, но все равно дым был слишком плотным. Мысленно Ранд опять увидел бегущих по дороге троллоков. Троллоки шли с востока, со стороны Эмондова Луга. Юноша пытался разглядеть дома на околице, готовый позвать на помощь первого, кого увидит, пускай даже им окажется Кенн Буйе или кто-то из Коплинов. Слабый голос в подсознании настойчиво убеждал надеяться на то, что там кто-то сможет ему помочь.

Внезапно сквозь голые ветви последних деревьев показался дом, но Ранд был способен только на то, чтобы продолжать переставлять ноги. Когда он, пошатываясь, вошел в деревню, надежда сменилась горестным отчаянием.

Вместо половины домов Эмондова Луга громоздились груды почерневших булыжников. Из обугленных балок грязными пальцами торчали закопченные кирпичные трубы. Тонкие струйки дыма все еще поднимались над развалинами. По пожарищам бродили жители деревни, некоторые еще в ночных одеждах, с перепачканными сажей лицами, где вытаскивая уцелевшую

кастрюлю, а где просто с несчастным видом вороша палкой обгоревшие обломки. То немного, что удалось спасти от огня, перегораживало улицы; стояли большие зеркала, полированные комоды, высокие буфеты, вокруг – стулья и столы с наваленными на них матрасами и бельем, кухонной утварью, тонкими стопками одежды, прочим имуществом.

Разрушение пронеслось через деревню, похоже, беспорядочно. На одной улице стояло в ряд пять целехоньких домов, а в другом месте среди прокатившегося опустошения одиноко возвышался единственный уцелевший дом.

На дальнем берегу Винного ручья, окруженные группой людей, гудели три громадных костра, сложенных на Бэл Тайн. Ветер клонил к северу толстые столбы густо-черного дыма, в котором просвечивали беззаботные искорки. Один из дхурранских тяжеловозов мастера ал'Вира волок что-то по земле – Ранд не мог разобрать, что именно, – в сторону Фургонного моста, к кострам.

Заметив между деревьями Ранда, к нему заспешил Харал Лухан – с испачканным копотью лицом, сжимая толстыми пальцами тяжелый топор лесоруба. Кряжистый кузнец был одет лишь в измаранную сажей длинную, до самых башмаков, ночную рубашку, и сквозь прореху с рваными краями виднелся протянувшийся через всю грудь воспаленный красный ожог. Возле волокуши кузнец опустился на колено. Глаза Тэма были закрыты, дыхание – слабое, затрудненное.

– Троллоки, да, мальчик? – спросил Ранда мастер Лухан охрипшим от дыма голосом. – Здесь тоже. Здесь тоже. Думай, не думай, но, раз мы живы, нам повезло куда больше других, уж поверь. Ему нужна Мудрая. Но, ради Света, где же она? Эгвейн!

Пробегавшая мимо Эгвейн, руки которой были заняты разорванными на полосы для перевязки простынями, оглянулась, но не замедлила шаг. Ее глаза смотрели куда-то далеко; из-за темных кругов под глазами они казались еще больше, чем на самом деле. Потом она заметила Ранда и остановилась, судорожно вздохнув.

– О нет, Ранд, твой отец? Он?.. Пойдем, я провожу тебя к Найнив.

Ранд слишком устал и был слишком ошеломлен увиденным, чтобы говорить. Всю ночь Эмондов Луг представлялся ему островком безопасности. Теперь же ему, похоже, оставалось одно – уставиться в смятении растерянным взглядом на покрытое дымными разводами платье Эгвейн. Он отметил необычные подробности, словно они имели для него большую важность. Нижние пуговицы сзади на платье были пришиты криво. А руки у Эгвейн – чистые. Ранд удивился: почему у нее чистые руки, а на щеках – пятна сажи?

Мастер Лухан, видимо, понял, что творится на душе у юноши. Положив топор на оглобли, кузнец подхватил заднюю часть волокуши и мягко двинул их вперед, подталкивая Ранда идти за Эгвейн. Юноша, словно бы во сне, заковылял следом за девушкой. У него мелькнула мысль: откуда мастер Лухан узнал, что те твари – троллоки, но мелькнула лишь на краткий миг. Раз троллоков распознал Тэм, то почему бы и мастеру Лухану их не узнать?

– Все сказания – правда, – пробормотал Ранд.

– Похоже, что так, парень, – сказал кузнец. – Похоже, что так.

Ранд вряд ли слышал его. Он целиком сосредоточился на том, чтобы не отстать от стройной фигурки Эгвейн. Юноша собрался с силами – как раз настолько, чтобы у него появилось желание поторопить девушку, – хотя, по правде говоря, Эгвейн старалась идти так, чтобы двое мужчин поспевали за ней со своей ношей. Она провела их к дому Колдера, что находился на полпути к Лужайке. Чернели подпалинами края соломенной кровли, сажа покрывала беленые стены. От домов на другой стороне улицы остались лишь каменные фундаменты да две груды обгорелых балок и золы. Первая была прежде домом Берина Тэйна, одного из братьев мельника. На месте другой когда-то стоял дом Абелла Коутона. Отца Мэта. Даже дымовые трубы обвалились.

– Подожди здесь, – сказала Эгвейн и взглянула на них, будто ожидая ответа. Они же просто молча стояли, и девушка, что-то прошептав, убежала в дом.

– Мэт, – произнес Ранд. – Он не?..

– Он жив, – сказал кузнец. Опустил носилки и медленно выпрямился. – Я видел его совсем недавно. Чудо, что хоть кто-то из нас жив. То, как они вломились в мой дом и в кузню, заставило бы подумать, что у меня есть золото или драгоценности. Одному Элсбет раскроила череп сковородой. Этим утром она лишь взглянула на оставшееся от нашего дома пепелище и, прихватив самый большой молот, какой смогла откопать в развалинах кузницы, отправилась за деревню охотиться – на тот случай, если кто-то из них прячется там, вместо того чтобы унести ноги. Я почти могу пожалеть ту тварь, которую она найдет. – Кузнец кивнул на дом Колдера. – Миссис Колдер и еще несколько тех, у кого уцелели дома, приютили раненых и оставшихся без крыши над головой. Когда Мудрая осмотрит Тэма, мы найдем ему постель. Может быть, в гостинице. Мэр уже предлагал, но Найнив говорит, что раненые пойдут на поправку быстрее, если им не будет тесно.

Ранд опустил на колени. Поведя плечами, он сбросил одеяльную упряжь и стал поправлять плащ на Тэме. Тэм не двигался, ничего не говорил и не стонал, даже когда одеревенелые пальцы Ранда неловко толкали его. Но он еще дышал. «Мой отец. Все прочее – горячечный бред».

– Что, если они вернуться? – подавленно сказал Ранд.

– Колесо плетет так, как хочет Колесо, – с беспокойством в голосе сказал мастер Лухан. – Если они вернуться... Ну, сейчас они ушли. Так что разберем обломки, восстановим разрушенное. – Он вздохнул, лицо его стало каким-то вялым, он постучал костяшками пальцев по поясице. Только сейчас Ранд впервые понял, что дюжий мужчина устал так же, как и он, если не больше. Кузнец смотрел на деревню, сокрушенно качая головой. – Не думаю, что сегодняшний день подходит для Бэл Тайна. Но мы проведем его. Как всегда. – Он вдруг подхватил топор, а лицо его отвердело. – Меня тоже ждет работа. Не тревожься, парень. Мудрая позаботится о нем, а Свет позаботится обо всех нас. Если же Свету будет не до нас, что ж, мы сами о себе позаботимся. Не забывай: мы из Двуречья.

Пока кузнец шагал прочь, Ранд, по-прежнему стоя на коленях, посмотрел на деревню, впервые посмотрел по-настоящему. Мастер Лухан прав, подумал юноша; его поразило то, что он совсем не удивлен увиденным. Люди по-прежнему копались в развалинах своих домов, но даже за то короткое время, что Ранд был здесь, в их действиях уже появилась осмысленность. Он почти ощущал растущую решимость. Но он все терялся в догадках. Троллоков они видели; а видели ли они всадника в черном плаще? Почувствовали ли они его ненависть?

Из дома Колдера появились Найнив и Эгвейн, и Ранд вскочил на ноги. Или, скорее, попытался вскочить; он споткнулся, пошатнулся и чуть не упал лицом в пыль.

Мудрая опустилась на колени подле носилок, даже мельком не взглянув на юношу. Ее платье и лицо были испачканы еще больше, чем у Эгвейн, вокруг глаз темнели круги, хотя руки тоже были чистыми. Она ощупала лицо Тэма, приоткрыла большими пальцами его веки. Нахмурившись, Найнив откинула покрывала и сдвинула повязку, чтобы взглянуть на рану. Не успел Ранд посмотреть, что под повязкой, как она со вздохом вернула одеяло и плащ на место, нежным движением подтянув их Тэму на шею – словно укутывая на ночь ребенка.

– Здесь я ничем не могу помочь, – произнесла она. Опершись на колени ладонями, она распрямилась. – Мне очень жаль, Ранд.

Несколько мгновений юноша непонимающе смотрел на то, как Найнив повернулась и пошла к дому, потом кинулся к ней, схватил за руки и развернул лицом к себе.

– Он же умирает! – выкрикнул Ранд.

– Я знаю, – просто сказала она, и он почувствовал слабость в ногах от ее прозаичного тона.

– Вы должны что-то сделать. Вы должны. Вы же Мудрая!

Боль исказила черты Найнив, но лишь на мгновение, потом решительное выражение вновь вернулось на ее осунувшееся лицо с ввалившимися глазами, голос был тверд и бесстрастен:

– Да, я – Мудрая. Я знаю, что могу сделать с помощью своих лекарств, и знаю, когда это поздно. Ты что, думаешь, я не стала бы помогать, будь это в моих силах? Но я не могу. Не могу, Ранд. И есть другие, кому я нужна. Люди, которым я *могу* помочь.

– Я принес его к вам так быстро, как только мог, – с трудом ворочая языком, сказал он. Пусть деревня – в развалинах, но здесь была надежда, здесь была Мудрая. И когда надежда исчезла, Ранд почувствовал себя опустошенным.

– Я знаю, что ты сделал, – мягко сказала Найнив. Она ласково провела рукой по его щеке. – Это не твоя вина. Ты сделал больше, чем смог бы кто-то иной. Извини, Ранд, но мне нужно ухаживать за другими. Боюсь, наши беды только-только начались.

Ранд безучастно смотрел вслед Найнив, пока за ней не закрылась дверь. В голове у него билась только одна мысль: она ему помочь не может.

Когда Эгвейн бросилась Ранду на грудь, он от неожиданности отступил на шаг. В другой раз такой ее жест был бы ему приятен; сейчас же он лишь молча смотрел на дверь, за которой исчезли его надежды.

– Мне так жаль, Ранд, – сказала девушка, уткнувшись ему в грудь. – Свет, почему я ничего не могу сделать?

Ранд ошеломленно обнял ее.

– Я знаю. Я... Я должен что-то сделать, Эгвейн. Не знаю, что именно, но я не могу вот так просто дать ему... – Голос его сорвался, и она еще сильнее обняла юношу.

– Эгвейн! – громко позвала из дома Найнив. Эгвейн вздрогнула. – Эгвейн, ты мне нужна! И не забудь вымыть руки!

Девушка освободилась из рук Ранда:

– Ей нужна моя помощь, Ранд.

– Эгвейн!

Ему почудилось всхлипывание, когда она побежала от него. Потом Эгвейн скрылась за дверью, а он остался один возле волокуши. Минуту он смотрел на Тэма, не чувствуя ничего, кроме опустошенности и безнадежности. Внезапно лицо Ранда стало решительным.

– Мэр знает, что надо делать, – произнес он, снова берясь за оглобли. – Мэр знает.

Бран ал'Вир всегда знал, что делать. Усталый, но не утративший упорства, Ранд отправился к гостинице «Винный ручей».

Еще один дхурранский жеребец прошел мимо Ранда, ремни упряжи были обвязаны вокруг больших лодыжек, торчащих из-под грязного одеяла. По земле волоклись поросшие грубой шерстью руки, из-под завернувшегося угла одеяла виднелся козлиный рог. Двуречье – не место для ставших жуткой реальностью сказаний. Откуда бы ни были троллоки, они наверняка явились из мира извне, оттуда, где были Айз Седай, Лжедраконы, и одному Свету ведомо, какие еще из сказаний менестреля ожили в тех краях. Но не здесь, не в Двуречье. Не в Эмондовом Лугу.

По пути к Лужайке некоторые окликали Ранда от развалин своих домов, спрашивали, не нужно ли ему помочь. Даже если кто-то оказывался совсем близко, даже если шел рядом с ним, он все равно почти не слышал никого – лишь приглушенный шепот звучал в его ушах. Не вдумываясь в слова, он старался отвечать, что помощь не нужна, что и сам справится. Ранд едва ли замечал, когда его оставляли в покое, кто с встревоженным лицом, кто с обещанием прислать к нему Найнив. В голове у него билась одна мысль, лишь об одном он разрешил себе думать. Бран ал'Вир сможет что-то предпринять и поможет Тэму. Юноша старался особенно не рассуждать о том, как именно. Но мэр сумеет что-нибудь сделать, что-нибудь придумает.

Разрушения, которые затронули половину деревни, гостиницы почти не коснулись. Несколько подпалин на стене, но красно-черепичная крыша блестела так же ярко, как и обычно. Однако от фургона торговца остались лишь почерневшие железные ободья колес, привалившиеся к обугленному фургонному остову, сейчас лежащему на земле. Большие круглые обручи, поддерживающие парусиновый верх фургона, покосились в разные стороны.

На камнях древнего фундамента сидел, скрестив ноги и аккуратно отстригая маленькими ножницами опаленные края лоскутков на своем плаще, менестрель. Завидев Ранда, он отложил плащ и ножницы, потом, не спрашивая, нужна ли Ранду помощь, соскочил на землю и подхватил носилки сзади.

– Внутри? Конечно, конечно. Не беспокойся, мальчик. Ваша Мудрая позаботится о нем. Я видел, как она работает, прошлой ночью, – у нее ловкие руки и уверенность в своем искусстве. Все могло оказаться и хуже. Кое-кто минувшей ночью умер. Может, и немногие, но для меня и один человек – уже много. Исчез старый Фейн, а это самое худшее. Троллоки сожрут что угодно. Благодарю Свет, что твой отец здесь и еще жив, потому что Мудрая его вылечит.

Ранд не слушал менестреля, – «Он мой отец!» – обращая на его голос не больше внимания, чем на жужжание мухи. Он больше не вынесет сочувствия, не вынесет попыток подбодрить, поддержать его. Не сейчас. Только после того, как Бран ал'Вир скажет ему, как помочь Тэму.

Вдруг Ранд понял, что прямо перед ним дверь гостиницы, на которой что-то намалевано – изогнутая линия, проведенная головешкой, нарисованная углем перевернутая слезинка. После всего происшедшего Ранд не удивился даже этому: клык Дракона на дверях гостиницы «Винный ручей». Его не интересовало, почему кому-то захотелось обвинить содержателя гостиницы или его семью в приверженности ко злу или наклепать на гостиницу несчастье, но ночь убедила юношу в одном. Возможно все. Все что угодно!

Менестрель подтолкнул Ранда, тот поднял щеколду и вошел.

В общей зале никого, кроме Брана ал'Вира, не было, и там к тому же царил холод – ни у кого не нашлось времени растопить камин. Мэр сидел за одним из столов: склонив седую голову над листом пергамента, макая перо в чернильницу, с хмурой сосредоточенностью на лице. Ночная рубашка была наскоро заправлена в штаны и складками висела на поясе. Мэр рассеянно почесывал босой ногой другую. Ступни были грязными, словно он не раз выходил на улицу, не заботясь о том, чтобы надеть башмаки, – несмотря на холод.

– Что у вас за заботы? – спросил мэр, не поднимая головы. – Давайте побыстрее. У меня две дюжины дел, которые нужно сделать сию же минуту, и еще больше нужно было сделать час назад. Так что времени или терпения у меня немного. Ну? Выкладывайте!

– Мастер ал'Вир? – произнес Ранд. – Это мой отец.

Мэр вскинул голову.

– Ранд? Тэм! – Он отбросил перо и вскочил, опрокинув стул. – Может, Свет не совсем покинул нас. Я боялся, что вы оба мертвы. Через час после ухода троллоков в деревню галопом примчалась Бела, взмыленная, тяжело дышащая, словно бежала всю дорогу от фермы, вот я и подумал... Ладно, сейчас не до этого. Отнесем его наверх. – Мэр перехватил носилки сзади, плечом оттеснив менестреля. – Вы, мастер Меррилин, сходите за Мудрой. И передайте ей, что я просил поторопиться и у меня есть на то причины! Лежи спокойно, Тэм. Скоро мы тебя уложим в хорошую, мягкую постель. Идите, менестрель, идите же!

Том Меррилин исчез в дверях раньше, чем Ранд успел вымолвить хоть слово.

– Найнив ничего не может сделать. Она сказала, что не в силах ему помочь. Я знаю... Я надеялся, что вы что-нибудь придумаете.

Мастер ал'Вир взглянул на Тэма повнимательней, затем качнул головой:

– Посмотрим, мальчик. Посмотрим. – Но уверенности в его словах больше не слышалось. – Давай отнесем его в постель. Он наконец спокойно отдохнет.

Ранд позволил отвести себя к лестнице в дальней части общего зала. Он всеми силами старался удержать в душе уверенность в том, что с Тэмом все обойдется, но понимал, что надежды на благополучный исход тают, а сомнение, звучавшее в словах мэра, окончательно подкосило его.

На втором этаже гостиницы находилось полдюжины уютных, хорошо обставленных комнат, окнами выходящих на Лужайку. В основном их снимали торговцы или гости из Сторожевого Холма или Дивен Райд, но наезжавшие каждый год купцы частенько удивлялись, обнаружив в такой глуши столь удобные номера. Сейчас три из них были заняты, и мэр направил Ранда к одной из пустующих комнат.

Нижнее стеганое и тонкие шерстяные одеяла быстро откинули на спинку широкой кровати, и Тэма осторожно уложили на толстую пуховую перину, подсунув ему под голову подушки, набитые гусиным пухом. Когда Тэма перекладывали с носилок на постель, с его губ сорвался лишь приглушенный хрип, даже не стон, но мэр отмахнулся от тревожного взгляда Ранда, приказав ему развести огонь, чтобы прогреть комнату. Пока Ранд доставал дрова и растопку из дровяного ларя возле камина, Бран раздвинул занавеси на окне, впустив в комнату утренний свет, затем принялся осторожными движениями умыть лицо Тэма. К возвращению менестреля от пламени в очаге в комнате стало тепло.

– Она не придет, – заявил Том Меррилин, тихо войдя в комнату. Он повернулся к Ранду, сдвинув густые белые брови. – Ты не сказал, что она уже осматривала его. Она мне чуть голову не оторвала.

– Я думал... Я не знаю... может, мэр что-нибудь сделает, сможет заставить ее осмотреть... – Ранд, в волнении судорожно сжав кулаки, повернулся от камина к Брану. – Мастер ал'Вир, что мне делать? – (Толстяк растерянно покачал головой, положил на лоб раненого свежее влажное полотенце, стараясь не встречаться глазами с Рандом.) – Я не могу просто стоять и смотреть, как он умирает, мастер ал'Вир. Я должен что-то предпринять. – (Менестрель шевельнулся, словно собираясь что-то сказать.) – Что вы можете предложить? Я готов испробовать все.

– Я лишь хотел спросить, – произнес Том, уминая большим пальцем табак в своей трубке с длинным мундштуком, – знает ли мэр, кто нацарапал на его двери клык Дракона? – Он посмотрел в чашечку трубки, затем перевел взгляд на Тэма и со вздохом сжал зубами незажженную трубку. – Похоже, мэра кто-то сильно невзлюбил. Или, вероятно, кому-то пришлось не по нраву его постояльцы.

Ранд бросил на менестреля полный раздражения взгляд и отвернулся, уставившись в огонь. Его мысли танцевали, словно язычки пламени, и, словно пламя, неотвязно кружились вокруг одного. Он не должен сдаваться. Он не может стоять в стороне и смотреть, как умирает Тэм. «Мой отец, – в отчаянии подумал он. – Мой отец». Когда спадет жар, можно будет выяснить и это. Но сначала – сбить жар. Вот только как?

Губы Брана ал'Вира, скользнувшего глазами по спине Ранда, сжались, а взгляд, которым он окинул менестреля, привел бы в замешательство даже медведя, но Том, будто ничего не замечая, просто выжидающе смотрел на мэра.

– Вероятно, дело рук кого-то из Конгаров или Коплинов, – в конце концов вымолвил мэр, – хотя один Свет знает, кого именно из них. Расплодилась их семейка, и, если есть что сказать худое о ком-то, они непременно об этом заявят, если же нет, то все равнобрякнут какою-нибудь гадостью. По сравнению с ними Кенн Буйе просто соловей.

– А, эти грузчики, которые заявили как раз перед рассветом? – спросил менестрель. – О троллоках будто ни сном ни духом, и им всем так хотелось узнать, когда начнется праздник, будто они ослепли и не видели, что полдеревни превратилось в пепел.

Мастер ал'Вир мрачно кивнул:

– Одна семейка. Все они походят друг на друга. Этот дурень Дарл Коплин полночи провел, требуя от меня, чтобы я выставил из гостиницы госпожу Морейн и мастера Лана да выслал обоих из деревни, хотя, не будь их, о какой деревне вообще могла идти речь?

Ранд слушал разговор мэра и менестреля вполуха, но последняя фраза привлекла его внимание:

– А что они сделали?

– Ну как, она с чистого ночного неба вызвала молнию, – отозвался мастер ал'Вир. – Швырнула ее прямехонько в троллоков. Наверное, ты видывал деревья, разнесенные молнией в щепки. Так вот, троллоки оказались не крепче.

– Морейн? – произнес Ранд недоверчиво, и мэр кивнул.

– Госпожа Морейн. А мастер Лан был словно ураган, с этим своим мечом. Мечом? Да этот человек сам был оружием, и сразу в десяти местах, или же так казалось. Пусть я сгорю, но я бы ни за что не поверил, не выйди за дверь и не увидь своими глазами... – Он провел рукой по лысине. – Визиты в Ночь зимы только-только начались, наши руки были полны подарков и медовых пряников, на уме одно вино, и тут зарычали собаки, и вдруг эти двое выбежали из гостиницы, помчались по деревне с криками о троллоках. Я подумал было: не стоило им пить так много вина. После всего... еще и троллоки? Потом, прежде чем кто-то понял, что происходит, эти... эти твари оказались уже на улицах, прямо среди нас, разя наотмашь людей мечами, поджигая дома, воя так, что кровь стыла в жилах. – Мэр от омерзения даже закашлялся. – Мы все лишь бегали, словно цыплята от лиса, забравшегося на птичий двор, пока мастер Лан не вселил в нас твердость.

– Не нужно быть к себе столь суровым, – сказал Том. – Вы вели себя так, как могли. Не все троллоки, что лежат там, сражены теми двумя.

– Хм-м... м-да, ладно. – Мастер ал'Вир кивнул. – Все еще трудно поверить – так много всего. Айз Седай в Эмондовом Лугу. А мастер Лан – Страж.

– Айз Седай? – прошептал Ранд. – Не может такого быть! Я разговаривал с ней. Она не... Она не...

– По-твоему, на них есть метки, да? – криво усмехнулся мэр. – У них на спинах выведено: «Айз Седай» – или, может быть: «Опасно, держись подальше!»? – Вдруг он хлопнул себя ладонью по лбу. – Айз Седай! Ах я старый дурак, совсем свой ум порастерял! Есть одна возможность, Ранд, если ты захочешь ею воспользоваться. Я не стану тебе советовать так поступать и не знаю, нашлось бы у меня самого мужество, окажись я на твоём месте.

– Какая возможность? – спросил Ранд. – Я готов рискнуть, если это поможет.

– Айз Седай умеют Исцелять, Ранд. Пусть я сгорю, парень, ты же слышал сказания. Они могут Исцелять тех, кому не помогают лекарства. Менестрель, вы должны помнить это лучше меня. Чуть ли не во всех менестрелевых преданиях действуют Айз Седай. Почему вы ничего не говорите, а молчите и позволяете мне трепать языком?

– Я здесь чужак, – сказал Том, вожделенно глядя на свою незажженную трубку, – а почтенный Коплин не одинок в своем нежелании иметь какие бы то ни было дела с Айз Седай. Лучше, чтобы такая идея исходила от вас.

– Айз Седай, – пробормотал Ранд, пытаясь представить себе: женщина, которая улыбалась ему, явилась чуть ли не из сказаний. Помощь от Айз Седай, как говорят сказания, порой оказывалась гораздо хуже, чем отсутствие всякой поддержки, она подобна отраве в пироге, и в их дарах всегда есть крючок – как в наживке для рыбы. Внезапно монета в кармане, монета, которую Ранду вручила Морейн, показалась ему раскаленным угольком. Он с большим трудом удержался, чтобы не выхватить ее из кармана куртки и не вышвырнуть в окно.

– Никто не хочет впутываться в дела Айз Седай, – медленно произнес мэр. – Я вижу единственный шанс, но решиться на него не пустяк. За тебя я думать не могу, но от госпожи Морейн... Морейн Седай, нужно бы говорить так, я видел только хорошее. Иногда, – он бросил

на Тэма многозначительный взгляд, – приходится хвататься за случай, даже если радости от него мало.

– Некоторые сказания – в известной мере преувеличения, – добавил Том так, словно слова из него вытягивали каминными щипцами. – Некоторые. Кроме того, есть ли у тебя выбор, мальчик?

– Никакого, – вздохнул Ранд. Тэм до сих пор не пошевелился, глаза его запали, как будто он болел уже неделю. – Я... Я пойду поищу ее.

– На той стороне мостков, – сказал менестрель, – где... избавляются от мертвых троллоков. Но будь осторожен, мальчик. Айз Седай поступают по своему усмотрению, исходя из своих собственных соображений, которые не всегда таковы, как думают другие.

Последние слова он крикнул уже вслед Ранду, в закрывающуюся дверь. Юноше пришлось на бегу придерживать меч за рукоять, чтобы не зацепить ногами за ножны, – он решил не снимать пояс с мечом, чтобы не терять времени. С грохотом Ранд скатился по лестнице и вылетел из гостиницы, забыв об усталости. Раз есть возможность спасти Тэма – какой бы слабой она ни казалась, – то можно не вспоминать о бессонной ночи, по крайней мере пару часов. О том, что спасение – в руках Айз Седай, о том, какой будет цена, ему думать не хотелось. А что касается того, чтобы прямо сейчас предстать перед Айз Седай... Ранд глубоко вздохнул и попытался идти быстрее.

Довольно далеко от последних домов в северной части деревни, сбоку от дороги на Сторожевой Холм, на обочине со стороны Западного леса, жарко пылали костры. По-прежнему ветер клонил от деревни черные столбы жирного дыма, но в воздухе все равно висел тошнотворный приторно-сладковатый запах, похожий на чад от жаркого, оставленного на вертеле на несколько лишних часов. Ранд подавился запахом, потом судорожно, с трудом сглотнул, поняв, отчего такое зловоние. Хорошенькое применение для костров к Бэл Тайну. За огнем следили мужчины, обвязавшие рты и носы тряпками, но по гримасам на лицах было ясно, что уксус, которым пропитаны куски материи, помогал плохо. Даже если уксус перебивал вонь, они все-таки знали: зловоние никуда не делось, и понимали, чем заняты.

Двое мужчин отвязывали ремни тяжеловоза-дхурранца от троллоковых лодыжек. Лан, присев на корточки возле тела, откинул одеяло, открыв плечи троллока и козлорылую голову. Когда подбежал Ранд, Страж отодрал от оцетинившегося шипами плеча троллоковой кольчужной рубахи металлический значок: кроваво-красный эмалевый трезубец.

– Ко'бал, – сообщил Лан. Он подбросил значок на ладони и с ворчанием подхватил его на лету. – Это означает пока семь разных стай.

Неподалеку от него Морейн, сидевшая на земле скрестив ноги, устало покачала головой. Жезл, целиком покрытый резьбой в виде цветов, вьющихся растений и виноградных лоз, лежал у нее на коленях, а платье имело такой измятый вид, будто его не гладили год. Она проговорила:

– Семь стай. Семь! Так много не действовали заодно со времен Троллоковых войн. Плохие вести: одна другой хуже. Я боюсь, Лан. Я рассчитывала, что мы опередим события, но мы можем опоздать – как никогда.

Ранд смотрел на Морейн во все глаза, не в силах вымолвить ни слова. Айз Седай. Он старался убедить себя, что она не выглядит иначе теперь, когда он узнал, на кого... на что он смотрит, и, к его удивлению, она ничуть не изменилась. Она больше не была прежней: с растрепанной прической, с выбивающимися локонами волос, со слабой полоской сажи на носу, – однако на самом деле она не изменилась ни в чем. Определенно, в ней должно было быть нечто особенное, то, что отмечает ее как Айз Седай. С другой стороны, если внешность должна отражать ее сущность и если сказания правдивы, тогда она обязательно должна была походить больше на троллока, чем на красивую женщину, чье благородство ни в коей мере не умаляет то, что она сидит на пыльной земле. И она может помочь Тэму. Какова бы ни оказалась цена, это – самое главное.

Ранд глубоко вздохнул:

– Госпожа Морейн... Я хотел сказать, Морейн Седай!

Оба повернулись и посмотрели на него, и он застыл под ее взглядом. Не под тем, что был у нее на Лужайке: спокойным, улыбочивым, внимательным. На лице Морейн лежала печать усталости, но глаза ее смотрели по-ястребиному остро. Это был взгляд Айз Седай. Сокрушителей мира. Хозяев марионеток, что дергают за ниточки и заставляют троны и государства плясать согласно замыслам, ведомым лишь женщинам из Тар Валона.

– Чуть больше света во тьме, – прошептала Айз Седай. Она повысила голос: – Как твои сны, Ранд ал'Тор?

Тот ошеломленно уставился на нее:

– Мои сны?

– Такой ночью человеку могут сниться дурные сны, Ранд. Если и тебе снились кошмары, расскажи мне о них. Иногда я могу избавить от плохих снов.

– Нет ничего плохого в моих... Мой отец. Он ранен. Не больше чем царапина, но жар сжигает его. Мудрая не поможет. Она говорит, что не в силах. Но сказания... – Морейн подняла бровь, и он замолк: в горле запершило. «Свет, есть ли хоть одно сказание, где Айз Седай не была бы злодейкой?» Ранд посмотрел на Стража, но Лана, казалось, больше интересовал мертвый троллок, чем слова Ранда. Мямля и запинаясь под взглядом Морейн, юноша продолжил: – Я... э-э... говорят, Айз Седай могут Исцелять. Если вы поможете ему... что-нибудь сможете для него сделать... какой бы ни была цена... Я хочу сказать... – Он вздохнул и торопливо закончил: – Я заплачу любую цену, которая в моих силах, если вы поможете ему. Любую!

– Любую цену, – задумчиво протянула Морейн. – О плате мы поговорим позже, Ранд, если вообще такой разговор состоится. Я не даю обещаний. Ваша Мудрая свое дело знает. Я сделаю что смогу, но не в моей власти остановить вращение Колеса.

– Рано или поздно смерть приходит ко всем, – угрюмо сказал Страж, – если они не служат Темному, и лишь дураки готовы платить такую цену.

Морейн хмыкнула:

– Не будь таким мрачным, Лан. У нас есть основание для праздника. Маленький повод, но он есть. – Опершись на жезл, она поднялась с земли. – Отведи меня к своему отцу, Ранд. Я помогу ему как сумею. Слишком многие здесь вообще отказываются принимать мою помощь. Они тоже слышали сказания, – добавила она сухо.

– Он в гостинице, – сказал Ранд. – Вот туда. И спасибо вам. Огромное спасибо!

Морейн и Лан пошли за ним, но Ранд вскоре намного опередил их – таким быстрым был его шаг. Снедаемый нетерпением, он подождал, пока они нагнали его, потом опять устремился вперед, и опять ему пришлось остановиться.

– Пожалуйста, поспешите, – настойчиво попросил Ранд, которому так не терпелось доставить обретенных помощников к Тэму, что ему и в голову не пришло: поторапливать Айз Седай несколько опрометчиво. – Жар сжигает его.

Лан бросил на Ранда свирепый взгляд:

– Ты что, не видишь, она устала? Даже с *ангриалом*, то, что она сделала прошлой ночью, – это все равно что бегать вокруг деревни с мешком камней на спине. Не важно, что она сказала, но я не знаю, стоишь ли ты этого, пастух.

Ранд захлопал глазами и прикусил язык.

– Спокойнее, друг мой, – сказала Морейн. Не замедляя шага, она протянула руку и похлопала Стража по плечу. Лан берегающе возвышался над нею, словно только его присутствие могло придать ей сил. – Ты стремишься постоянно заботиться обо мне. Почему бы ему так же не беспокоиться о своем отце? – (Лан сердито нахмурился, но промолчал.) – Я приду так скоро, как смогу, Ранд, обещаю тебе.

Ранд не знал, чему верить: беспощадности ее глаз или спокойствию ее голоса – не мягкому, а твердо-властному. Или же, наверное, и тому и другому. Айз Седай. Теперь он связан словом. Ранд умерил шаг, идя рядом с Морейн, и стал гнать от себя мысли о том, какой может оказаться цена за спасение Тэма, цена, которую они обсудят позднее.

Глава 8

Прибежище

Еще в дверях взгляд Ранда метнулся к отцу – *его* отцу, кто бы что ни говорил. Тэм по-прежнему лежал неподвижно, его глаза все еще были закрыты, дышал он затрудненно, слабо и с хриплым присвистом. Седой менестрель оборвал разговор с мэром, который опять склонился над кроватью, поправляя Тэму одеяло, – и встревоженно посмотрел на Морейн. Айз Седай его не замечала. Она не обращала внимания ни на кого, кроме Тэма, но смотрела на него напряженно и внимательно, хмурия брови.

Том сжал нераскуренную трубку зубами, опять вынул ее изо рта и сердито уперся в нее взглядом.

– Человеку даже покурить не дадут спокойно, – пробормотал он. – Лучше схожу проверю, не стащил ли мой плащ какой-нибудь фермер, чтобы потеплее укрыть свою корову. Пожалуй, трубку я могу покурить в другом месте.

И менестрель торопливо вышел из комнаты.

Лан проводил Тома пристальным взглядом, его лицо, словно вырубленное из камня, было лишено всякого выражения.

– Не нравится мне этот человек. В нем есть что-то такое, чему я не доверяю. Его седину я прошлой ночью не видел.

– Он там был, – сказал Бран, с сомнением рассматривая Морейн. – Должен был быть. Не у камина же ему плащ подпалило.

Ранду было все равно, провел менестрель ночь, прячась в конюшне, или нет.

– Мой отец? – умоляюще обратился он к Морейн.

Бран открыл рот, но не успел вымолвить и слова, как заговорила Морейн:

– Оставьте меня с ним, мастер ал’Вир. Сейчас вы ничего не можете здесь сделать, только помешаете.

Минуту Бран колебался, разрываясь между неприятием того, что ему указывают в собственной его гостинице, и нежеланием послушаться Айз Седай. Наконец он выпрямился и похлопал Ранда по плечу:

– Пойдем, мальчик. Давай оставим Морейн Седай с ее... э-э... ее... Ты вполне сможешь подать мне руку и помочь спуститься по лестнице. Не успеешь моргнуть, как Тэм попросит свою трубку и кружку эля.

– Можно я останусь? – попросил Ранд Морейн, хотя она, казалось, не замечала никого, кроме Тэма. Рука Брана сжала плечо Ранда, но он не обратил на пожатие внимания. – Позвольте? Я не буду вам мешать. Вы даже не заметите, что я здесь. Он же мой отец! – добавил он

с горячностью, которая поразила его самого и от которой глаза мэра изумленно расширились. Ранд надеялся, что все припишут его запальчивость усталости или напряжению оттого, что он имеет дело с Айз Седай.

– Да, да, – нетерпеливо сказала Морейн.

Она небрежно бросила плащ и жезл на единственный в комнате стул и затем поддержала рукава своего платья, обнажив до локтей руки. Ее внимание полностью занимал Тэм, даже когда она говорила.

– Сядь там. И ты тоже, Лан. – Морейн махнула рукой на длинную скамью у стены. Ее взгляд медленно прошелся по Тэму: с ног до головы, но Ранда кольнуло чувство, что она каким-то образом смотрит сквозь него. – Можете разговаривать, если хотите, – рассеянно продолжила она, – но негромко. Ну, ступайте же, мастер ал’Вир. Это комната больного, а не зал собраний. Проследите, чтобы меня не беспокоили.

Мэр недовольно проворчал, но, разумеется, не так громко, чтобы услышала Морейн, сжал напоследок плечо Ранда, затем послушно, хотя и с неохотой, закрыл за собой дверь.

Что-то тихо говоря, Айз Седай встала на колени у кровати и мягко возложила руки на грудь Тэма. Она закрыла глаза и долгое время не шевелилась и ничего не произносила.

В преданиях чудеса Айз Седай всегда сопровождалась яркими вспышками и ударами грома или иными явлениями, указывающими на свершение великих деяний и на действия могучих сил. На *ту* Силу. На Единую Силу, черпаемую из Истинного Источника, который приводит в движение Колесо Времени. Ранду вовсе не хотелось думать об этом – о Силе, что касалась сейчас Тэма, и о себе, находящемся в той же самой комнате, где использовалась Сила. Она уже действовала в этой деревне – что само по себе плохо. Однако, по мнению Ранда, Морейн могла просто уснуть. Но ему показалось, что дыхание Тэма стало легче. Наверное, она все же что-то делает. Юноша так напряженно вслушивался и всматривался, что вздрогнул, когда негромко заговорил Лан:

– Прекрасное оружие. Нет ли, случайно, цапли и на самом клинке?

На мгновение Ранд уставился на Стража непонимающим взглядом. Он совершенно забыл о мече Тэма из-за этой сделки с Айз Седай. Больше оружие не казалось ему тяжелым.

– Да, есть. А что она такое делает?

– Не думал я найти клейменный цаплей меч в таком месте, – произнес Лан.

– Это моего отца. – Ранд глянул на меч Лана, рукоять которого виднелась из-под плаща; оба меча были по виду очень схожи, правда, оружие Стража цапли не украшали. Юноша вновь перевел взор на кровать. Дыхание Тэма звучало спокойнее; хрипы исчезли. Ранд был совершенно в этом уверен. – Отец купил его давным-давно.

– Странная покупка для овечьего пастуха.

Ранд бросил на Лана косой взгляд. Если чужак проявляет интерес к мечу, это простое любопытство. А когда так поступает Страж... Тем не менее юноша посчитал нужным ответить воину:

– Отец никогда им не пользовался, я это знаю. Он говорил, что от него не было никакого проку. То есть до минувшей ночи. До тех пор я и не знал, что у него был меч.

– Он назвал его бесполезным, да? Должно быть, он не всегда так думал. – Лан на миг коснулся пальцем ножен на поясе Ранда. – Есть края, где цапля – знак мастера фехтования, мастера клинка. Этому мечу, наверное, пришлось проделать необычный и долгий путь, чтобы очутиться в руках пастуха овец из Двуречья.

Невысказанного вопроса Ранд словно бы и не заметил. Морейн по-прежнему не шевелилась. Да делает ли что-нибудь Айз Седай? Он вздрогнул и потер ладонью руку, не совсем уверенный – хочет ли он вообще знать, что она делает. Айз Седай.

Затем в голове у него возник вопрос, тот вопрос, задавать который ему не хотелось, но на который нужен был ответ.

– Мэр... – Он откашлялся, глубоко вздохнул. – Мэр сказал, что единственные, благодаря кому от деревни что-то осталось, – это вы и она. – Ранд заставил себя взглянуть на Стража. – Если бы вам сказали о человеке в лесу... человеке, который приводит людей в ужас одним лишь взглядом... могло бы это стать для вас предупреждением? Человек, лошадь которого ступает совсем беззвучно? А ветер не колеблет его плаща? Могли бы вы узнать, что надвигалось? Могли бы вы и Морейн Седай предотвратить случившееся, знай вы об этом человеке?

– Нет, не будь с нами рядом полдюжины моих сестер, – сказала Морейн, и Ранд вздрогнул. Она по-прежнему стояла на коленях у кровати, но уже отняла руки от Тэма и полуобернулась к Ранду и Лану, сидящим на скамье. Голос ее не изменился, но взгляд пригвоздил Ранда к стене. – Знай я, покидая Тар Валон, что здесь окажутся троллоки и мурддраал, я взяла бы с собой полдюжины сестер, дюжину, пусть даже мне пришлось бы тащить их за шиворот. Как по мне, так и предупреждение за месяц мало что изменило бы. Наверное, ничего. Сделано лишь столько, сколько можно сделать в одиночку, даже с помощью Единой Силы, а здесь вчерашней ночью рассеялось по округе, скорей всего, за сотню троллоков. Целый кулак.

– Все равно лучше было бы знать, – резко произнес Лан, жестко глядя на Ранда. – Когда точно ты его видел и где?

– Сейчас это не имеет никакого значения, – сказала Морейн. – Мне не хотелось бы, чтобы мальчик считал, что в чем-то провинился, когда никакого порицания он не заслуживает. Моей вины здесь не меньше. Тот вчерашний мерзкий ворон, его поведение должно было насторожить меня. И тебя тоже, мой старый друг. – Морейн недовольно прищелкнула языком. – Я оказалась чрезмерно самонадеянной, на грани высокомерия, в своей уверенности, что так далеко прикосновение Темного не распространится. Что оно пока еще не так опасно. Была так уверена!

Ранд моргнул:

– Ворон? Я не понимаю.

– Пожиратели падали. – Рот Лана скривился от отвращения. – Прихлебатели Темного зачастую находят соглядатаев среди созданий, что питаются падалью. В основном среди воронов и ворон. Иногда, в городах, среди крыс.

Быстрая дрожь пробежала по спине Ранда. Вóроны и ворóны в соглядатаях у Темного! Сейчас здесь повсюду вóроны и вóроны. Прикосновение Темного, сказала Морейн. Темный все время был тут – он знал, – но, если идешь в Свете, стараешься прожить хорошую жизнь и не называешь Темного по имени, он не может навредить тебе. В это верил всякий, каждый выпитал это с молоком матери. Но Морейн, кажется, говорила...

Взгляд Ранда упал на Тэма, и все прочие мысли вылетели из головы. С лица отца заметно спал лихорадочный румянец, и дыхание его стало почти нормальным. Ранд устремился было к нему, но его удержал за руку Лан.

– Вы сделали это!

Морейн покачала головой и вздохнула:

– Нет еще. Надеюсь, только пока – нет. Тролlochье оружие выковано в кузницах долины, называемой Такан'дар, на склонах самого Шайол Гул. Некоторые клинки несут на себе скверну этого места – зерна зла в металле. Это оскверненное оружие наносит раны, которые не заживают сами или вызывают смертельно опасные лихорадки, необычные болезни, с которыми не справиться лекарственными снадобьями. Я облегчила страдания твоего отца, но отметина, эта порча, по-прежнему в нем. Оставь ее так, и она вновь проявится и уничтожит его.

– Но вы не оставите его! – В словах Ранда звучала наполовину мольба, наполовину требование. Он был ошеломлен, сообразив, как разговаривает с Айз Седай, но она, казалось, не обратила внимания на его тон.

– Нет, не оставляю, – легко согласилась она. – Я очень устала, Ранд, и минувшей ночью мне было не до сна. Обычно это не имеет значения, но для такой раны... Это, – Морейн достала из

сумки что-то завернутое в белый шелк, – это ангриал. – Она заметила выражение лица Ранда. – Так ты знаешь, что такое ангриал? Хорошо.

Невольно Ранд отстранился подальше от нее и от того, что она держала в руках. В счита- ных сказаниях упоминаются ангриалы – эти древние реликвии Эпохи легенд, которыми поль- зовались Айз Седай для претворения в жизнь своих величайших чудес. Ранд испуганно взи- рал на то, как Морейн освобождает от шелковых покровов гладкую статуэтку из драгоценной кости, потемневшую от времени до густого коричневого цвета. Высотой не более чем в ладонь Морейн, фигурка представляла собой женщину в ниспадающих одеждах, с длинными, до плеч, волосами.

– Мы утратили секрет их изготовления, – сказала она. – Так много утеряно, что, воз- можно, он никогда не будет вновь раскрыт. Сохранилось так мало, что Престол Амерлин скрепя сердце позволила мне взять ангриал с собой. Эмондову Лугу и твоему отцу повезло, что она дала свое разрешение. Но на многое не надейся. Сейчас даже с ним мне не удастся сделать намного больше, чем я смогла бы вчера без него, а порочное воздействие сильно. Про- шло время, рана успела нагноиться.

– Вы поможете ему! – горячо сказал Ранд. – Я знаю, вы сможете.

Морейн улыбнулась, чуть изогнув губы:

– Посмотрим.

Потом она повернулась к Тэму. Одну руку Морейн положила ему на лоб; в ладони другой она держала фигурку из кости. Глаза закрыты, на лице – выражение полной сосредоточенности. Казалось, она почти не дышала.

– Тот всадник, о котором ты говорил, – тихо произнес Лан, – тот, который вверг тебя в ужас, – это был, несомненно, мурддраал.

– Мурддраал! – воскликнул Ранд. – Но Исчезающие – двадцати футов ростом и... – Слова замерли у него на устах под невеселой усмешкой Стража.

– Иногда, овечий пастух, в историях все намного больше, чем на самом деле. Поверь мне, правды в случае с Получеловеком и так хватает. Получеловек, Таящийся, Исчезающий, Человек Тени: имена зависят от того, в каких ты краях, но означают они одно – мурддраал. Исчезающие – троллоково отродье, но в них почти повторяются те низшие примитивные свой- ства человеческого племени, которым воспользовались Повелители ужаса для создания трол- локов. Почти. Но насколько сильнее в них человеческие черты, настолько усугублена в них скверна, извратившая троллоков. Получеловек обладает некой силой, которая имеет начало в Темном. Только слабейшая Айз Седай потерпит поражение, столкнувшись с Исчезающим один на один, но множество людей, храбрых и верных, пали от их рук. Со времен войн, кото- рыми завершилась Эпоха легенд, с тех пор как были заточены Отрекшиеся, они являются тем разумом, который приказывает троллоковым кулакам, где наносить удары. В дни Троллоковых войн Полулюди под началом Повелителей ужаса вели троллоков в битвы.

– Он меня испугал до смерти, – еле слышно вымолвил Ранд. – Он только глянул на меня, и... – Он содрогнулся.

– Не нужно стыдиться, овечий пастух. Они пугают и меня. Я встречал людей, которые всю жизнь были солдатами, и они, столкнувшись с Получеловеком, застывали на месте, словно птица под взглядом змеи. На севере, в Пограничных землях вдоль Великого Запустения, есть поговорка «Взгляд Безглазого – страх».

– Безглазого? – спросил Ранд, и Лан кивнул в ответ.

– Мурддраал видит как орел, в темноте или на свету, но у него нет глаз. Я готов к кое- какому более опасным делам, чем столкновение лицом к лицу с мурддраалом. Морейн Седай и я вдвоем пытались убить того, кто был тут прошлой ночью, и ничего не вышло. У Получеловека везение самого Темного.

Ранд сглотнул комок в горле:

– Троллок говорил, что мурддраал хочет говорить со мною. Я не знаю, что бы это могло означать.

Лан вскинул голову – глаза словно голубые камни:

– Ты *говорил* с троллоком?

– Не совсем так, – промямлил Ранд. Пристальный взгляд Стража держал его цепко, словно силок. – Говорил он. Он сказал, что мне не будет ничего плохого, что мурддраал хочет поговорить со мной. Потом он попытался меня убить. – Ранд облизнул губы и рукой провел по гладкой коже на рукояти меча. Короткими, немного сумбурными фразами он рассказал о возвращении на ферму и в дом. – Но я убил его раньше, – закончил он объяснение. – На самом деле случайно. Он набросился на меня, а я держал в руке меч.

Лицо Лана немного смягчилось – если камень может смягчиться.

– Даже если так, тебе есть о чем рассказывать, овечий пастух. До прошлой ночи к югу от Пограничных земель не многие мужчины могли похвастать, что видели троллока, и намного меньше среди них было тех, кому удалось убить его.

– И еще меньше тех, кто убил троллока один на один, – устало сказала Морейн. – Все сделано, Ранд. Лан, помоги мне встать.

Страж устремился к ней, но быстрее его к кровати рванулся Ранд. Кожа Тэма на ощупь была прохладной, хотя лицо его оставалось бледным и изможденным, словно он давно не выходил на солнце. Глаза Тэма по-прежнему были закрыты, но дышал он глубоко, как будто спал.

– С ним все будет в порядке? – озабоченно спросил Ранд.

– После отдыха – да, – сказала Морейн. – Несколько недель в постели, и он будет здоров, как раньше. – Опираясь на руку Лана, она сделала несколько нетвердых шагов. Страж подхватил плащ и жезл с подушечки на стуле, чтобы усадить ее, и она со вздохом опустилась на сиденье. С неспешной тщательностью Морейн завернула ангриал в шелк и уложила его в поясную сумку.

Плечи Ранда задрожали, и, чтобы удержаться от радостного смеха, он закусил губу. В то же время ему пришлось провести рукой по глазам, чтобы вытереть слезы.

– Спасибо вам!

– В Эпоху легенд, – продолжала Морейн, – некоторые Айз Седай могли раздуть самую малую искру жизни и здоровья, оставшуюся в человеке. Те дни прошли, и возможно, навсегда. Столь многое было потеряно – не только секрет изготовления ангриалов. Столь многое можно было бы сделать – о чем мы и мечтать не смеем, даже если вообще о таком помним. Очень, очень мало нас теперь. Почти все таланты исчезли, а большинство из оставшихся стали, судя по всему, слабее. В больном должны оставаться воля и силы, чтобы даже сильнейшие из нас могли преуспеть на пути Исцеления. Большая удача, что твой отец сильный человек – и душой, и телом. Как бы то ни было, он много труда потратил на борьбу за жизнь, но все силы, что остались, теперь нужны ему для выздоровления. Оно потребует времени, но порчи больше нет.

– Я ваш вечный должник, – сказал юноша Морейн, не поднимая взгляда от Тэма, – и сделаю для вас все, что могу. Все! – Он припомнил разговор о цене, а потом и свое обещание. Стоя на коленях подле Тэма, Ранд был готов ко всему, даже больше, чем раньше, но до сих пор не решался взглянуть на нее. – Все. Если только это не причинит вреда деревне или моим друзьям.

Морейн подняла руку в отстраняющем жесте:

– Только если ты считаешь это необходимым. Но мне все равно хотелось бы поговорить с тобой. Нет никаких сомнений, что ты уедешь одновременно с нами, и потом мы с тобой сможем побеседовать подробно.

– Уехать! – воскликнул Ранд, с трудом поднявшись на ноги. – Неужели на самом деле так плохо? По-моему, у всех на уме одно: начать отстраивать все заново. Мы, люди Двуречья, народ оседлый. Никто никогда не уезжал.

– Ранд...

– Да и куда нам идти? Падан Фейн говорит, погода везде такая же плохая. Он... он... торговец. Троллоки... – У Ранда сжало горло, и ему очень захотелось, чтобы Том Меррилин не рассказывал ему, что едят троллоки. – По-моему, лучшее, что нужно сделать, – это остаться здесь, откуда мы родом, в Двуречье, восстановить все, жить как прежде. У нас зерно посеяно, и для стрижки скоро будет уже тепло. Не знаю, кто завел этот разговор о том, чтобы уехать, – кто-то из Коплинов, готов поспорить, – но кто бы это ни был...

– Овечий пастух, – вмешался Лан, – ты бы слушал, вместо того чтобы болтать.

Ранд уставился на них обоих. До него дошло, что он бессвязно лепетал, перескакивая с одного на другое, а она в это время пыталась ему что-то втолковать. С ним пыталась говорить Айз Седай! Юноша лихорадочно стал искать слова для извинений, но Морейн улыбнулась ему.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, Ранд, – сказала она, и ему стало неловко оттого, что она действительно понимает. – Не думай больше об этом. – Ее губы сжались, и она покачала головой. – С этим, по-моему, я справилась неважно. Наверное, мне сначала надо было отдохнуть. Уехать нужно будет именно тебе, Ранд. Уехать отсюда должен ты, ради блага своей деревни.

– Я? – Голос сорвался, и он выдавил снова: – Я? – На этот раз получилось чуть лучше. – Почему это мне надо уезжать? Я ничего не понимаю. Не хочу я никуда уезжать!

Морейн посмотрела на Лана, и тот расцепил сложенные на груди руки. Он взглянул на Ранда из-под кожаной головной повязки, и у юноши вновь появилось такое чувство, будто его взвешивают на невидимых весах.

– Знаешь ли ты, – неожиданно сказал Лан, – что на некоторые дома в деревне не напали?

– Да ведь полдеревни – пепелище, – возразил Ранд, но Страж отмахнулся от этих слов.

– Некоторые из домов подожгли лишь для пущей сумятицы. А после троллоки не обращали на них никакого внимания, как и на людей, что из них выбегали, если те не оказывались ненароком на острие истинной атаки. Большинство из тех, кто прибыл сюда из окрестных ферм, и шерстинки от троллока не видели, даже издали. Они и не догадывались, что здесь беда стряслась, пока не увидели деревню.

– Я слышал о Дарле Коплине, – медленно произнес Ранд. – Полагаю, что это до него не дошло.

– Атакованы были две фермы, – продолжал Лан. – Ваша и еще одна. Из-за Бэл Тайна все, кто жил на второй ферме, уже были в деревне. Не одна жизнь оказалась спасена из-за того, что мурддраал не знаком с обычаями Двуречья. Праздник и Ночь зимы сделали его задачу почти невыполнимой, но он этого не знал.

Ранд посмотрел на Морейн, откинувшуюся на спинку стула, но она молчала, приложив палец к губам.

– Наша ферма и чья еще? – наконец спросил он.

– Ферма Айбара, – отозвался Лан. – Здесь же, в Эмондовом Лугу, они ударили сперва по кузнице, затем напали на дом кузнеца и на дом мастера Коутона.

Во рту у Ранда вмиг пересохло.

– Это безумие! – Он старался подобрать слова для ответа и вздрогнул, когда Морейн выпрямилась.

– Не безумие, Ранд, – сказала она. – Обдуманый план. Троллоки заявили в Эмондов Луг не наудачу, и они поступали не так, как обычно, – из удовольствия убивать и поджигать, хотя и то и другое очень им по нраву. Они знали, за чем или, вернее, за кем пришли. Троллоки явились сюда, чтобы убить или захватить юношей определенного возраста, которые живут рядом с Эмондовым Лугом.

– Моего возраста? – Голос Ранда дрогнул, но ему было все равно. – Свет! Мэт. Что с Перрином?

– Живы и здоровы, – успокоила его Морейн, – ну, немного в саже.

– Бан Кро и Лем Тэйн?

– Были вне опасности, – сказал Лан. – По крайней мере, испугались не больше, чем прочие.

– Но они тоже видели всадника, Исчезающего, и лет им столько, сколько мне.

– С дома мастера Кро и соломинки не упало, – сказала Морейн, – а мельник со своим семейством благополучно проспал бы набег на деревню, не разбудил его шум. Бан на десять месяцев тебя старше, а Лем на восемь месяцев младше. – Она сухо улыбнулась удивленному Ранду. – Я говорила тебе, что задавала вопросы. И я еще сказала: юноши *определенного* возраста. Между тобой и твоими друзьями разница – всего лишь недели. Именно вас троих и искал мурддраал, вас, и больше никого.

Ранд беспокойно заерзал, почувствовав, что не хочет, чтобы она смотрела на него такими глазами: ее взгляд словно проникал в душу и читал самые потаенные его мысли, в самых дальних уголках.

– Чего им от нас надо? Ведь мы простые фермеры, пастухи!

– Это вопрос, на который в Двуречье ответа не найти, – тихо сказала Морейн, – но ответ важен. Троллоки, появившиеся там, где их не видели почти две тысячи лет, – это говорит о многом.

– Во многих сказаниях речь идет о набегах троллоков, – упрямо сказал Ранд. – Раньше их просто у нас не было. С троллоками постоянно сражаются Стражи.

Лан фыркнул:

– Мальчик, я готов был сражаться с троллоками в Великом Запустении, но не здесь, за шесть сотен лиг к югу от него. Набег такой яростный, как минувшей ночью, я мог ожидать в Шайнаре или в любой из Пограничных земель.

– В ком-то одном из парней, – произнесла Морейн, – или во всех троих есть нечто, чего опасается Темный.

– Это... это невозможно. – Ранд добрел до окна и устался на деревню, на людей среди развалин. – Я не верю, что это случилось, это просто невозможно. – Что-то на Лужайке привлекло его взгляд. Он всмотрелся и понял, что это почерневший обрубок весеннего шеста. Веселый Бэл Тайн, с торговцем, и с менестрелем, и с чужаками. Ранда передернуло, и он отчаянно замотал головой. – Нет. Нет, я простой пастух! Темному незачем мною интересоваться.

– Он приложил много сил и средств, – мрачно сказал Лан, – чтобы провести так много троллоков, не подняв шума и тревоги, так далеко – от Пограничных земель до Кэймлина и дальше. Хотел бы я знать, как это им удалось. Неужели ты веришь, что они пришли всего лишь затем, чтобы спалить несколько домов?

– Они еще вернутся, – добавила Морейн.

Ранд открыл было рот, чтобы возразить Лану, но замечание Морейн остановило его. Он повернулся к ней:

– Вернутся? Вы не можете их остановить? Как прошлой ночью, хотя вас и застали врасплох? А теперь вам известно, что они здесь.

– Возможно, – ответила Морейн. – Я могла бы послать в Тар Валон за некоторыми сестрами, но им потребуется время на нелегкий путь сюда. Мурддраал тоже знает, что я здесь, и, вероятно, нападать не станет – по крайней мере, в открытую, – нуждаясь в подкреплении: нужны еще мурддраалы и побольше троллоков. С призванными Айз Седай и Стражами троллоков можно будет отогнать, хотя сколько для этого понадобится сражаться, я не знаю.

Перед мысленным взором Ранда пробежали картины: весь Эмондов Луг – огромное пепелище. Пылают фермы. И Сторожевой Холм, и Дивен Райд, и Таренский Перевоз. Кругом пепел и кровь.

– Нет, – произнес он и почувствовал, как внутри что-то оборвалось – как будто он не удержал чего-то. – Поэтому-то я и должен ехать? Троллоки не вернутся, если меня здесь не

будет. – Последняя кроха упрямства заставила его прибавить: – Если они в самом деле явились за мной.

Брови Морейн приподнялись, как будто она удивилась тому, что его в этом еще не убедили.

– Ты хочешь держать пари, поставив в заклад свою деревню, овечий пастух? – спросил Лан. – Все свое Двуречье?

Упрямство Ранда тут же улетучилось.

– Нет, – вновь сказал он и опять ощутил внутри какую-то пустоту. – Перрину и Мэту тоже придется уйти, да? – Покинуть Двуречье. Оставить дом и отца. По крайней мере, Тэму должно стать лучше. По крайней мере, ему нужно услышать от отца, что все сказанное на Карьерной дороге – вздор. – Мы могли бы, наверное, отправиться в Байрлон или даже в Кэймлин. Я слышал, что в Кэймлине людей больше, чем во всем Двуречье. Там мы будем в безопасности. – Ранд попробовал засмеяться, но смех прозвучал совершенно неискренне. – Бывало, я мечтал о том, чтобы повидать Кэймлин. Никогда не предполагал, что все может обернуться таким вот образом.

Повисло долгое молчание, потом заговорил Лан:

– Я бы не считал Кэймлин безопасным местом. Если ты так сильно нужен мурддраалу, то до тебя доберутся и там. Стены – не преграда для Получеловека. А ты будешь круглым дураком, если не веришь, что ты очень им нужен.

Ранд думал, что у него такое подавленное настроение – дальше некуда, но после слов Лана он еще больше пал духом.

– Есть безопасное место, – негромко произнесла Морейн, и Ранд наострил уши. – В Тар Валоне ты будешь среди Айз Седай и Стражей. Даже в ходе Троллоковых войн войска Темного опасались атаковать Сияющие Стены. Единственная попытка штурма обернулась их величайшим поражением, самым тяжелым за все то время. И Тар Валон хранит знания, которые мы, Айз Седай, собирали со Времени безумия. Некоторые отрывки даже датируются Эпохой легенд. В Тар Валоне, и только там, ты сможешь узнать, что нужно от тебя мурддраалу. Почему ты нужен Отцу Лжи. Это я обещаю.

Путешествие в Тар Валон – просто невысказано. Путешествие туда, где вокруг него будут Айз Седай. Да, Морейн исцелила Тэма – или, по крайней мере, выглядело так, что она это сделала, – но куда деваться от всех этих сказаний? И так-то не очень уютно себя чувствуешь, когда рядом в комнате одна Айз Седай, а каково будет в городе, где они везде?.. И она все еще не назвала цену за все. Цена была всегда – так говорится в преданиях.

– Как долго проспал мой отец? – наконец вымолвил Ранд. – Я... Мне нужно с ним поговорить. Нельзя, чтобы он проснулся и увидел, что меня нет рядом. – Ему почудилось, будто он услышал, как облегченно вздохнул Лан. Юноша пытливо взглянул на него, но лицо Стража ничего не выражало.

– Не стоит его будить до нашего отъезда, – сказала Морейн. – Я думаю, отправиться нужно вскоре после наступления темноты. Даже единственный день промедления может стать роковым. Будет лучше, если ты оставишь ему записку.

– Уезжать на ночь глядя? – с сомнением заметил Ранд, и Лан кивнул.

– Получеловек очень скоро сможет обнаружить, что мы уехали. Нам незачем облегчать ему задачу.

Ранд возился с одеялами. До Тар Валона путь неблизкий.

– В таком случае... В таком случае лучше я пойду разыщу Мэту и Перрина.

– Я сама займусь этим. – Морейн проворно поднялась на ноги и с неожиданно вновь обретенной энергией набросила свой плащ на плечи.

Она положила руку на плечо юноше, и тот с огромным трудом сдержался, чтобы не отстраниться. Морейн не сжимала его плечо, но хватка была железная – так палка с рогулиной надежно удерживает змею.

– Будет лучше, если этот разговор останется между нами. Понимаешь? Если кто-то из тех, кто нарисовал клык Дракона на двери гостиницы, узнает о наших планах, они могут доставить нам кучу неприятностей.

– Да, я понимаю. – Ранд облегченно перевел дыхание, когда она убрала руку.

– Я попрошу миссис ал’Вир принести тебе поесть, – продолжила Морейн, как бы не замечая его реакции. – Потом тебе нужно поспать. Даже после отдыха тебе сегодня ночью предстоит тяжелая поездка.

Дверь за ними закрылась, и Ранд остался стоять, глядя на Тэма – глядя, но ничего не видя. До самой этой минуты он не осознавал, что Эмондов Луг тоже часть его души, как и сам он – часть Эмондова Луга. Он понял это именно сейчас, потому что чувствовал, как мучительно и больно расставание с родной деревней, – его словно разрывали на части. Но он должен покинуть Эмондов Луг. Его ищет Пастырь Ночи. Это невозможно – он всего-то фермер, – но пришли троллоки, и в одном Лан прав: Ранд не может рисковать деревней, понадеявшись на то, что Морейн ошибается. Он даже не может никому сказать, от Коплинов наверняка хлопот не оберешься, прослышь они хоть что-то подобное. Ему придется поверить Айз Седай.

– Не разбуди его ненароком, – сказала миссис ал’Вир, когда мэр, войдя, закрыл за собой и за женой дверь.

От накрытого полотенцем подноса, который она держала в руках, распространялись соблазнительные запахи горячей еды. Миссис ал’Вир поставила поднос на сундук подле стены, затем решительно потянула Ранда прочь от кровати.

– Госпожа Морейн сказала мне обо всем, что ему нужно, – тихо проговорила она, – и она не упоминала, что ты от истощения должен свалиться Тэму на макушку. Я принесла тебе немножко поесть. Давай-ка, чтобы не остыло.

– По-моему, не стоило ее так называть, – сварливо заметил Бран. – Правильнее бы – Морейн Седай. Она могла рассердиться.

Миссис ал’Вир любя шлепнула мужа по щеке:

– Предоставь мне беспокоиться об этом. У нас с нею был долгий разговор. И говори потише. Если разбудишь Тэма, то за это ответишь *мне и Морейн Седай*. – Она подчеркнуто выделила голосом титул Морейн, отчего требование Брана стало чуть ли не смешным. – Так, вы двое, не путайтесь у меня под ногами. – Нежно улыбнувшись мужу, миссис ал’Вир повернулась к Тэму.

Мастер ал’Вир расстроено глянул на Ранда:

– Она – Айз Седай. Половина женщин в деревне ведут себя так, словно она из Круга женщин, а оставшиеся – словно она троллок. Ни одна из них, похоже, не понимает, что, когда рядом Айз Седай, нужно быть осмотрительнее. Мужчины все время на нее косятся, но они-то хоть не делают ничего такого, что может разозлить ее.

«Осмотрительнее», – подумал Ранд. Еще не поздно быть осмотрительнее.

– Мастер ал’Вир, – медленно произнес он, – вы не знаете, на сколько ферм напали?

– Пока я слышал, что только на две, считая и вашу. – Мэр помолчал, нахмурившись, затем пожал плечами. – Судя по тому, что здесь случилось, вряд ли, наверное, этим все ограничится. Мне бы порадоваться, но... Ладно, еще до исхода дня мы, скорей всего, услышим и узнаем больше.

Ранд вздохнул. Нет смысла спрашивать, чья была вторая ферма.

– Здесь, в деревне, они... Я хочу сказать, ничего не было такого, что подсказало бы, зачем они сюда пришли?

– Зачем, мальчик? Не знаю, ради чего они заявили, может, просто для того, чтобы убить всех нас. Все было так, как я рассказывал. Загавкали собаки, а Морейн Седай и Лан бегали по улицам, затем кто-то закричал, что загорелся дом мастера Лухана и кузница. Запылал дом Абелла Коутона – это странно; он же почти в центре деревни. Так или иначе, но троллоки были среди нас, были везде. Нет, не думаю, что они пришли за *чем-то*. – Он коротко хохотнул и замолк, бросив опасливый взгляд на жену. Та не отводила взгляда от Тэма. – Сказать по правде, – продолжил мастер ал’Вир тихо, – они, кажется, пришли в замешательство, как и мы. Сомневаюсь, чтобы они обрадовались, обнаружив тут Айз Седай или Стража.

– Да уж вряд ли, – ухмыльнулся Ранд.

Если Морейн сказала правду об этом, то, скорей всего, правду она сказала и об остальном. Ранд подумал было о том, чтобы спросить совета у мэра, но мастер ал’Вир явно знал об Айз Седай не намного больше, чем любой другой в деревне. Кроме того, ему не очень хотелось рассказывать даже мэру о том, что он знает, – о том, что происходит, по словам Морейн. Он не был уверен, чего боится больше – того, что его поднимут на смех, или того, что ему поверят. Юноша провел большим пальцем по рукояти меча Тэма. Его отец побывал во внешнем мире; и он должен знать об Айз Седай больше, чем мэр. Но если Тэм на самом деле бывал вне Двуречья, тогда, быть может, его слова в Западном лесу... Юноша с силой провел руками по волосам, разгоняя эту вереницу мыслей.

– Тебе нужно поспать, парень, – сказал мэр.

– Да-да, нужно, – присоединилась к нему миссис ал’Вир. – Ты же почти валишься с ног.

Ранд удивленно уставился на нее. Он даже не заметил, когда она отошла от его отца. Да, ему нужно поспать; и от этой мысли он зевнул.

– Можешь прилечь на кровать в соседней комнате, – сказал мэр. – Там уже камин разожгли.

Ранд посмотрел на отца. Тэм по-прежнему спал глубоким сном, и юноша снова зевнул.

– Я бы здесь остался, если не возражаете. Пока он не проснется.

Решение этого вопроса мэр предоставил миссис ал’Вир: уход за больным – ее дело. Она поколебалась и согласно кивнула.

– Но ты не будешь его будить, пусть он проснется сам. Если ты потревожишь его сон...

Ранд попытался было сказать, что будет выполнять все ее распоряжения, но слова потерялись в очередном зевке. Миссис ал’Вир с улыбкой покачала головой:

– Ты-то точно уснешь сразу же. Если хочешь остаться, то подвинься поближе к огню. И перед сном выпей немного говяжьего бульона.

– Обязательно, – сказал Ранд. Он готов был согласиться со всем, лишь бы остаться в этой комнате. – И я не стану его будить.

– Да уж прослежу, чтобы не разбудил, – сказала миссис ал’Вир твердым, но добродушным голосом. – Я принесу тебе подушку и пару одеял.

Когда в конце концов дверь за четой ал’Вир закрылась, Ранд подтащил единственный в комнате стул к кровати, поставив его так, чтобы можно было смотреть на Тэма, и устроился на нем. Миссис ал’Вир была права, говоря, что ему надо вздремнуть, – при каждом зевке у него трещали челюсти, – но пока еще засыпать ему нельзя. Тэм в любую минуту может проснуться, и, скорей всего, ненадолго. Нужно подождать.

Он морщился и вертелся на стуле, рассеянно отодвигая эфес меча подальше от ребер. Ранд постоянно возвращался к запрету Морейн что-либо рассказывать кому бы то ни было, но, в конце концов, это же Тэм. Это... Он решительно сжал челюсти. «Мой отец. Моему отцу я могу рассказать все».

Ранд поерзал немного и откинул голову на высокую спинку стула. Тэм – его отец, и никто не может приказать ему говорить или не говорить со своим отцом. Ему просто нужно подождать и не заснуть, пока не проснется Тэм. Ему просто нужно...

Глава 9

О чем рассказало Колесо

Ранд бежал, сердце бешено колотилось, и он в смятении оглядывал окружающие его со всех сторон голые холмы. В эту местность весна не опоздала, – сюда она вообще никогда не приходила, да и не придет. На этой промерзшей земле, хрустевшей под сапогом, не росло ничего, даже клочка лишайника не было видно. Ранд протиснулся между валунов высотой в два его роста, припорошенных слоем пыли, словно на них никогда не падала ни единая капля дождя. Солнце – распухший кроваво-красный шар – немилосердно палило, сильнее, чем в самый жаркий летний полдень; его лучи жгли глаза, оно словно застыло на месте в опрокинутом свинцово-сером котле неба, где на горизонте клубились и перекатывались пронзительно-черные и серебристо-серые облака. Но от крутящегося облачного водоворота не чувствовалось даже самого слабого порыва ветра, и, несмотря на зловещее солнце, воздух обжигал зимним холодом.

На бегу Ранд то и дело оглядывался через плечо, но преследователей своих не видел. Лишь унылые холмы да черные зубья гор, над многими из которых курились плюмажи темных дымов, сливающиеся вверху с беспорядочно крутящимися облаками. Хоть погоню он и не заметил, но услышал ее: следом несся вой, грубые, азартно улюлюкающие голоса, предвкушающие скорую кровавую развязку вопли. Троллоки. Все ближе, а силы на исходе.

В отчаянном броске Ранд вскарабкался на вершину острого, как нож, гребня горы и со стоном упал на колени. Скальная стена тысячефутовым утесом отвесно обрывалась в громадное ущелье. Бледная туманная дымка окутывала дно каньона, по ее плотно-серой поверхности прокатывались мрачные волны, набегая и разбиваясь об утес внизу, но гораздо медленнее, чем двигались бы любые неторопливые океанские валы. На мгновение клубы тумана наливались красным, будто под ними вспыхивали и угасали громадные языки пламени. В невидимых глубинах долины рокотал гром, в сумраке высверкивали молнии, устремляясь порой вверх, к небу.

Но не сама долина отняла у Ранда силы и наполнила его душу безысходностью. Из самой середины клубящихся паров вздымалась гора, гора выше любой из Гор тумана, что он видел, гора столь же мрачная, как потеря всех надежд. Именно этот унылый каменный пик, кинжалом вонзившийся в небеса, стал источником опустошенности и отчаяния. Он никогда не видел ее прежде, но узнал. Воспоминание о ней ускользнуло от него, словно ртуть, едва он попытался схватить его, но воспоминание об этой горе было с ним. Он знал: эта память – с ним.

Невидимые пальцы коснулись Ранда, потянули за руки и за ноги, пытаясь утащить к горе. Тело дернулось, готовое подчиниться. Руки и ноги напряглись, будто он мог впиться пальцами рук и ног в камень. Призрачные струны обвили сердце, притягивая его, призывая к горному шпилью. Слезы заструились по лицу, и он осел на землю. Он чувствовал, как воля его вытекает,

словно вода из дырявого ведра. Еще немного, и он пошел бы на зов. Он повиновался бы ему, сделал бы так, как приказывали. Внезапно он понял, что в нем осталось еще чувство – гнев. Подталкивать его, тянуть его, будто он овца, которую ведут в загон? Гнев свернулся тугим клубком, и Ранд вцепился в него, как тонущий хватается в наводнение за утлый плот.

Служи мне, прошелестел голос, влезший в его застывшие мысли. Знакомый голос. Ранд был уверен: прислушайся он внимательней, и он узнает его. *Служи мне*. Ранд замотал головой, стараясь выбросить голос из головы. *Служи мне!* Он погрозил черной горе кулаком.

– Да поглотит тебя Свет, Шайи’тан!

Внезапно запах смерти окутал его. Над ним нависла фигура в плаще цвета запекшейся крови, фигура с лицом... Он не хотел видеть лица, смотрящего на него сверху. Он и думать не хотел об этом лице. Самая мысль о нем причиняла боль, превращая разум в горящие угли. Рука протянулась к нему. Не думая о том, что может сорваться с обрыва, он отпрянул в сторону. Нужно бежать. Как можно дальше. Он падал, переворачиваясь в воздухе, пытаясь кричать, но для крика не хватало воздуха, воздуха не хватало ни на что.

Внезапно голые холмы исчезли, он больше не падал. Жухлая, побитая морозом трава сминалась под сапогами, она напоминала цветы. Он чуть не рассмеялся, увидев растущие тут и там деревья и кусты без единого листика, усеивающие холмистую равнину, что окружала его теперь. Позади в отдалении возвышалась одинокая гора, с обломанной и расщепленной вершиной, но от этой горы не веяло ни страхом, ни отчаянием. Простая гора, хотя здесь для нее – странное место: других гор поблизости не было.

Возле горы протекала широкая река, на острове посреди реки раскинулся город, какой мог быть в сказаниях менестреля, город, окруженный высокими стенами, которые под теплыми лучами солнца отливали белизной и серебром. Со смешанным чувством облегчения и радости Ранд направился к этим стенам, за которыми – он откуда-то знал – обретет убежище и спокойствие души.

Подойдя ближе к стенам, он различил устремившиеся ввысь башни, многие из них соединялись между собой чудными переходами, висящими в воздухе. Высокие арки мостов перекинулись с берегов реки к городу на острове. Даже издали можно было разглядеть кружево каменной кладки пролетов этих мостов, кажущихся чересчур изящными и хрупкими, чтобы противостоять напору бурлящего под ними быстрого потока. За этими мостами – безопасность. Убежище.

Вдруг морозный озноб пробежал по костям, холодный пот выступил у Ранда на спине, а воздух вокруг него стал отдавать сыростью и зловонием. Не оглянувшись, он бросился бежать – бежать от преследователя, чьи леденящие пальцы задели его спину и дернули за плащ, бежать от поглощающей свет фигуры с лицом, которое... Ему не удавалось припомнить лицо, один лишь ужас от него. Он не хотел вспоминать это лицо. Он бежал, и земля мелькала у него под ногами, неровные холмы и плоская равнина... ему захотелось завывать бешеной собакой. Чем быстрее старался он бежать, тем дальше отодвигались белые сверкающие стены и убежище. Они становились все меньше и меньше, пока не превратились в бледное пятнышко на горизонте. Холодная рука преследователя ухватила Ранда за ворот. Если эти пальцы коснутся его, то он сойдет с ума. Или хуже. Намного хуже. И в тот же миг, когда эта уверенность овладела им, он споткнулся и рухнул...

– Нееееет! – завопил он.

...И охнул, когда булыжники мостовой вышибли из него дух. С изумлением озираясь, он поднялся на ноги. Он стоял на дороге, ведущей к одному из тех переброшенных через реку чудесных мостов. Мимо Ранда шли улыбающиеся люди, люди, одетые в такие яркие одежды, что невольно вспоминался цветущий луг. Некоторые заговаривали с ним, но он не понимал их, хотя слова казались знакомыми. Лица были доброжелательны, и люди жестаами приглашали Ранда идти вперед, через мост со сложным каменным узором, вперед, к сияющим с серебри-

стыми проблесками стенам и высящимся за ними башням. Вперед, к убежищу, что ждало его там.

Он слился с толпой, текущей через мост в город, сквозь массивные ворота, врезанные в высокие, первозданно чистые стены. За стенами начиналась страна чудес, где самое скромное здание выглядело дворцом. Как будто строителям приказали взять камень, кирпич, черепицу, изразец и создать такую красоту, от которой у смертного должно захватить дух. На любое здание, на каждый памятник нужно было смотреть широко раскрытыми от удивления глазами. Музыка плыла по улицам, сотня разных песен, но все они объединялись с гомоном толпы в одну величественную, преисполненную радости и гармонии мелодию. Ароматы нежных благовоний, острых пряностей, множества цветов, удивительных кушаний струились в воздухе, – здесь словно были собраны все самые приятные в мире запахи.

Улица, по которой Ранд вошел в город, – широкая, вымощенная гладким серым камнем, – вела его прямо к центру. Впереди вырисовывалась самая большая и самая высокая в этом городе башня – ослепительно-белая, будто свежесвыпавший снег. Эта башня стояла там, где для Ранда было убежище, и она олицетворяла собой знание, которое он искал. Но такого города Ранд никогда даже в грезах не видел. Разве будет иметь какое-то значение, если он ненадолго задержится на пути к башне? Он свернул в узкую улицу, где давали представление жонглеры, окруженные уличными торговцами, наперебой предлагающими неизвестные Ранду фрукты.

Перед ним, дальше по улице, стояла белоснежная башня. Та же самая башня. Еще немного, подумал он и свернул за угол. В дальнем конце этой улицы тоже возвышалась белая башня. Он упрямо повернул на другую улицу, еще на одну, и всякий раз взор его наткнулся на белую, как алебастр, башню. Ранд бросился бежать прочь от нее... и застыл, опешив. Перед ним вновь выросла белая башня. Он не решался оглянуться назад, опасаясь увидеть ее и там.

Лица вокруг юноши по-прежнему были дружелюбны, но на них лежала теперь печать разбитой надежды – надежды, которую разрушил он. По-прежнему люди приглашали его идти вперед – но умоляющими жестами. Идти к башне. В их глазах застыло крайнее отчаяние, и лишь он мог выполнить их просьбу, лишь он мог спасти их.

«Очень хорошо», – подумал он. В конце концов, башня была там, куда он и хотел попасть.

Едва Ранд сделал первый шаг, как разочарование покинуло окружающих и их лица озаарились улыбками. Они пошли вместе с ним, и маленькие дети усыпали его путь лепестками цветов. В замешательстве Ранд посмотрел через плечо, чтобы выяснить, кому предназначены эти цветы, но позади него были только радостно улыбающиеся люди, машущие ему руками. «Должно быть, цветы для меня», – подумал он и удивился, почему такая мысль вдруг не кажется ему необычной. Но мимолетное удивление сразу же растаяло; все было так, как и должно быть.

Сначала запел один человек, затем к нему присоединился другой, и вскоре голоса всех зазвучали в величественном гимне. Ранд по-прежнему не понимал смысла слов, но множество переплетающихся созвучий провозглашали радость и спасение. Музыканты забавлялись в текущей вокруг толпе, присоединяя свои флейты, арфы, барабаны к всеобщему славословию, и все песни, что он слышал раньше, сливались воедино без единой фальшивой ноты. Вокруг Ранда танцевали девушки, обвивая его шею гирляндами из душистых цветов, осыпая цветами его плечи. Они улыбались ему, их восторженность росла с каждым его шагом. Он не мог не улыбнуться в ответ. Ноги сами хотели кружиться в этом танце, и едва он подумал об этом, как начал танцевать, причем так, будто знал все движения с рождения. Он запрокинул голову и засмеялся; ноги его ступали легче и быстрее, чем когда он танцевал с... Он не мог вспомнить имени, но оно и не казалось важным.

Это твоя судьба, прошелестел голос у него в голове, и шепот нитью вплется в победный гимн.

Толпа, что несла Ранда, словно прутик на гребне волны, хлынула на гигантскую площадь в центре города, и сейчас он впервые разглядел, что белая башня возвышается над огромным, бледного мрамора дворцом, скорее изваянным, чем построенным, с гнутыми стенами, выпуклыми куполами, изящными, устремленными к небу шпилями. От этого великолепия Ранд в благоговейном трепете затаил дыхание. Широкая лестница из перевозданно чистого белого камня вела от площади ко дворцу, и у подножия ступеней люди остановились, но песнь их зазвучала еще громче. Голоса нарастали, окрыляя его. *Твоя судьба*, прошептал голос, теперь настойчивый и энергичный.

Он больше не танцевал, но и не остановился. Без колебаний он взошел по лестнице. Ему – туда.

Наверху лестницы перед ним предстали массивные двери, покрытые орнаментом в виде завитков, столь сложным и искусным, что ему невозможно было представить себе резец такой тонкий, который бы вырезал его. Створки ворот распахнулись, и Ранд вошел. Ворота с гулким стуком, похожим на раскат грома, закрылись за ним.

– Мы ждали тебя, – прошипел мурддраал.

Ранд резко сел прямо, вытянувшись струной, глотая воздух и дрожа, тараща глаза. Тэм спал на кровати. Понемногу дыхание юноши выровнялось. Полусгоревшие поленья потрескивали в камине, возле каминного прибора аккуратная горка угля – кто-то побывал здесь, пока он спал, и позаботился об этом. На полу, у его ног, лежало одеяло: оно сползло, когда Ранд проснулся. Исчезла и изготовленная им на скорую руку волокуша, у двери висели плащи, его и Тэма.

Не слишком твердой рукой Ранд утер холодную испарину с лица и задумался, не привлечет ли он внимание Темного, если назовет его по имени не наяву, а во сне.

За окном стусились сумерки; высоко в небе висела луна, круглая и толстобокая, над Горами тумана зажглись вечерние звезды. Ранд проспал весь день. Он потер ноющий бок. По-видимому, пока он спал, рукоять меча вдавилась ему в ребра. Нечего удивляться, что ему снились кошмары: затекший бок, пустой желудок, да еще и прошлая ночь.

В животе у Ранда заурчало, он поднялся, потянулся и подошел к столу, где миссис ал'Вир оставила поднос. Юноша снял белую салфетку. Хотя он проспал довольно долго, говяжий бульон не остыл и хлебец с хрустящей корочкой был еще теплым. Здесь явно чувствовалась заботливая рука миссис ал'Вир – она принесла другой поднос. Раз она решила, что тебе нужно поесть горячего, то не отступится, пока еда не окажется у тебя внутри.

Ранд с жадностью глотнул немного бульона, положил на ломоть хлеба мясо и сыр, накрыл сверху еще одним куском хлеба и сунул все это в рот. Откусив пару раз сколько смог, он вернулся к кровати.

Похоже, миссис ал'Вир не обделила своим вниманием и Тэма. Он был раздет, вычищенная одежда аккуратно сложена на прикроватном столике, одеяло подтянуто к самому его подбородку. Когда Ранд коснулся лба отца, Тэм открыл глаза.

– Вот и ты, мальчик мой! Марин говорила, что ты здесь, но я даже сесть не мог, чтобы взглянуть на тебя. Она сказала, ты очень устал, и, по ее мнению, не стоит тебя будить только ради того, чтоб посмотреть на тебя. Даже Брану переубедить ее не под силу, если она вобьет себе что-то в голову.

Голос Тэма был слаб, но взгляд – ясен и тверд. Айз Седай была права, подумал Ранд. Отлежавшись, отец будет здоров, как и прежде.

– Может, тебе принести чего-нибудь перекусить? Миссис ал'Вир тут поднос оставила.

– Она меня уже накормила... если так можно сказать. Одним бульоном сыт не будешь, а больше ничего не дала. Как не быть плохим снам, если у человека один бульон в... – Тэм неловко выпростал руку из-под покрывала и прикоснулся к мечу на поясе у Ранда. – Значит,

это был не сон. Когда Марин сказала мне, что я заболел, мне подумалось, что я... Но с тобой все в порядке. Это самое главное. Что с фермой?

Ранд глубоко вздохнул:

– Троллоки перебили овец. Думаю, и корову они же увели, а дому требуется большая уборка. – Он выдал слабую улыбку. – Нам повезло больше, чем другим. Полдеревни сожжено.

Ранд рассказал Тэму обо всем, что случилось, или почти обо всем. Тэм слушал внимательно и задавал точные вопросы, так что скоро Ранд уже рассказывал о своем возвращении из леса в дом, на ферму, отсюда недалеко было и до убитого им троллока. Ему пришлось рассказать и о том, как Найнив заявила, что Тэм умирает, – чтобы объяснить, почему лечением занялась не Мудрая, а Айз Седай. При этом известии – Айз Седай в Эмондовом Лугу – у Тэма расширились глаза. Но Ранд не считал необходимым касаться каждого шага путешествия с фермы, или своих страхов, или мурддраала на дороге. И уж естественно, он ни словом не обмолвился о своих кошмарах, привидевшихся ему подле постели отца. Тем более юноша не видел никаких причин упоминать о бессвязном горячечном бреде. Не время. Правда, еще оставался рассказ Морейн: избежать его было нельзя.

– Что ж, такой рассказ сделал бы честь менестрелю, – тихо произнес Тэм, когда Ранд закончил свою историю. – Чего же хотели троллоки от вас, ребята? Или сам Темный, да поможет нам Свет?

– По-твоему, она лгала? Судя по словам мастера ал'Вира, она сказала правду: напали только на две фермы. И про дом мастера Лухана, и про дом мастера Коутона – тоже правда.

Минуту Тэм задумчиво молчал, потом произнес:

– Перескажи-ка мне, что она говорила. Припомни в точности ее слова – что она говорила.

Ранд постарался вспомнить. Кому когда-либо приходилось вспоминать *точные* слова, которые он слышал? Ранд пожевал губами и почесал затылок, и понемногу копание в памяти дало свои плоды.

– Больше мне ничего не приходит на память, – закончил он. – Я не совсем уверен, что она сказала именно так, но точнее вспомнить не могу.

– Годится. Все так, да? Видишь ли, парень, Айз Седай – хитроумны. Они не лгут тебе прямо в глаза, но правда, которую говорят Айз Седай, – не всегда та правда, о которой ты думаешь. Будь с нею настороже.

– Я слышал сказания, – с обидой ответил Ранд. – Я не ребенок.

– Да, ты не ребенок, конечно же. – Тэм тяжело вздохнул, потом досадливо пожал плечами. – Мне бы надо пойти вместе с тобой. Мир вне Двуречья ничего общего не имеет с Эмондовым Лугом.

Вот и настал удачный момент, чтобы порасспросить Тэма о том, как он ушел из Двуречья, и обо всем прочем, но Ранд им не воспользовался. Наоборот, он оторопел.

– Только и всего? Я думал, ты попробуешь уговорить меня выкинуть эти мысли из головы. Мне казалось, у тебя найдется сотня причин, чтобы я не уходил.

Ранд понял: в душе своей он лелеял надежду, что у Тэма будет эта сотня причин, и причем убедительных.

– Может, и не сотня, – хмыкнул Тэм, – но кое-какие причины на ум пришли. Только немногого они стоят. Если троллоки явились за тобой, то в Тар Валоне ты будешь целее, чем где-нибудь тут. Только заруби себе на носу: будь осторожен. У Айз Седай свои причины, чтобы поступать так или иначе, и эти причины – не всегда те, о которых думаешь ты.

– Менестрель что-то похожее говорил, – медленно произнес Ранд.

– Значит, он знает, о чем говорит. Слушай чутко, думай крепко и не распускай язык. Вот добрый совет для любых дел вне Двуречья, но особенно – с Айз Седай. И со Стражами. Сказать что-то Лану – все равно что сказать Морейн. Коли он Страж, то связан с нею узами,

будь уверен, – как и в том, что этим утром взошло солнце, и нет у него такого секрета, который останется тайной для нее.

Ранд мало что знал об узах между Айз Седай и Стражами, хотя эти узы играли важную роль во всех известных ему сказаниях о Стражах. Что-то такое, имеющее отношение к Силе, дар Стражу или, может, нечто вроде обмена. Как утверждали предания, Стражи получали от этого всяческие блага. Они выздоравливали гораздо быстрее, чем другие люди, могли намного дольше обходиться без сна, без воды и еды. По общему мнению, еще не видя троллоков, они могли ощущать присутствие их, окажись те поблизости, как и прочих созданий Темного, – этим объясняется попытка Лана и Морейн предупредить деревню еще до троллочьего нападения. О том, что приобретали Айз Седай, сказания умалчивали, но Ранд ни на минуту не поверил бы, что они от этого ничего не имели.

– Я буду осторожен, – сказал Ранд. – Просто хотелось бы знать, с какой стати. Нет же никакого смысла. Почему я? Почему мы?

– Я тоже хотел бы знать, мальчик мой. Кровь и пепел, мне тоже хотелось бы это знать. – Тэм тяжело вздохнул. – Ладно, что проку в стараниях загнать разбитое яйцо обратно в скорлупу? Когда тебе нужно уходить? Через день-другой я встану на ноги, и мы сможем подумать о том, чтобы завести новое стадо. У Орена Дуотри имеется хороший скот, которым он, может, захочет поделиться, раз уж с выпасами туго, да и Джон Тэйн не откажет.

– Морейн... Айз Седай распорядилась, чтобы ты оставался в постели. Недели, она сказала. – Тэм открыл было рот, но Ранд продолжал: – И она договорилась об этом с миссис ал'Вир.

– Гм. Что ж, может, я сумею переубедить Марин. – Особой надежды, однако, в голосе Тэма не слышалось. Он бросил на Ранда острый взгляд. – Судя по тому, как ты постарался увильнуть от ответа, уходить тебе нужно очень скоро. Завтра? Или сегодня вечером?

– Сегодня вечером, – тихо произнес Ранд, а Тэм опечаленно кивнул:

– Да. Что ж, если это должно быть сделано, то лучше не мешкать. Ну а насчет «недель» мы еще посмотрим. – Он дернул за одеяло больше с раздражением, чем с силой. – Наверное, через несколько дней все равно я двинусь за тобой. Нагоню по дороге. Посмотрим, сумеет ли Марин удержать меня в постели, когда я захочу встать.

Раздался легкий стук в дверь, и в комнату сунул голову Лан.

– Быстрее прощайся, овечий пастух, и идем. Возможны неприятности.

– Неприятности? – переспросил Ранд, и Лан не терпящим возражений тоном рявкнул на него:

– Именно! Поторапливайся!

Ранд поспешно схватил плащ. Он стал расстегивать ремень меча, но Тэм остановил его:

– Оставь себе. Тебе он наверняка пригодится больше, чем мне, а лучше бы – будь на то воля Света – никому из нас. Будь осторожен, парень. Слышишь?

Не обращая внимания на непрекращающееся ворчание Лана, Ранд наклонился и крепко обнял Тэма:

– Я вернусь. Обещаю тебе!

– Конечно вернешься, – засмеялся Тэм. Он слабой рукой прижал к себе на прощание Ранда и похлопал его по спине напоследок. – Я знаю. К твоему возвращению у меня будет вдвое больше овец, чтоб тебе было чем заняться. Теперь иди, а не то этот приятель еще ненароком поранится.

Ранд помедлил, пытаясь найти слова, чтобы спросить о том, о чем не хотел спрашивать, но Лан, не вытерпев ожидания, вошел в комнату, схватил юношу за руку и выволок его в коридор. Страж был облачен в матово поблескивавшую металлом рубаху серо-зеленых чешуйчатых доспехов. Голос Лана срывался от гнева:

– Нам нужно торопиться! Тебе непонятно слово «неприятности»?

В коридоре уже ждал Мэт, в плаще и куртке, с луком в руке. На поясе его болтался колчан. Мэт беспокойно качался на пятках и поглядывал в сторону лестницы. Во взгляде его читалось нетерпение пополам со страхом.

– Это не очень-то похоже на сказания, а, Ранд? – хриплым голосом произнес он.

– Что за неприятности? – спросил Ранд, но вместо ответа Страж устремился мимо него вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Мэт рванул за ним, махнув Ранду рукой, чтобы он бежал следом.

Пожав плечами под накинутым плащом, юноша догнал спутников внизу. Общая зала была слабо освещена; половина свечей уже догорела, большая часть остальных оплыли в огарки. Кроме Лана, Мэта и Ранда, здесь никого не было. Мэт стоял возле одного из окон, выходящих на Лужайку, выглядывая наружу, и при этом, похоже, старался, чтобы его не заметили. Лан чуть приоткрыл дверь и через щель всматривался во двор гостиницы.

Решив узнать причину такого внимания, Ранд подошел к ним. Страж проворчал, чтобы он поостерегся, но приоткрыл дверь пошире, чтобы дать возможность выглянуть и Ранду.

Сначала тот не совсем осознал увиденное. Толпа односельчан, около трех дюжин, окружила сгоревший остов фургона торговца, ночь отступила от нескольких пылающих факелов. Лицом к собравшимся и спиной к гостинице стояла Морейн, с нарочитой небрежностью опираясь на жезл. Впереди толпы Ранд разглядел троих: Хари Коплина, его брата Дарла и Байли Конгара. Там же находился Кенн Буйе, который, по всей видимости, чувствовал себя не в своей тарелке. Ранд был потрясен, увидев, как Хари размахивает кулаком перед Морейн.

– Убирайся из Эмондова Луга! – кричал женщине угрюмолицый фермер.

Несколько голосов в толпе поддержали его, но не очень решительно, и вперед никто не пошел. Очевидно, в толпе, чувствуя локоть другого, они готовы были выступить против Айз Седай, но выделяться из толпы никто не спешил. Никому не хотелось встать напротив Айз Седай, у которой есть все основания обижаться на них.

– Это ты привела чудовищ! – орал Дарл. Он взмахнул факелом над головой, и раздались нестройные выкрики «Ты привела их!» и «Это твоя вина!», среди которых выделялся голос кузена Дарла – Байли.

Хари ткнул локтем Кенна Буйе, и старый кровельщик поджал губы и бросил на него косо взгляд.

– Эти твари... эти троллоки не появлялись, пока не пришли вы, – едва слышно промямлил Кенн. С мрачным видом он покрутил головой из стороны в сторону, как бы желая оказаться где-нибудь в другом месте и выискивая подходящую дорогу. – Вы – Айз Седай. Нам в Двуречье никто из вас и вам подобных даром не нужен! От Айз Седай одни беды, они их на хвосте приносят. Если вы останетесь, их будет еще больше.

Речь его у собравшихся селян отклика не нашла, и Хари выглядел разочарованным и сердито хмурил брови. Вдруг он выхватил у Дарла факел и вытянул его в сторону Морейн.

– Убирайся! – заорал он. – Или мы тебя сожжем!

Повисла гробовая тишина, люди испуганно попятнулись. Народ Двуречья, если на него нападали, мог дать сдачи, но насилие вовсе не было в обычае, и угрожать людям было для двуреченцев чуждо, если не считать случайного размахивания кулаками. Кенн Буйе, Байли Конгар и Коплины остались впереди односельчан одни. К тому же у Байли был такой вид, будто он готов дать деру.

Хари, почувствовав отсутствие поддержки, беспокойно вздрогнул, но быстро оправился.

– Убирайся! – выкрикнул он снова, ему вторил Дарл и едва слышно Байли.

Хари свирепо обернулся к остальным. Большинство отводили глаза в сторону.

Неожиданно из теней выступили Бран ал'Вир и Харал Лухан и остановились в стороне от Айз Седай и от толпы. В руке мэра небрежно держал большой деревянный молоток, которым обычно вбивал краны в бочки.

– Тут кто-то предлагает спалить мою гостиницу? – вкрадчиво осведомился мастер ал’Вир.

Оба Коплина сделали шаг назад, а Кенн Буйе бочком отошел от них. Байли Конгар юркнул в толпу.

– Нет, – быстро сказал Дарл. – Мы этого никогда не говорили, Бран... э-э-э... мэр.

Бран кивнул:

– Тогда я, верно, слышал, как ты грозишь постояльцам моей гостиницы?

– Она – Айз Седай! – гневно начал Хари, но слова застряли у него в горле, когда шевельнулся Харал Лухан.

Кузнец просто потянулся, вытянув над головой руки, сжав огромные кулачищи до хруста в суставах, но Хари смотрел на него так, словно один из этих кулаков сунули ему под нос. Харал сложил руки на могучей груди.

– Прошу прощения, Хари. Я не хотел тебя перебивать. Что ты говоришь?

Однако Хари, похоже, вообще утратил всякое желание говорить, он ссутулился, опустил плечи, словно пытаюсь сжаться и исчезнуть с глаз долой.

– Удивляюсь я вам, люди! – гневно выпалил Бран. – Пайт ал’Каар, минувшей ночью у твоего парнишки была сломана нога, но сегодня я видел, как он ходил, – это ведь ее заслуга? Эвард Кэндвин, ты валялся на брюхе с разрубленной спиной, словно выпотрошенная рыба, пока она не возложила на тебя руки. А теперь все выглядит так, будто поранили тебя месяц назад, и я не ошибусь, утверждая, что от твоей раны останется только шрам. А ты, Кенн, – (кровельщик попытался скрыться в толпе, но остановился, неловко ежась под пристальным взглядом Брана) – я был бы потрясен, встретив тут кого-то из Совета деревни, Кенн, а уж тебя... Твоя рука до сих пор безвольно болталась бы сбоку, вся в ожогах и ушибах, не будь здесь ее. Если у тебя нет благодарности, то и стыда нет.

Кенн приподнял было правую руку, потом сердито отвел от нее взгляд.

– Не стану отрицать того, что она сделала, – заворчал он пристыженно. – Она помогла мне и другим, – продолжал Кенн заискивающим тоном, – но она же Айз Седай, Бран. Если эти троллоки пришли не из-за нее, то почему они вообще пришли? Мы, в Двуречье, не хотим иметь ничего общего с Айз Седай. Пусть она вместе со своими неприятностями держится от нас подальше.

Несколько человек, предусмотрительно из глубины толпы, выкрикнули: «Не надо нам Айз Седай с их неприятностями!», «Прогнать ее!», «Прочь, выгнать ее!», «Чего они пришли, если не из-за нее?».

Лицо Брана стало наливаться гневом, но он не успел сказать и слова, как Морейн неожиданно подняла вверх свой резной жезл и завертела его двумя руками над головой. Толпа охнула, вслед за ней и Ранд, когда из кончиков вращающегося жезла ударило шипящее белое пламя – словно огненные наконечники копья. Даже Бран и Харал чуть подались назад. Морейн резким движением выбросила руки перед собой, держа посох параллельно земле, но белый огонь, вырывавшийся из оконечников жезлов, по-прежнему пылал ярче факелов. Народ шарахнулся в стороны, заслоняя руками глаза, которым стало больно от яркого блеска.

– К чему пришла кровь Аэмона? – Голос Айз Седай не был громок, но перекрывал весь шум. – Народец, что вздорно спорит по пустякам за право спрятаться, подобно кроликам? Вы забыли, кем вы были, забыли, какими вы были, а я надеялась, что осталась какая-то малая часть, какая-то память в вашей крови и плоти. Какие-то крупинцы, чтобы закалить вас в преддверии долгой ночи.

Никто не произнес ни слова. Оба Коплина выглядели так, будто они никогда больше рта не раскроют.

Бран произнес:

– Забыли, кем мы были? Мы – те, кем мы всегда и были. Честные фермеры, пастухи, ремесленники. Народ Двуречья!

– На юге, – сказала Морейн, – лежит река, которую вы называете Белой рекой, однако далеко к востоку отсюда люди зовут ее тем названием, что принадлежит ей по праву: Манетерендрелле. На древнем языке – Воды Горного Приюта. Искрящиеся воды, что некогда протекали через страну храбрости и красоты. Две тысячи лет назад струилась Манетерендрелле мимо стен города в горах, столь прекрасного, что каменщики-огиры приходили любоваться на него. Повсюду и в этой местности были разбросаны фермы и деревни, и в той, что вы зовете Лесом теней, и дальше. Но все эти люди считали себя народом Горного Приюта, народом Манетерен. Королем их был Аэмон ал Каар ал Торин, Аэмон, сын Каара, сына Торина, а Элдрин ай Эллан ай Карлан была его королевой. Аэмон, муж столь бесстрашный, что величайшей похвалой за храбрость, даже среди его врагов, было сказать, что у человека сердце Аэмона. Элдрин, столь прекрасная, что, как рассказывали, цветы раскрывали лепестки, чтобы заслужить ее улыбку. Смелость и красота, мудрость и любовь, которых даже смерти не разлучить. Оплачьте, если у вас есть сердце, то, что они погибли, то, что исчезла сама память о них. Оплачьте то, что пресекался их род.

Потом Морейн умолкла, но никто не заговорил. Ранд, как и все, целиком подпал под власть чар Морейн. Когда она вновь заговорила, он, как и остальные, жадно вслушивался в каждое слово.

– Около двух столетий Троллоковы войны опустошали мир, и, где бы ни кипела битва, стяг с красным орлом, знамя Манетерен, реял в самой гуще сражения. Воины Манетерен были занозой в ступне Темного и куманикой в его руках. Пойте о Манетерен, что никогда не склонялась перед Тенью. Пойте о Манетерен, о мече, который нельзя было сломать.

Они были далеко, воины Манетерен, на поле Беккар, прозванном Полем Крови, когда пришло известие о том, что армия троллоков идет на их родину. Слишком далеко, чтобы сделать что-нибудь, кроме как ждать вестей о гибели родной страны, ибо войска Темного намеревались покончить с нею. Сокрушить могучий дуб, обрубив его корни. Слишком далеко, чтобы сделать что-нибудь, оставалось только скорбеть. Но они были народом Горного Приюта.

Без колебаний, без раздумий о расстоянии, которое нужно преодолеть, они двинулись маршем с того самого поля победы, все еще покрытые пылью, потом и кровью. День и ночь шли они, ибо видели ужас, оставленный повсюду армией троллоков, и никто из них не мог уснуть, пока такая опасность грозила Манетерен. Они шли, будто ноги их обрели крылья, шли дальше и быстрее, чем могли надеяться друзья или чем могли опасаться враги. В другие дни об одном лишь этом походе слагали бы песни. Когда армии Темного устремились на земли Манетерен, перед ними стояли воины Горного Приюта, за спиной у них была Тарендрелле.

Кое-кто из жителей деревни одобрительно зашумел, но Морейн продолжала говорить, будто не слыша их:

– Полчище, вставшее перед Манетерен, могло своим числом утратить самое храброе сердце. Небо было черно от воронов; земля почернела от троллоков. От троллоков и их союзников-людей. Троллоки и приспешники Тьмы, в десятках десятков тысяч под командованием Повелителей ужаса. Ночью их походных костров было больше, чем звезд в небе, а с рассветом над троллоковыми армиями взметнулось знамя Ба'алзамона. Ба'алзамон, Сердце Мрака. Древнее имя Отца Лжи. Темный не мог освободиться из своего узилища в Шайол Гул, ибо, будь он со своим воинством, даже все силы рода людского не выстояли бы против него, но мощь его была здесь. Повелители ужаса и некое зло, что установило это знамя, от которого мерк свет, казалось, дополняли одни другое, и холод заползал в души людей, стоявших лицом к лицу с ними.

Однако они знали, что должны делать. Их родная страна была совсем рядом, за рекой. Они должны удержать это полчище и ту силу, что явилась с ним, не пустить их в Горный Приют.

Аэмон разослал вестников. Была обещана помощь, если им удастся выстоять у Тарендрелле не меньше трех дней. Три дня сдерживать врага, который мог сокрушить их в первый же час. Но каким-то образом, отразив кровавую атаку и отчаянно обороняясь, они держались час, другой, третий. Три дня они сражались, и, хотя земля была залита кровью, будто на бойне, враг не захватил ни единой переправы. К исходу третьей ночи помощь не пришла, не явились и вестники, и сражались они одни. Шесть дней. Семь. И на десятый день Аэмон познал горечь предательства. Не пришло никаких подкреплений, и дольше оборонять переправы через реку его поредевшее войско не могло.

– Что же они сделали? – спросил Хари.

Свет факелов дрожал под холодным ночным ветерком, но никто не думал плотнее закутаться в плащи.

– Аэмон переправился через Тарендрелле, – сказала Морейн, – разрушив за собой переправы. И по всей стране он разослал вест, чтобы люди спасались бегством, поскольку понимал: те силы, что идут с троллоковой ордой, найдут способ переправиться через реку. Уже когда сообщения были отправлены, началась переправа троллоков, и солдаты Манетерен вновь вступили в бой, ценою своих жизней покупая те часы, которые дали бы возможность спастись их народу. В городе Манетерен Элдрин отправляла свой народ в лесные дебри и в горные крепости.

Но некоторые не бежали. Сначала тонким ручейком, затем рекой, потом бурным потоком шли люди, но не прятаться, а чтобы присоединиться к армии, сражающейся за родной край. Пастухи с луками, фермеры с вилами, дровосеки с топорами. Шли женщины, взвалив на плечи то оружие, которое смогли отыскать, шагали бок о бок со своими мужьями. Среди тех, кто отправился в этот путь, не было ни одного, кто бы не знал, что вернуться ему не суждено. Но это была их страна. Это была земля их отцов, и она должна была стать землей их детей, и они шли платить за нее дорогой ценой. Ни пяди земли они не уступали, пока она не пропитывалась кровью, но в конце концов армию Манетерен оттеснили – оттеснили вот сюда, к этому месту, что вы зовете Эмондовым Лугом. И здесь орды троллоков окружили их.

В голосе Морейн слышались сдерживаемые холодные слезы.

– Мертвые троллоки и тела людей-предателей громоздились курганами, но все новые лезли и лезли через эти груды волнами смерти, и не было им конца. Конец мог быть только один. Ни один мужчина, ни одна женщина, что стояли под знаменем с красным орлом на заре того дня, не дожили до прихода ночи. Меч, который нельзя было сломать, был разбит вдребезги.

В Горах тумана, оставшись одна в опустевшем городе Манетерен, Элдрин почувствовала гибель Аэмона, и сердце ее умерло вместе с ним. Там, где раньше было сердце, осталась лишь жажда мести – мести за свою любовь, мести за свой народ и за свою страну. В горе она потянулась к Истинному Источнику и обрушила на троллоково воинство Единую Силу. И тут же погибли Повелители ужаса, где бы они ни находились: на своих тайных советах или в рядах своих солдат, которых они вели в бой. В мгновение ока были объаты пламенем Повелители ужаса и генералы полчищ Темного. Огонь пожрал их тела, и ужас охватил их только что победившее войско.

Теперь бежали они, словно звери, спасающиеся от быстрого лесного пожара, не думая ни о чем, кроме бегства. На север и юг бежали они. Тысячами тонули, пытаясь переправиться через Тарендрелле без помощи Повелителей ужаса; в страхе перед тем, что преследовало их, они сносили мосты через Манетерендрелле. Там, где они обнаруживали людей, они убивали и жгли, но ими владела одна мысль – бежать. И они бежали, пока наконец ни одного из них не осталось в землях Манетерен. Они рассеялись, словно пыль под натиском урагана. Возмездие настигло всех, пусть и запоздав, когда их преследовали и убивали другие народы, другие армии

в других странах. Из тех, кто участвовал в резне на Аэмоновом лугу, в живых не остался ни один.

Но для Манетерен цена оказалась высока. Элдрин пропустила через себя Единой Силы больше, чем мог бы справиться без посторонней помощи любой человек. Едва пали вражеские генералы, погибла и она, и пламя, которое поглотило ее, поглотило и покинутый город Манетерен, даже камни его, проникнув до нынешних горных утесов. Однако народ был спасен.

Ничего не осталось от их ферм, от их деревень, от их великого города. Кто-то мог бы сказать, что им не оставалось ничего – ничего, кроме как уйти в другие страны, где и начать все заново. Но не они. Такой ценой – кровью и надеждами на будущее – заплатили они за свою землю, ценой, которой никогда не платили раньше, и теперь были связаны с этой землей узами крепче стали. Другие войны разрушительно проносились над ними в грядущих годах, пока в конце концов их уголок мира не был забыт и пока наконец они не забыли о войнах и о том, как воевать. Никогда более не возвысился Манетерен. Его взметнувшиеся ввысь шпили и плещущие фонтаны превратились в грезы, понемногу стираясь из памяти народа. Но они, и дети их, и дети их детей держались за землю, что принадлежала им. Они держались за нее и тогда, когда долгие столетия стерли из воспоминаний причины этого. Они держались за нее до нынешних пор, до сегодняшнего дня, и они – это вы. Так оплачьте Манетерен. Оплачьте то, что потеряно навеки!

Огни на посохе Морейн замерцали и погасли, и она опустила его так, будто он весил добрую сотню фунтов. Долгое время слышался лишь стон ветра. Затем мимо Коплинов протолкался вперед Пайт ал'Каар.

– Как-то я в толк не возьму ваш рассказ, – произнес длиннолицый фермер. – Я не заноза в ноге у Темного, да и не буду ею никогда. Но благодаря вам мой Вил может ходить, и потому мне стыдно, что я здесь. Не знаю, простите ли вы меня, но, захотите вы того или нет, я буду просить прощения. По мне – так оставайтесь вы в Эмондовом Лугу, сколько вам захочется.

Быстро наклонив голову, почти поклонившись, он протолкался обратно через толпу. Тогда и прочие робко стали бормотать извинения, стыдливо пряча глаза и торопливо исчезая один за другим. Коплины, с кислыми, злыми лицами и хмурясь еще больше, поозирались вокруг и растворились в ночи без единого слова. Байли Конгар успел уже испариться раньше, опередив своих кузенов.

Лан потянул Ранда за куртку и закрыл дверь.

– Идем, парень. – Страж направился в заднюю часть гостиницы. – Ступайте сюда, оба. Живее!

Ранд помедлил, удивленно переглянувшись с Мэтом. Пока Морейн рассказывала о прошлом, даже дхурраны мастера ал'Вира не оттащили бы его от двери, но сейчас нечто иное удерживало его на месте: вот оно, настоящее начало, – выйти из гостиницы и отправиться за Стражем в ночь... Ранд встряхнулся и постарался укрепиться в своем решении. Иного выбора, кроме как уйти, у него нет, но он должен обязательно вернуться в Эмондов Луг, каким бы далеким и долгим ни оказалось предстоящее ему путешествие.

– Чего ждете? – спросил Лан, стоя в задних дверях, ведущих во двор из общей залы. Вздрогнув, Мэт заспешил к нему.

Пытаясь убедить себя в том, что он на пороге грандиозного приключения, Ранд направился вслед за Ланом и Мэтом через темную кухню во двор конюшни.

Глава 10

Отъезд

Единственный фонарь с полуприкрытыми заслонками свисал с гвоздя, вбитого в опорный столб конюшни. Тусклый свет оставлял большую часть стойл в глубоком сумраке. Когда Ранд вошел в конюшню со двора, почти наступая на пятки Мэту и Стражу, Перрин, сидевший привалившись спиной к дверце стойла, вскочил на ноги, зашуршав соломой. Тяжелый плащ свисал с плеч, скрывая всю его крупную фигуру.

Лан чуть приостановился, чтобы спросить:

– Ты посмотрел, где я сказал, кузнец?

– Я проверил, – отозвался Перрин. – Кроме нас, здесь никого нет. С чего бы кому-то прятаться...

– Осторожность и долгая жизнь идут рука об руку, кузнец. – Страж окинул взглядом погруженную в тени конюшню и поднял глаза к еще более глубоким теням сеновала, потом качнул головой. – Нет времени, – пробормотал он, похоже споря с собой. – Она сказала поторопиться.

И, словно подкрепляя свои слова, он, широко шагая, прошел под фонарь к пяти привязанным лошадям, уже взнузданным и оседланным. Двух – черного жеребца и белую кобылу – Ранд уже видел раньше. Другие, если и не такие же высокие и холеные, несомненно, производили впечатление лучших из тех лошадей, что могло предложить Двуречье. Быстро, но тщательно Лан принялся проверять сбрую и подпруги, кожаные ремешки, которыми были привязаны переметные сумы, бурдюки и скатки одеял позади седел.

Ранд неуверенно улыбнулся своим друзьям, изо всех сил стараясь выглядеть так, будто горит желанием отправиться в путь.

Мэт, только сейчас заметив меч на поясе Ранда, ткнул в него пальцем.

– Решил податься в Стражи? – Он засмеялся, потом, глянув на Лана, осекся. Страж, видимо, не обратил на эти слова внимания. – Или же в купеческую охрану? – продолжил Мэт с ухмылкой, которая, правда, казалась несколько натянутой. Он взвесил на руке свой лук. – Оружие честного человека тебе не очень-то подходит, да?

О том, чтобы похвастаться мечом, нарочито выставив его напоказ, Ранд, признаться, подумывал, но присутствие Лана остановило его. В его сторону Страж и не глядел, но юноша был уверен, что тот замечает все вокруг. Поэтому Ранд с преувеличенной небрежностью сказал:

– Он может оказаться полезным, – словно бы носить меч – дело вполне заурядное.

Зашевелился Перрин, стараясь что-то скрыть под складками плаща. Ранд мельком увидел широкий кожаный ремень на поясе подмастерья кузнеца: в кожаную петлю на ремне была продета рукоять топора.

– Что это у тебя там? – спросил он.

– Точно в купеческую охрану собрался, – присвистнул Мэт.

Лохматый парень так глянул на Мэта из-под насупленных бровей, что стало понятно: шуточками он уже сыт по горло; затем Перрин тяжело вздохнул и откинул полу плаща, демонстрируя топор. Тот не походил на обычный инструмент лесоруба. Весь его вид – широкое, полумесяцем, лезвие и изогнутый шип на обухе – делали этот топор для Двуречья вещью столь же чуждой, как и меч Ранда. Однако ладонь Перрина лежала на нем привычно.

– Мастер Лухан сделал его года два назад для охранника купца, закупавшего шерсть. Но когда работа была закончена, этот тип не захотел платить оговоренную плату, а на меньшую мастер Лухан не соглашался. Он мне его отдал, когда... – он кашлянул, потом стрельнул в Ранда тем же самым предостерегающим хмурым взглядом, каким раньше одарил Мэта, – когда застал меня упражняющимся с ним. Он сказал, что я могу взять его, пока он не решит сделать из него что-нибудь полезное.

– Упражняющимся, – тихо заржал Мэт, но, когда Перрин поднял голову, успокаивающе выставил вперед ладони. – Ну ладно, ладно! Как ты сам сказал. Можно подумать, кто-то из нас знает, как обращаться с настоящим оружием.

– Вот этот лук – настоящее оружие, – вдруг раздался голос Лана. Опираясь рукой на седло своего высокого вороного, он серьезно смотрел на парней. – Как и те пращи, что я видел у деревенских ребятишек. Хотя вы никогда и не пользовались ими иначе как для охоты на кроликов или чтобы отгонять волков от овец, они не перестают быть оружием. Все может стать оружием, если у мужчины или у женщины, которые держат его в руках, есть самообладание и желание пустить его в ход. Если хотите доехать до Тар Валона живыми, выкиньте из головы троллоков, она должна быть абсолютно пустой до тех пор, пока мы не выедем из Двуречья, из Эмондова Луга.

Лицо и голос Лана, холодные, как смерть, и безжалостные, точно грубо высеченное надгробье, стерли улыбки и оборвали треп. Перрин поморщился и, пряча топор, натянул плащ. Мэт уставился себе под ноги и принялся носком сапога ворошить солому на полу конюшни. Страж хмыкнул и вновь занялся своим делом. Молчание затягивалось.

– Все это не очень-то похоже на сказания, – вымолвил наконец Мэт.

– Не знаю, – угрюмо заметил Перрин. – Троллоки, Страж, Айз Седай. Чего еще тебе надо?

– Айз Седай, – прошептал Мэт таким тоном, будто ему сразу стало холодно.

– Ты ей веришь, Ранд? – спросил Перрин. – То есть я о том, чего троллокам от нас надо?

Втроем, как один, они взглянули на Стража. Лан, казалось, был занят только седельной подпругой белой кобылы, но друзья отступили поближе к воротам конюшни, подальше от него. Даже после этого они встали тесным кружком и заговорили вполголоса.

Ранд покачал головой:

– Не знаю, что и сказать, но она говорила правду: напали только на наши фермы. И здесь, в деревне, вначале напали на дом мастера Лухана и на кузницу. Я спрашивал у мэра. Столь же легко поверить в то, что они явились за нашими головами, как и в любое другое, что я могу придумать.

Внезапно Ранд понял, что оба его друга смотрят на него, широко раскрыв глаза.

– Ты спрашивал у мэра? – недоверчиво произнес Мэт. – Она велела никому не говорить.

– Я ему и не говорил, почему спрашиваю, – возразил Ранд. – Вы что, хотите сказать, вообще ни с кем нельзя разговаривать? Вы никому не дали знать, что уходите?

Перрин пожал плечами и оправдывающимся тоном произнес:

– Морейн Седай сказала – никому.

– Мы записки оставили, – сказал Мэт. – Родным. Утром их найдут. Ранд, да моя мать считает, что Тар Валон – нечто совсем близкое к Шайол Гул. – Он хохотнул, показывая, что не разделяет этого мнения. Смех прозвучал не очень убедительно. – Она бы меня в подвал заперла, если бы решила, что мне только мысль такая взбрела в голову.

– Мастер Лухан упрям как камень, – добавил Перрин, – а миссис Лухан и того пуще. Если б вы видели, как она роется в том, что осталось от дома, приговаривая, мол, пусть только троллоки вернутся, она им такую трепку задаст...

– Чтоб мне сгореть, Ранд, – сказал Мэт, – да, я знаю, она – Айз Седай и все такое прочее, но троллоки на самом деле здесь были. Она приказала никому не говорить. Если уж Айз Седай не знает, что с таким-то поделаться, то кто знает?

– Я не знаю. – Ранд потер лоб. Болела голова – ему никак не удавалось выбросить из головы тот сон. – Мой отец ей верит. По крайней мере, он согласен с тем, что нам нужно уходить.

Неожиданно в дверях появилась Морейн.

– Ты разговаривал со своим отцом об этом? – С головы до пят она была облачена в темно-серое, юбка с разрезом для езды верхом, и ее единственным золотым украшением сейчас было кольцо со змеем.

Ранд посмотрел на ее жезл – пламя, что он видел, не оставило никаких следов, даже пятен копоти.

– Я не мог уйти, не сообщив об этом отцу.

Она на мгновение задержала на Ранде свой взгляд, поджала губы, потом повернулась к другим:

– И вы тоже решили, что одной записки будет недостаточно?

Мэт и Перрин заговорили, перебивая друг друга, уверяя ее, что они только оставили записки, именно так, как она сказала. Кивнув, Морейн жестом заставила их замолчать и пристальным взглядом пронзила Ранда.

– Что сделано, то уже вплетено в Узор. Лан?

– Лошади готовы, – сказал Страж, – и у нас достаточно провизии, чтобы достичь Байрлона, и еще останется. Мы можем выступить в любой момент. Предлагаю прямо сейчас.

– Но не без меня! – В конюшню проскользнула Эгвейн, сжимая в руках узелок. От удивления и неожиданности Ранд чуть не упал на месте.

Меч Лана наполовину уже покинул ножны, когда Страж увидел, кто это, и глаза его внезапно потускнели. Перрин и Мэт залепетали, что никто из них не рассказывал Эгвейн об уходе. Айз Седай их уверений не слушала, а просто смотрела на Эгвейн, задумчиво постукивая пальцем по губам.

Капюшон темно-коричневого плаща Эгвейн надвинула, но он не скрывал того вызывающего взгляда, которым она дерзко ответила Морейн.

– У меня все с собой. И еда тоже. И я тут не останусь. Скорей всего, другой возможности повидать мир вне Двуречья мне больше никогда не подвернется.

– Это тебе не поездка на пикник в Мокрый лес, Эгвейн, – ухмыльнулся Мэт. А когда девушка глянула из-под опущенных бровей, он шагнул назад.

– Спасибо, Мэт. Вот уж не знала. По-твоему, только вам троим хочется посмотреть, что там, во внешнем мире? Я мечтала об этом не меньше твоего и не намерена упускать этот случай.

– Как ты узнала, что мы уходим? – спросил Ранд. – Все равно тебе нельзя идти с нами. Мы же уезжаем не ради забавы. За нами охотятся троллоки.

Эгвейн укоризненно посмотрела на него, и Ранд вспыхнул и выпрямился, кипя от негодования.

– Во-первых, – с бесконечным терпением сказала она ему, – я увидела крадущегося Мэта, который изо всех сил старался, чтобы его не заметили. Потом я увидела, как Перрин пытался спрятать под плащом этот нелепый громадный топор. Я знала, что Лан купил лошадь, и мне вдруг пришло на ум полюбопытствовать, зачем ему понадобилась еще одна. И раз уж он купил одну, почему бы ему не купить и другую? Сложив еще и Мэта с Перрином, которые шныряли вокруг, похожие на телят, прикидывающихся лисами... ну, я увидела лишь один ответ. Не знаю, удивилась я или нет, Ранд, застав тебя здесь, после всех ваших разговоров о своих мечтах. Раз в этом замешаны и Мэт, и Перрин, мне, наверное, надо было понять, что и ты от них не отстанешь.

– Я должен идти, Эгвейн, – сказал Ранд. – Все мы должны, иначе троллоки вернутся.

– Троллоки! – недоверчиво засмеялась Эгвейн. – Ранд, если ты решил посмотреть кусочек мира, это замечательно, но, пожалуйста, избавь меня от своих дурацких рассказней.

– Это правда, – сказал Перрин, а Мэт начал было:

– Троллоки...

– Довольно, – произнесла Морейн негромко, но беседа мигом оборвалась, словно ее ножом обрезало. – Кто-нибудь еще заметил все это? – Голос Морейн был тихим, но Эгвейн сглотнула комочек в горле и выпрямилась, прежде чем ответить.

– Со вчерашней ночи все только и думают о том, чтобы отстроиться заново и тому подобное и что делать, если случившееся повторится. Они ничего не увидят, если только им под нос не сунут. И я никому не говорила о своих подозрениях. Ни единой живой душе.

– Очень хорошо, – сказала Морейн через минуту. – Ты можешь отправиться с нами.

Выражение крайнего изумления промелькнуло на лице Лана. Только на миг, потом оно вновь стало внешне спокойным, но с уст Стража уже сорвались слова, звеневшие от ярости:

– Нет, Морейн!

– Теперь это часть Узора, Лан.

– Это нелепо! – возразил он. – Нет ни одной причины, чтобы она отправлялась с нами, и есть тысяча причин против этого.

– Для этого есть причина, – холодно ответила Морейн. – Часть Узора, Лан.

На каменном лице Стража не отразилось ничего, но он медленно кивнул.

– Но, Эгвейн, – сказал Ранд, – за нами будут гнаться троллоки. Пока не окажемся в Тар Валоне, нам грозит опасность.

– Не пытайся меня запугать, я не откажусь, – ответила она. – Я еду.

Ранду был знаком этот тон. Его он не слышал с тех пор, как она решила однажды, что лазить по самым высоким деревьям – дело в самый раз для детей, но Ранд хорошо помнил эти нотки.

– Если, по-твоему, забавно, когда за тобой гонятся троллоки... – начал было он, однако Морейн не дала договорить.

– На разговоры у нас нет времени. К рассвету нам надо быть как можно дальше отсюда. Если она останется здесь, Ранд, то поднимет на ноги всю деревню, не успеем мы и мили проскакать, и это наверняка послужит предупреждением для мурддраала.

– Я бы этого не сделала, – запротестовала Эгвейн.

– Она может ехать на лошади менестреля, – сказал Страж. – Я ему оставлю достаточно, чтобы он мог купить другую.

– Ну это вряд ли получится, – донесся с сеновала хорошо поставленный голос Тома Меррилина. На сей раз меч Лана вылетел из ножен, и Страж, когда поднял взгляд на менестреля, оружия не убрал.

Том скинул вниз скатанное одеяло, затем забросил на спину футляры с флейтой и арфой, а через плечо повесил переметные сумы.

– В этой деревне мне теперь делать нечего, а с другой стороны, в Тар Валоне я представления ни разу не давал. И хотя обычно я предпочитаю путешествовать в одиночку, после вчерашней ночи у меня нет никаких возражений против того, чтобы отправиться в путь в компании.

Страж придавил Перрина суровым взглядом, и тот опасливо поежился.

– На сеновал я и не подумал заглянуть, – пробормотал он.

Пока долговязый менестрель спускался с сеновала по приставной лестнице, Лан спросил подчеркнуто церемонно:

– Это тоже часть Узора, Морейн Седай?

– Все – часть Узора, мой старый друг, – мягко ответила Морейн. – Нам нельзя быть привередливыми. Но посмотрим.

Том ступил на пол конюшни и повернулся от лестницы, стряхивая солому со своего лоскутного плаща.

– Положительно, – произнес он спокойно, – я требую, чтобы меня приняли в компанию. Много часов я провел над бессчетными кружками эля в раздумьях о том, как окончу свои дни. Котла троллоков в моих планах не было. – Он искоса глянул на меч Стража. – В этом нет нужды. Я не сыр, чтобы меня пластать на ломтики.

– Мастер Меррилин, – сказала Морейн, – нам придется двигаться быстро и почти наверняка в большой опасности. По-прежнему кругом троллоки, и мы будем двигаться ночами. Вы уверены, что хотите пуститься в путь вместе с нами?

Том, насмешливо улыбнувшись, обвел всех взглядом:

– Если дорога не слишком опасна для девушки, вряд ли она окажется слишком опасной для меня. К тому же какой менестрель отказался бы столкнуться с маленькой опасностью ради выступления в Тар Валоне?

Морейн кивнула, и Лан вложил меч в ножны. Ранду вдруг стало интересно, а что произошло бы, если бы Том передумал или если бы Морейн не кивнула. Менестрель начал седлать свою лошадь как ни в чем не бывало и как будто схожие мысли не приходили ему в голову, однако Ранд заметил, что Том не один раз бросал короткие взгляды на меч Лана.

– Итак, – сказала Морейн. – Что с лошадей для Эгвейн?

– Лошади торговца не подойдут, как и дхурраны, – мрачно ответил Страж. – Сильные, но ни резвости, ни выносливости.

– Бела, – сказал Ранд, схлопотав от Лана взгляд, от которого юноше захотелось проглотить язык. Но он понимал, что не в силах отговорить Эгвейн; поэтому единственное, что оставалось, – это помочь ей. – Бела, может, и не такая быстрая, как остальные, но зато она выносливая. Иногда я на ней ездил верхом. Она не отстанет.

Лан заглянул в стойло Белы, что-то ворча себе под нос.

– Наверное, она будет немного лучше прочих, – сказал он в конце концов, – и не думаю, что есть выбор.

– Значит, она подойдет, – сказала Морейн. – Ранд, отыщи-ка седло для Белы. И поторопись! Мы и так уже слишком долго мешкали.

Торопливо Ранд выбрал седло и попону в упряжной, затем вывел Белу из стойла. Пока он прилаживал седло на спину кобылы, та в удивлении сонно оглядывалась на него. Когда юноша ездил на ней верхом, он не седлал ее, и до сих пор Белу под седлом не использовали. Успокаивающе причмокивая, Ранд затянул подпругу, и кобыла отнеслась к этой странной процедуре вполне мирно, лишь пару раз тряхнув гривой.

Взяв у Эгвейн котомку, он приторочил ее за седлом, пока девушка влезала на кобылу и приводила в порядок свои юбки. Они не были пригодны для верховой езды, поэтому ее ноги в шерстяных чулках оказались открыты до колен. На ногах у Эгвейн были такие же башмаки

из мягкой кожи, что носили все деревенские девушки. Для поездки в Сторожевой Холм, не говоря уж о Тар Валоне, они вовсе не годились.

– Я все равно считаю, что тебе не нужно ехать, – сказал Ранд. – Я не выдумываю про троллоков. Но обещаю позаботиться о тебе.

– Скорей я позабочусь о тебе, – беспечно ответила Эгвейн. На его сердитый взгляд она улыбнулась и, наклонившись, погладила юношу по волосам. – Я знаю, что я у тебя под прищотром, Ранд. Мы друг за другом будем приглядывать. А сейчас тебе лучше сесть на свою лошадь.

Ранд заметил, что остальные уже в седлах и ждут его. Единственной лошадьё без всадника оставался Облако – высокий, серой масти, с черными гривой и хвостом, принадлежавший раньше Джону Тэйну. Ранд залез в седло, хотя и не без труда, поскольку, едва он поставил ногу в стремя, серый вскинул голову и прынул в сторону, после чего ножны меча запутались в ногах у юноши. Не случайно его друзья не выбрали Облако. Мастер Тэйн частенько спорил с купцами, что его горячий серый обгонит любую купеческую лошадь, и Ранд знал, что пари тот ни разу не проигрывал, а еще Ранд знал, что Облако не всякому позволял без хлопот прокатиться в седле. Лану пришлось немало выложить, чтобы уговорить мельника на такую сделку. Когда Ранд устроился в седле, Облако загарцевал сильнее, будто готов был рвануть с места в карьер. Ранд потянул поводья и попытался думать, что никаких неприятностей у него не будет. Может, если он сумеет убедить в этом самого себя, то и лошадь удастся убедить.

Где-то в ночи гукнула сова, и четверо деревенских ребят вздрогнули, только потом поняв, что это был за звук. Они нервно рассмеялись и стыдливо переглянулись.

– В следующий раз мышь-полевка загонит нас на дерево, – со сдавленным смешком сказала Эгвейн.

Лан покачал головой:

– Лучше бы это были волки.

– Волки! – Воскликание Перрина привлекло к нему внимание все замечающего Стража.

– Волки не любят троллоков, кузнец, а троллоки не любят волков, и с собаками та же история. Если я слышу волков, то могу быть уверен, что там нас не поджидают троллоки. – Лан двинулся в залитую лунным сиянием ночь, пустив своего высокого вороного шагом.

За ним, нисколько не колеблясь, тронулась Морейн, подле Айз Седай, сбоку, держалась Эгвейн. Ранд и менестрель замыкали цепочку всадников – вслед за Мэтом и Перрином.

Позади гостиницы все было погружено в темноту и тишину, а конный двор пятнали лунные тени. Приглушенный стук копыт вскоре стих в ночи. В сумраке плащ Стража превратил его в тень среди теней. Только из-за того, что Лан вел отряд, остальные не сбивались тесной кучкой возле него. Выбраться из деревни незамеченными будет непросто, решил Ранд, подъехав ближе к воротам. По крайней мере, не замеченными односельчанами. Деревня мигала множеством бледно-желтых огоньков, сейчас в ночи они казались слабыми, но в окнах мелькали силуэты наблюдающих за происходящим на улице. Никому не хотелось вновь оказаться застигнутыми врасплох.

В глубокой тени рядом с гостиницей, как раз у выезда со двора конюшни, Лан резко остановился, коротким жестом приказав сохранять молчание.

По Фургонному мосту простучали башмаки, на мосту в лунном свете блеснул металл. Башмаки дробно протопали через мост, заскрипели по гравию и приблизились к гостинице. Из тени не донеслось ни звука. У Ранда возникло подозрение, что его друзья слишком испуганы, чтобы издать хоть писк. Как и он сам.

Шаги стихли возле гостиницы, в сумраке рядом с тусклым пятном света из окон общей залы. Ранд ничего там не разглядел, пока вперед не шагнул Джон Тэйн, с копьём на крепком плече, в старой короткой кожаной куртке-безрукавке с нашитыми на груди стальными бляхами. Вместе с ним – с дюжину мужчин из деревни и с близлежащих ферм, – кое-кто в шле-

мах или облаченные в отдельные части доспехов, что раньше годами пылились на чердаках, – все при оружии: одни с копьями, другие – с топором лесоруба на длинной ручке, третьи – с заржавленной алебардой.

Мельник всмотрелся в окно общей залы, затем повернулся, коротко бросив:

– Похоже, здесь все в полном порядке.

Остальные выстроились перед ним в неровную колонну по двое, и дозорные зашагали в ночь, будто маршируя под три разных барабана.

– Пара троллоков из стаи да'волов могут позавтракать ими всеми, – проворчал Лан, когда стихли шаги дозорных, – но у них есть глаза и уши. – Он развернул своего жеребца. – За мной!

Медленно и бесшумно Страж повел их обратно через двор конюшни, вниз на берег, через ивы и в Винный ручей. Быстрая холодная вода, поблескивая водоворотами вокруг лошадиных ног, лизала подметки сапог всадников – так глубок был Винный ручей у своего истока.

Вскарабкавшись на противоположный берег, цепочка лошадей двигалась след в след под искусным руководством Стража, держась в стороне от деревенских домов. Время от времени Лан останавливался, поднимая руку, чтобы никто не шумел, хотя никто ничего не видел и не слышал. Однако всякий раз вскоре мимо всадников проходил какой-нибудь отряд дозорных из селян или фермеров. Понемногу уезжающие приближались к северной околице деревни.

Ранд всматривался в высокие островерхие дома, стараясь лучше их запомнить. «Хороший же из меня искатель приключений, – подумал он. – Даже еще из деревни не выехал, а уже по дому затосковал». Тем не менее озираться по сторонам не перестал.

Вереница всадников миновала последние жилые дома на околице и двинулась по полям вдоль Северного большака, что вел к Таренскому Перевозу. Ранд подумал, что ночное небо наверняка нигде не будет таким красивым, как в Двуречье. Ничем не замутненная чернота простиралась в самую вечность, и мириады звезд мерцали в ней, подобные искоркам света на гранях кристалла. Луна, которую лишь тонкий ломтик отделял от полнолуния, висела так близко, что до нее можно было достать рукой, стоило только потянуться...

Черная тень медленно скользнула по серебристому лунному диску. Невольно дернув за поводья, Ранд остановил серого. Летучая мышь, мелькнуло у него в голове, но он понимал, что это не так. Для летучих мышей самое время вечером, когда они в сумерках ловят мух и мошкару. Крылья, что несли это создание, могли иметь похожие очертания, но двигались они медленными, мощными взмахами хищной птицы. И оно охотилось. То, как оно скользило туда-сюда по широким длинным дугам, не оставляло в этом никаких сомнений. Хуже всего дело обстояло с его размерами. Чтобы летучая мышь выглядела на фоне луны такой громадиной, она должна пролететь на расстоянии вытянутой руки от человека. Ранд попытался прикинуть, насколько далеко это создание и насколько оно велико. Туловище этого существа должно быть с человеческий рост, а размах крыльев... Оно опять пересекло лик луны, неожиданно сорвавшись вниз, и его поглотила ночная темень.

Ранд не замечал Лана, который, развернув жеребца, подскакал к нему. Страж ухватил его за локоть:

– Что ты стоишь тут и на что уставился, парень? Нам нужно двигаться дальше.

Остальные ожидали позади Лана.

Надеясь в душе на ответ, что он позволил страху перед троллоками обмануть свое зрение, Ранд рассказал Стражу об увиденном. Он надеялся, что Лан рассеет его страхи, объяснив все появлением летучей мыши или тем, что тень ему почудилась.

Лан процедил сквозь зубы слово, которое, казалось, оставило после себя у него во рту отвратительный привкус:

– Драгкар.

Эгвейн и остальные двуреченцы встревоженно уставились в небо, а менестрель тихо охнул.

– Да, – произнесла Морейн. – Размеры слишком велики, чтобы надеяться на что-либо другое. И если у мурддраала под началом драгкар, значит скоро ему станет известно, где мы находимся, если он этого пока не знает. Нам нужно двигаться еще быстрее, и лучше по дороге, чем напрямик через поля. Мы успеем добраться до Таренского Перевоза раньше мурддраала, а он и его троллоки так же легко, как мы, на другой берег не переправятся.

– Драгкар? – спросила Эгвейн. – А кто это?

Вместо Морейн ей хриплым голосом ответил Том Меррилин:

– Во время войны, которой завершилась Эпоха легенд, были созданы твари много хуже троллоков и Полулюдей.

При этих словах Морейн резко повернулась к менестрелю. Даже темнота не смогла скрыть пронзительность ее взгляда.

Прежде чем кто-то еще успел задать менестрелю вопрос, Лан принял решение:

– Сейчас мы выедем на Северный большак. Если вам дорога жизнь, следуйте за мной, не отставайте и держитесь все вместе.

Страж повернул коня, и все галопом поскакали вслед за ним.

Глава 11

Дорога на Таренский Перевоз

По плотно наезженному Северному большаку лошади понеслись во весь опор, они мчались на север, гривы и хвосты развевались в лунном сиянии, копыта выбивали ровный ритм. Впереди скакал Лан, черная лошадь и всадник, облаченный в тень, были почти незаметны в холодной ночи. За ним – Морейн: белая кобыла ни на шаг от жеребца не отставала, бледным копьём пронзая темноту. Следом скакали остальные такой тесной цепочкой, будто Страж тянул их всех на одной веревке.

Серый конь Ранда галопом мчался последним, чуть впереди Том Меррилин, дальше – все остальные. Менестрель ни разу даже головы не повернул, глядя перед собой, только вперед, туда, куда неся их отряд. Если сзади появятся троллоки, или Исчезающий на своей беззвучно ступающей лошади, или та летающая тварь, драгкар, то тревогу поднимать придется Ранду.

Каждые несколько минут Ранд вытягивал шею и оглядывался, цепляясь за гриву Облака и поводья. Драгкар... Хуже, чем троллоки и Исчезающие, сказал Том. Но небо было пусто, а на земле глаза видели лишь тьму и тени. Тени, которые могли скрывать целую армию.

Теперь, когда серого пустили свободно бежать, он призраком неся сквозь ночь, с легкостью поддерживая темп Ланова жеребца. И Облако хотел бежать еще быстрее. Он стремился нагнать вороного. Приходилось твердой рукой осаживать его, дергая поводья. Облако же, не обращая на одергивания Ранда внимания, рвался вперед, словно считал, что он на скачках, борясь с всадником за каждый шаг. Ранд слился с седлом и поводьями, чувствуя их каждым мускулом. Он лишь желал, чтобы лошадь не заметила тревоги всадника. Обнаружь ее Облако, юноша потерял бы свое единственное реальное преимущество, сколь бы непрочно оно ни было.

Пригнувшись к шее Облака, Ранд озабоченно посматривал на Белу и ее всадницу. Когда он говорил, что косматая кобыла не отстанет от остальных лошадей, то имел в виду отнюдь не такую скачку. Сейчас она вполне поспевала, хотя он не думал, что Бела угонится за другими. Лану не хотелось брать с собой Эгвейн. Снизит ли он из-за нее скорость, если Бела начнет сдавать? Или же он решит бросить ее? Айз Седай и Страж считали, что Ранд и его друзья чем-то важны, но, как бы там ни говорила Морейн об Узоре, он не думал, что Эгвейн значит для них что-то важное.

Если Бела отстанет, он тоже останется сзади, что бы ни сказали Морейн и Лан. Останется. Там, где Исчезающий и троллоки. Там, где драгкар. Всей душой, полной отчаяния, он безмолвно приказывал Беле мчаться как ветер, без слов внушая ей быть выносливой. «Скачи! – Кожу щипало, кости словно заморозило так, что они вот-вот расколются. – Да поможет ей Свет, скачи!» И Бела скакала.

Все дальше и дальше спешили они на север в ночи, время сливалось в размытое пятно. Тут и там мелькали вспышками окошки ферм, затем сразу же, в один миг, словно их и не было, исчезали. Неистовый собачий лай быстро стихал позади или резко обрывался, когда псы думали, что уже прогнали чужаков. Они скакали во тьме, которую не мог рассеять слабый свет бледной луны, во тьме, из которой внезапно выступали и в которой потом почти сразу исчезали придорожные деревья. Мрак, один лишь мрак окружал их со всех сторон, и только редкий крик ночной птицы, одинокий и печальный, нарушал мерный перестук копыт.

Внезапно Лан замедлил бег своего вороного, затем и совсем остановил колонну. Ранд не знал точно, сколько времени они уже скакали, но после такой скачки тупая боль разлилась по ногам. Впереди в ночной мгле сверкали огни: как будто небывалый рой светлячков завис между деревьев.

Ранд в замешательстве сдвинул брови, глядя на огоньки, потом чуть не задохнулся от изумления. Светлячки оказались освещенными окнами – окнами домов, что теснились на склонах и на вершине холма. Это был Сторожевой Холм. Ранду с трудом верилось, что они унеслись уже так далеко. Всадники проделали весь этот путь, наверное, быстрее, чем когда-либо. По примеру Лана Ранд и Том Меррилин спешили. Облако стоял, опустив голову, бока его вздымались. Ключья пены, почти неразличимые на дымчатых боках коня, покрывали пятнами его шею и плечи. Ранд подумал, что этой ночью Облако нести своего седока больше не в состоянии.

– Как бы мне ни хотелось оставить позади все эти деревушки, – заявил Том, – а отдохнуть несколько часов было бы весьма кстати. Как, мы достаточно оторвались, чтобы позволить себе передышку?

Ранд потянулся, потирая костяшками пальцев поясницу.

– Если мы хотим остановиться на остаток ночи в Сторожевом Холме, то, может, лучше продолжить путь?

Приблудившийся порыв ветра донес из деревни куплет песни, а еще – запахи стряпни, от которых у Ранда потекли слюнки. В Сторожевом Холме все еще праздновали. Там не было троллоков, чтобы расстроить у них Бэл Тайн. Ранд повернулся к Эгвейн. Она тяжело опиралась о Белу, едва не падая от усталости. Остальные тоже сползли с лошадей, со вздохами, потягиваясь, растирая ноющие мускулы. Лишь Айз Седай и Страж не выказывали никаких видимых признаков усталости.

– Я стерплю немного пения, – слабым голосом заговорил Мэт. – И может быть, в «Белом ведре» найдется горячий пирог с бараниной. – Помолчав, он добавил: – Дальше Сторожевого Холма я никогда не бывал. А «Белому ведре» ох как далеко до «Винного ручья».

– «Белый ведр» не так уж плох, – сказал Перрин. – От пирога с бараниной я бы тоже не отказался. И уймы горячего чая, чтобы выгнать холод из костей.

– Нам нельзя останавливаться, пока мы не переправимся через Тарен, – резко сказал Лан. – Только на несколько минут, и не дольше.

– Но лошади, – запротестовал Ранд. – Мы их загоним до смерти, если поскачем этой ночью дальше. Морейн Седай, вы, конечно же...

Он видел, как она ходит между лошадей, но не обращал особого внимания на то, что делает Морейн. Теперь она проскользнула мимо него и положила руки Облаку на шею. Ранд замолчал. Вдруг лошадь с тихим ржанием вскинула голову, чуть не вырвав поводья из рук Ранда. Серый затанцевал на месте с таким норовом, словно неделю простоял в конюшне. Не сказав ни слова, Морейн направилась к Беле.

– Я и не знал, что она умеет такое, – тихо сказал Ранд Лану, щеки юноши горели.

– Кому, как не тебе, должна была прийти в голову подобная мысль, – ответил Страж. – Ты же наблюдал за нею у постели своего отца. Она изгонит всю усталость. Сначала из лошадей, потом из вас.

– Из нас? А как же вы?

– Из меня – нет, овечий пастух. Пока я в этом еще не нуждаюсь. И не из самой себя. То, что она делает для других, она не может сделать для себя. Усталым будет скакать только один из нас. Вам лучше надеяться, что она не слишком устанет до того, как мы достигнем Тар Валона.

– Слишком устанет для чего? – спросил Ранд Стража.

– Ты оказался прав насчет своей Белы, Ранд, – сказала Морейн, стоя возле кобылы. – У нее хорошее сердце и столько же упорства, как у всех вас, двуреченцев. Странно, но она, похоже, устала меньше всех.

Вопль распорол тьму, вопль, словно сорвавшийся с губ умирающего под острыми ножами человека, и низко, над самыми головами отряда, просвистели крылья. Под тенью пронесшейся над отрядом твари сгустилась ночь. Испуганно заржав, лошади дико заметались из стороны в сторону.

Поток воздуха от крыльев драгкара обдал Ранда, и у него возникло ощущение, как от прикосновения липкого ила, как от сырой мути ночного кошмара, когда стучат зубы. Он даже испугаться не успел, как с пронзительным ржанием рванулся, встав на дыбы, Облако, неистово мотая головой, словно пытаясь сбросить какую-то прицепившуюся тварь. Ранда, ухватившегося за поводья, сбило с ног и проволокло по земле, а Облако ржал так, будто волки щелкали зубами, уже вплотную подбираясь к подколенным сухожилиям серого.

Каким-то чудом юноша удержал в руке поводья; помогая себе второй рукой, он с трудом поднялся на ноги. Чтобы не оказаться снова на земле, пока серый беспорядочно метался туда-сюда, ему приходилось то отпрыгивать в сторону, то семенить на месте, то уворачиваться. Дыхание Ранда от напряжения и усилий стало тяжелым, судорожно-неровным. Нельзя позволить Облаку вырваться и убежать. Отчаянно выбросив вперед руку, он едва сумел перехватить поводья у морды серого. Облако вскинулся, встал на дыбы, поднял юношу в воздух; Ранду оставалось лишь цепляться за уздечку, уповая на то, что лошадь в конце концов успокоится.

От удара о землю Ранд чуть не откусил себе язык, но неожиданно серый замер на месте, раздувая ноздри и вращая глазами. Он весь дрожал, а ноги у него словно одеревенели. Ранд тоже весь дрожал, тяжело повиснув на поводьях. «Должно быть, бедному животному тоже досталось», – подумал он. Юноша сделал три-четыре глубоких, с хрипом вдоха. Только потом он смог оглянуться по сторонам, чтобы выяснить, что там с остальными.

В отряде царил хаос. Все, натягивая поводья, едва удерживали при резких рывках лошадей, дергающих головами, тщетно стараясь успокоить шарахающихся животных, – люди и лошади беспорядочно кружили по дороге. Только у двоих, судя по всему, не возникло вообще никаких проблем с лошадьми. Морейн сидела в седле, выпрямив спину, ее белая кобыла деликатно отступила в сторону от всеобщей сумятицы, словно бы не случилось ничего необычного. Лан, все еще спешившийся, внимательно разглядывал небо, с мечом в одной руке и поводьями в другой; холеный вороной жеребец спокойно стоял рядом с ним.

Шум веселья больше не доносился из Сторожевого Холма. В деревне наверняка тоже услышали тот вопль. Ранд знал, что они какое-то время будут внимательно вслушиваться, возможно, и выглянут полюбопытствовать, что послужило причиной этого вопля, а потом вернуться к своему празднеству. Вскоре они позабудут про этот странный случай, воспоминание о нем утонет в песнях и в угощениях, в танцах и в шутках. Вероятно, когда они прослышат новости из Эмондова Луга, кто-то и припомнит пронзительно-жуткий крик и будет удивляться. И вот начала пиликать скрипка, чуть погодя к ней присоединилась флейта. Деревня вновь окуталась в праздник.

– На коней! – отрывисто скомандовал Лан. Вложив меч в ножны, он вскочил в седло. – Драгкар не стал бы появляться, если бы уже не доложил мурддраалу о нас. – Ветер донес еще один резкий взвизг – издалека, куда слабее, но от этого не менее неприятный. Музыка в Сто-

рожевом Холме разом оборвалась. – Теперь эта тварь следит за нами, отмечая наш путь для Получеловека. А он не так далеко.

Лошади, теперь не только освеженные, но и охваченные страхом, гарцевали и шарахались от своих седоков, пытающихся сесть в седла. Сыплющий проклятиями Том Меррилин оказался на своем мерине первым, за ним вскоре в седлах сидели все остальные. Все, кроме одного.

– Поторопись, Ранд! – крикнула Эгвейн. Драгкар вновь испустил душераздирающий вскрик, и Бела пробежала несколько шагов, прежде чем девушке удалось удержать кобылу. – Скорее!

Вздвигнув, Ранд понял, что, вместо того чтобы сесть на Облако, он стоит, запрокинув голову в небо в тщетной попытке обнаружить источник этих отвратительных, режущих слух воплей. Более того, неосознанным движением он выхватил меч, будто готовясь сразиться с летающей тварью.

Ранд покраснел, в душе порадовавшись, что в темноте краску, залившую его лицо, никто не разглядит. Неуклюже, так как в другой руке он сжимал поводья, он сунул клинок в ножны, бросив быстрый взгляд на остальных. Морейн, Лан и Эгвейн втроем смотрели на него, хотя он и не знал, что им удалось разглядеть в лунном сиянии. У других седоков была одна забота – удержать своих лошадей в подчинении, что и поглощало все их внимание. Ранд оперся рукой о переднюю луку и одним прыжком оказался в седле – будто только этим всю жизнь и занимался. Если кто-то из друзей и заметил обнаженный меч, наверняка Ранд об этом вскоре узнает. Потом будет время побеспокоиться и об этом.

Не успел Ранд устроиться в седле, как они снова поскакали галопом вверх по дороге, мимо купола холма. В деревне загавкали собаки, так что появление отряда совершенно незамеченным не прошло. «Или, может быть, собаки учуяли троллоков», – подумал Ранд. Лай быстро пропал за спиной, вместе с огнями деревни.

Лошади неслись плотной группой. Лан снова приказал растянуться в цепь, но никому не хотелось ни на миг остаться один на один с ночью. Откуда-то с высоты упал резкий крик. Страж уступил, и они вновь сбились вместе.

Ранд скакал сразу за Морейн и Ланом, серый всеми силами старался вклиниться между вороным Стража и изящной кобылой Айз Седай. По бокам юноши мчались наперегонки Эгвейн и менестрель, а друзья Ранда теснились позади. Облако, подгоняемый криками драггара, бежал так, что Ранд и помыслить не мог замедлить его бег, даже если бы и хотел, тем не менее серому никак не удавалось отыграть у двух других лошадей больше чем шаг. Леденящие крики драггара по пятам преследовали отряд в ночи.

Упорная Бела бежала, вытянув шею, с развевающимися на скаку гривой и хвостом, ни шагу не уступая большим лошадям. «Айз Седай нужно было сделать нечто большее, чем просто избавить ее от усталости».

На лице Эгвейн сияла в лунном свете восторженная улыбка. Коса ее развевалась, как гривы лошадей, и глаза девушки блестели не только от луны, в чем Ранд был уверен. Рот у него раскрылся от изумления, пока от попавшей в горло мошки он не закашлялся.

Должно быть, Лан задал какой-то вопрос, поскольку Морейн вдруг громко, перекрикивая ветер и топот копыт, сказала:

– Я не могу! Тем более на спине скачущей галопом лошади. Их не так просто убить, даже когда видишь. Мы должны скакать дальше и надеяться.

На полном скаку они пронеслись сквозь ключья тумана, почти прозрачного, стлавшегося на высоте колен лошадей. Облако пролетел сквозь него в два шага, и Ранд оторопело заморгал – не почудилось ли ему. В самом деле, для тумана ночь была слишком холодной. Еще один рваносерый лоскут, побольше первого, промелькнул мимо сбоку. Постепенно дымка росла, будто туман вытекал из земли. Над головами яростно вскрикнул драгкар. На несколько мгновений туман скрыл всадников и пропал, опять появился и исчез позади. Холодный как лед, он оставил

на лице и руках Ранда промозглую сырость. Затем перед всадниками проступила стена тускло-серого сумрака, которая внезапно окутала всадников. Стук копыт словно бы увязал в ее толще, а крики сверху доносились приглушенно, как сквозь стену. Ранду удалось различить по обе стороны от себя смутные очертания фигур Эгвейн и Тома Меррилина. Лан мчался впереди, не сбавляя скорости.

– Все равно нам нужно попасть в одно-единственное место! – крикнул он, голос звучал глухо, без повелительных ноток и непонятно откуда.

– Мурддраал хитер, – отозвалась Морейн. – Я обращу его хитрость против него самого. Дальше они мчались во весь опор, не говоря больше ни слова.

Темно-серый, наплывающий волнами туман затянул и небо, и землю, и всадники, сами обернувшиеся тенями, будто плыли меж ночных облаков. Исчезли из виду даже ноги лошадей.

Ранд поерзал в седле, отстраняясь от знобкого тумана. Одно дело – знать, что Морейн может творить такое, даже видеть ее за подобным занятием; но когда все это происходит с тобой, оставляя влагу на твоей коже, – это совсем иное. Ранд понял, что сдерживает дыхание, и обозвал себя по-всякому за тупость: нельзя же скакать всю дорогу до Таренского Перевоза вообще не дыша. Морейн применила Единую Силу на Тэме, и с ним вроде бы все в порядке. Однако ему пришлось заставить себя дышать нормально. Воздух был тяжелым, хоть и холоднее обычного, но более эта ночь ничем не отличалась от любой другой туманной ночи. Ранд сказал себе об этом, но, похоже, убедить себя не сумел.

Лан разрешил всем держаться плотнее, чтобы теперь каждый мог видеть контуры остальных в этой сырой, знобкой серости. Однако Страж по-прежнему не замедлял бешеный бег своего жеребца. Лан и Морейн, мчась бок о бок, уверенно вели отряд сквозь туман, словно ясно видели, что лежит впереди. Остальным оставалось только доверять им и скакать следом. И надеяться.

Они мчались галопом, и те жуткие вопли, что преследовали их, слабели, а потом затихли совсем, но на душе легче не стало. Лес и дома ферм, луна и дорога – все было закутано в туманный саван и скрыто от глаз. Когда отряд проносился мимо ферм, начинали лаять собаки, лай звучал в серой дымке глухо и отдаленно, но больше – никаких звуков, кроме монотонного перестука копыт. В этом невыразительном мертвенно-бледном тумане не менялось ничего. О том, сколько прошло времени, не говорило ничего – только усиливающаяся боль в бедрах и спине.

Ранд был уверен: должны пройти часы. Пальцы так долго сжимали поводья, что он сомневался, сможет ли разжать их, и гадал, в состоянии ли будет нормально ходить. Оглянулся юноша всего лишь раз. Сзади в тумане метались тени, но сколько их, он определенно сказать не мог. Даже не знал, на самом ли деле эти тени – его друзья. Сквозь плащ, сквозь куртку и рубашку просочились холод и сырость, они проникли чуть ли не до костей, – ощущение, по крайней мере, было именно такое. В том, что он не стоит на месте, а мчится сквозь ночь, убеждали лишь бьющий в лицо ветер да перекатывающиеся мускулы под шкурой его лошади.

Наверняка должны были пройти часы.

– Медленнее! – вдруг крикнул Лан. – Подбирайте поводья.

Ранд был так поражен, что Облако вклинился между Ланом и Морейн, вырвавшись вперед на полдюжину шагов, прежде чем Ранду удалось остановить своего серого. Тогда он смог изумленно оглядеться.

Со всех сторон в тумане смутно вырисовывались дома, непривычно высокие для Ранда. Раньше он никогда не бывал в этих местах, но часто слышал о них. Своей высотой дома были обязаны приподнятым фундаментам из рыже-коричневого камня – нелишняя предосторожность, когда весной Тарен выходит из берегов, разливаясь после таяния снегов в Горах тумана. Итак, они достигли Таренского Перевоза.

Лан пустил вороного боевого коня рысью вслед за Рандом:

– Не будь таким нетерпеливым, овечий пастух.

Смутившись, Ранд без всяких оправданий занял свое место в колонне; отряд двинулся дальше по деревенской улице. Лицо Ранда пылало, и с минуту туман приятно охлаждал щеки.

Невидимая в тумане приплутавшая собака яростно залаяла на всадников, потом убежала прочь. Тут и там засветились окошки – засуетились какие-то ранние пташки. Глухой стук копыт, далекий собачий лай, – больше поздний ночной час не тревожил ни единый звук.

Кое-кого из Таренского Перевоза Ранд встречал. Он постарался припомнить то небольшое, что знал о жителях этой деревни. Они редко предпринимали поездки в те места, что называли «нижними деревнями», задирая при этих словах носы кверху, словно унюхав что-то неприятное. Те немногие, которых он встречал, носили странные имена, типа Бугрень и Камнебот. Каждый в отдельности и все вместе, жители Таренского Перевоза имели репутацию прожженных плутов и мошенников. Говорили, что если вы пожали руку человеку из Таренского Перевоза, то надо не забыть после пересчитать свои пальцы.

Лан и Морейн остановились возле высокого темного дома, который ничем от других домов в деревне не отличался. Страж спрыгнул с коня, туман водоворотом закружился вокруг него, поплыл за ним полосой, когда Лан поднялся по лестнице к парадной двери. Оказавшись возле двери, что была на высоте человеческого роста от улицы, Лан забарабанил по ней кулаком.

– Мне почему-то казалось, что ему нужна была тишина, – пробормотал Мэт.

Лан дубасил по двери, в окне соседнего дома загорелась свеча, раздались негодующие крики, но Страж продолжал стучать.

Внезапно дверь распахнулась, в проеме возник мужчина в ночной рубашке, болтающейся у голых лодыжек. Масляная лампа у него в руке выхватывала из темноты узкое лицо с острыми чертами. Он открыл рот для гневной тирады, да так и остался стоять с открытым ртом, выпучив глаза, лишь вращая головой, озирая кружащиеся лохмы тумана.

– Это еще что такое? – произнес он. – Что это такое?

Холодные серые усики спиралью вползли в дверь, и человек поспешно отступил от них.

– Мастер Каланча, – сказал Лан. – Вы тот самый человек, кто мне нужен. Мы хотим переправиться на вашем пароме.

– Он ни разу не видел каланчи, – хихикнул Мэт. Ранд протестующе махнул рукой. Мужчина с острым лицом приподнял лампу и с подозрением всмотрелся вниз.

Спустя минуту мастер Каланча сварливо заявил:

– Паром ходит днем. Никак не ночью. Никогда! И не в такой туман. Возвращайтесь, когдазойдет солнце и рассеется туман.

Он было повернулся, собираясь уйти, но Лан ухватил его за запястье. Паромщик возмущенно открыл рот и втянул воздух. В свете лампы блеснуло золото – Страж стал отсчитывать ему в ладонь монеты, одну за другой. Каланча облизывал губы, пока звякали монеты, и придвигал голову ближе к своей руке, будто не веря глазам.

– И столько же потом, – сказал Лан, – когда мы благополучно окажемся на том берегу. Но отправляемся мы сейчас же.

– Сейчас же? – Пожевав нижнюю губу, напоминающий лицом хорька мужчина переступил с ноги на ногу и вгляделся в затянутую плотным туманом ночь, потом резко кивнул. – Значит, сейчас же. Ладно, руку отпустите. Мне нужно разбудить моих перевозчиков. Не думаете же вы, что я сам собираюсь тянуть паром?

– Я буду ждать у парома, – без всякого выражения сказал Лан. – Недолго.

Он выпустил руку паромщика.

Мастер Каланча прижал руку со стиснутыми в горсти золотыми к груди и, согласно кивая, суетливо захлопнул дверь бедром.

Глава 12

Через Тарен

Лан спустился по лестнице, велел отряду спешиться и вести лошадей в поводу за ним. Снова им пришлось поверить, что Страж знает, куда ведет. Туман вился у колен Ранда, пряча его ноги за молочно-бледной пеленой, в которой уже в ярде не было ничего видно. Бледная завеса не оставалась в городке такой тяжелой, как на Северном большаке, но своих спутников Ранд едва различал.

В ночи, кроме них, не двигалась ни одна живая душа. Еще в нескольких окнах зажелтели огни, но в толстых слоях тумана они расплывались тусклыми пятнами, и сквозь окружавший все серый сумрак чаще всего был виден только этот смутный свет. Иные дома, чуть выступавшие из бледной дымки, казалось, плыли в море облаков, а те, что вдруг возникали из тумана, оставляя ряды соседей прятаться в серости, словно бы стояли одни на мили вокруг.

Одеревенело шагая вслед за Стражем, болезненно морщась от тупой боли после долгой скачки, Ранд раздумывал, нельзя ли оставшийся путь до Тар Валона ему пройти пешком. Нет, конечно, сейчас идти пешком немногим лучше, чем скакать верхом, но просто едва ли не единственной частью тела, которая у него не болела, были ноги. По крайней мере, к ходьбе-то Ранд был привычен.

Лишь раз кто-то заговорил так громко, чтобы юноша явственно расслышал слова.

– Ты должен с этим справиться, – произнесла Морейн в ответ на не услышанные Рандом слова Лана. – Он и так много будет помнить, и с этим ничего не поделать. Если я проявлюсь в его мыслях...

Ранд хмуро подтянул на плечах промокший плащ, стараясь держаться поближе к остальным. Мэт и Перрин что-то ворчали недовольно себе под нос, сдавленно охая, когда натыкались ногой на невидимые камни, кочки и тому подобное. Том Меррилин тоже бормотал разные слова: «горячая еда», «огонь», «подогретое вино», – достигавшие ушей Ранда, но ни Страж, ни Айз Седай их не замечали. Эгвейн молча шагала одна, выпрямившись и высоко держа голову. Однако у нее была какая-то мучительно нерешительная походка, поскольку она, как и остальные из Двуречья, верхом ездить не привыкла.

Вот и получила она свое приключение, мрачно подумал Ранд, и чем дальше, тем больше он сомневался, замечает ли она такие мелочи, как туман, сырость или холод. Ему казалось, что должна быть разница между тем, сам ты ищешь приключения или тебя насильно в него втравили. Несомненно, захватывающе звучат сказания: бешеная скачка сквозь туман, а следом гонится драгкар и один Свет знает, что еще. Эгвейн наверняка взволнована; он же ощущал лишь холод и сырость и был рад, что вокруг него деревенские дома, пусть даже эта деревня и Таренский Перевоз.

Вдруг во мраке Ранд ткнулся носом во что-то большое и теплое – жеребец Лана. Страж и Морейн остановились, потом остановились и все остальные, принявшись теперь поглаживать и похлопывать своих лошадей, причем больше для того, чтобы успокоить не животных, а себя. Туман стал немного реже, что позволило им увидеть друг друга пояснее, но и только. Ноги по-прежнему скрывались в низких волнах серого половодья. Туманные валы поглотили дома совершенно.

Ранд осторожно провел Облако чуть вперед и с удивлением услышал, как подошвы его сапог шаркнули по дощатому настилу. Паромная пристань. Он с опаской отступил назад, осадив серого. Ранд слышал, что пристань в Таренском Перевозе... это как мост, никуда не ведущий, кроме как на паром. По слухам, Тарен был широк и глубок, с коварным течением и омутами, в которые могло утянуть и самого сильного пловца. Намного шире Винной реки, решил он. Да еще и туман тут... С облегчением Ранд почувствовал под ногами привычную землю.

Свирепое «ш-ш-ш!» Лана было столь же пронизывающим, как и туман. Страж взмахом руки подозвал всех, быстро шагнул к Перрину и откинул назад полы плаща коренастого парня, выставив напоказ громадный топор. Все еще ничего не понимая, Ранд послушно отбросил плащ с плеча, открыв взорам свой меч. Лан двинулся к своему жеребцу, когда в тумане появились качающиеся пятна света и приглушенно зашуршали приближающиеся шаги.

В сопровождении шести молодых с туповатыми физиономиями и в грубоотканой одежде явился мастер Каланча. Факелы в их руках выжгли вокруг них лоскут тумана. Когда они остановились, осветив отряд из Эмондова Луга, серая стена окружающего тумана будто уплотнилась из-за отражающегося от нее света факелов. Паромщик внимательно оглядел всех с ног до макушки, склонив голову набок, нос его сморщился и зашевелился, как у приноживающейся ласки, опасаящейся капкана.

Лан с нарочитой небрежностью прислонился к седлу, причем рука его подчеркнута случайно легла на длинную рукоять меча. Воздух вокруг него упруго сжался, словно металлическая пружина. Страж ждал.

Ранд торопливо скопировал позу Лана, – по крайней мере, так же положив руку на меч. У него и в мыслях не было, что ему удастся добиться такой же смертоносной сутулости. «Если я попробую так сделать, они наверняка на смех меня подымут».

Перрин подвигал в кожаной петле топор и нарочито неспешно расставил ноги. Мэт положил ладонь на колчан, хотя Ранд не был уверен, что тетива его лука в хорошем состоянии, – из-за всей этой сырости. Том Меррилин с важным видом выступил вперед, поднял руку, медленно повернул ладонь, показывая, что она пуста. Вдруг он резко взмахнул рукой, и между пальцев менестреля завертелся кинжал. Рукоять шлепнула в ладонь, и Том, сразу приняв безразличный вид, принялся подравнивать ногти острием.

Раздался тихий восхищенный смех Морейн. Эгвейн захлопала в ладоши, как будто смотрела представление на празднике, потом уронила руки и смущенно потупилась, хотя и с трудом сдерживала улыбку.

Каланче, похоже, было совсем не до смеха. Широко раскрытыми глазами он уставился на Тома, затем громко откашлялся.

– Кто-то говорил, что за переправу будет уплачено золота больше. – Он вновь оглядел всех мрачным бегающим взглядом. – То, что вы дали мне раньше, уже в надежном месте, ясно? Ни одной монеты вам не видать.

– Остальное золото, – сказал ему Лан, – окажется в ваших руках, когда мы ступим на другой берег. – Страж чуть встряхнул зазвеневший кожаный кошель у него на поясе.

Тут же глаза паромщика метнулись на звон золота, но в конце концов он кивнул.

– Ладно, тогда этим и займемся, – пробормотал он и прошагал на пристань во главе шести своих помощников. Туман расступился перед факелами; серые щупальца сомкнулись за ними, быстро заполняя место, где стояли раньше паромщик и его шестерка.

Сам паром представлял собой деревянную баржу с высокими бортами, обшитыми досками, со сходнями, которые опускались на берег с носа и кормы. Канаты толщиной с человеческую руку, проходящие вдоль бортов, крепились к массивным столбам на пристани. Дальше канаты терялись в ночи за рекой. Подручные паромщика вставили факелы в железные держатели по бортам парома, подождали, пока всех лошадей завели на баржу, затем подняли сходни. Под копытами и сапогами заскрипела палуба, и паром качнуло под тяжестью людей и животных.

Каланча буркнул что-то, заворчав, чтобы все держали лошадей поближе к середине и не мешали перевозчикам. Он покрикивал на своих помощников, гоняя их туда-сюда, пока они готовили паром к отплытию, но те, невзирая на окрики хозяина, двигались без всякого желания и какой-либо спешки, на что паромщик реагировал с полным равнодушием, зачастую обрывая распоряжение на полуслове, чтобы приподнять факел повыше и еще раз взглянуть в туман. В конце концов он совсем замолчал и отошел на нос, где встал, вперясь взглядом в белесую дымку, за которой пряталась река. Он не шевелился, пока один из перевозчиков не тронул его за руку; тогда паромщик вздрогнул, свирепо оглянувшись.

– Что? А, это ты? Готовы? Давно пора. Ну, парни, чего ждете? – Будто позабыв про свой факел, он замахал руками так суматошно, что лошади всхрапнули и попятнулись. – Отчаливай! Посторонитесь! Пошевеливайтесь!

Работники Каланчи засуетились, исполняя распоряжение, и паромщик опять устался в туман, нервно потирая куртку на груди.

Паром накренился, когда отдали швартовы, и его подхватило сильное течение, затем опять накренился, когда направляющие тросы удержали его. Перевозчики, по трое с каждого борта, крепко ухватились за канаты в передней части парома и, что-то негромко приговаривая, с усилием зашагали к корме, изо всех сил борясь с окутанной сумраком рекой.

Пристань поглотил туман, узкие и длинные бледные ленты его плыли над паромом между дрожжащими огнями факелов. Течение покачивало баржу. Двигались, казалось, лишь перевозчики: вперед, чтобы ухватиться за канаты, и назад, подтягивая паром дальше, – упорно, непрерывно. Никто не разговаривал. Ребята сбились в кучку в самой середине парома. Они слышали, что Тарен гораздо шире, чем знакомые им реки, а из-за тумана его ширина для них стала еще громадней.

Через какое-то время Ранд передвинулся поближе к Лану. От рек, которые нельзя перейти вброд, или переплыть, или хотя бы окинуть взглядом, он испытывал какое-то гнетущее чувство, как и любой человек, никогда не видевший ничего шире или глубже прудов Мокрого леса.

– А они на самом деле могли попробовать ограбить нас? – спросил он тихо. – Он ведет себя так, будто боится, что это мы хотим его ограбить.

Страж окинул взглядом паромщика и его помощников, – похоже, никто не прислушивался к разговору, – прежде чем ответить таким же тихим голосом:

– С туманом, что скрывает их... ну если что-то люди делают втайне, они порой ведут себя с чужаками так, как ни за что не стали бы поступать, следи за ними другие глаза. И тот, кто сам скорее навредит незнакомцу, более склонен думать, что чужак навредит ему. Этот мальш... Я считаю, что он продаст свою мать троллокам на жаркое, если они сойдутся в цене. Я немного удивлен твоим вопросом. В Эмондовом Лугу я слышал, как вы отзываетесь о жителях Таренского Перевоза.

– Да, но... Ну, все говорят, что они... Но я никогда не думал, что они и вправду... – Ранд решил: надо положить конец всяким мыслям, будто он вообще хоть что-то знает о людях не из своей деревни. – Он может рассказать Исчезающему, что мы переправились на пароме, – проговорил он наконец. – Может, он троллоков на наш след наведет.

Лан скупо улыбнулся:

– Грабить незнакомцев – это одно, а иметь дело с Получеловеком – нечто совершенно иное. Ты можешь себе представить, чтобы он взялся перевозить на пароме троллоков, да еще в такой туман, сколько бы золота ему ни посулили? Или даже то, как он разговаривает с мурддраалом, будь у него выбор? При одной мысли об этом паромщик будет бежать целый месяц без оглядки. Не думаю, что нам стоит тревожиться о приспешниках Темного в Таренском Перевозе. Не здесь. Мы в безопасности... на время, по крайней мере. Во всяком случае, такой поворот событий нам не грозит. Но придержи язык.

Каланча бросил рассматривать туман и обернулся. Подавшись вперед и подняв вверх факел, он уставился на Лана и Ранда, словно впервые их увидел. Доски настила поскрипывали под ногами перевозчиков, иногда глухо стучало копыто. Внезапно острые черты лица паромщика исказились, он дернулся, поняв, что они наблюдают за тем, как он рассматривает их. Подскачив, он волчком крутанулся на месте, опять принявшись высматривать противоположный берег или еще что-то в наплывах непроглядного тумана.

– Больше ни слова, – сказал Лан так тихо, что Ранд едва-едва его услышал. – Это плохие дни, чтобы говорить о троллоках, о приспешниках Темного или об Отце Лжи, когда рядом чужие уши. Подобный разговор может обернуться худшим, чем нацарапанный на твоей двери клык Дракона.

У Ранда пропала всякая охота продолжать расспросы. Подавленность охватила его сильнее прежнего. Приспешники Темного! Как будто мало забот с Исчезающим, троллоками, драг-каром. При виде троллока хоть разговаривать можно.

Неожиданно из тумана впереди смутно очертились сваи. Паром глухо толкнулся о берег, и перевозчики торопливо бросились привязывать судно, а потом с тяжелым ударом опустили сходни. Мэт и Перрин во всеулышание заявили, что Тарен и вполтину не так широк, как им говорили. Лан повел своего жеребца вниз по сходням, за ним – Морейн и остальные. Когда Ранд последним ступил за Белой на сходни, гневно завопил мастер Каланча:

– Эй, эй! Там! Где мое золото?

– Вы его получите, – донесся откуда-то из тумана голос Морейн. Сапоги Ранда ступили со сходней на деревянную пристань. – И серебряная марка каждому вашему человеку, – добавила Айз Седай, – за быструю переправу.

Паромщик заколебался, вытянув голову вперед, словно чуя опасность, но перевозчики при упоминании о серебре оживились. Некоторые замешкались, выхватывая из скоб факелы, но дружной гурьбой все протопали по сходням мимо Каланчи, не дав тому и рта раскрыть. С угрюмым видом паромщик последовал за своей командой.

Пока Ранд осторожно шел по пристани, копыта Облака в тумане стучали приглушенно. Серая стена тумана здесь была такой же плотной, как и над рекой. В конце пристани стоял Страж и раздавал монеты перевозчикам, вокруг него потрескивали факелы Каланчи и его людей. Остальные, кроме Морейн, встревоженно жались за спиной Стража. Айз Седай стояла чуть в стороне и смотрела на реку, хотя что она там могла увидеть, Ранду было совершенно непонятно. Знобко вздрогнув, юноша подтянул насквозь промокший плащ. Вот он и на самом деле вне Двуречья, оно казалось таким далеким, намного дальше, чем за рекой.

– Вот, – произнес Лан, вручая последнюю монету Каланче. – Как договаривались. – Он не стал убирать кошель, и мужчина с лицом хорька жадно впился в него взором.

Раздался громкий скрип, пристань вздрогнула. Каланча дернулся, голова резко, как на шарнире, мотнулась в сторону затянутого туманом парома. Оставшиеся там факелы превратились в пару расплывчатых блеклых клякс света. Пристань застонала, и с оглушительным треском ломающегося дерева эти пятна-близнецы наклонились, затем начали вращаться. Эгвейн ойкнула, а у Тома вырвалось проклятие.

– Он отвязался! – вскрикнул Каланча. Хватая своих перевозчиков, он принялся толчками гнать их к концу пристани. – Паром отвязался, вы, дурачье! Ловите его! Ловите!

После тычков Каланчи перевозчики сделали, спотыкаясь, несколько шагов, но потом остановились. Неясные огоньки на пароме закружились быстрее, потом еще быстрее. Туман над ними клубился вихрем, завиваясь в спираль. Пристань дрожала. Треск и хруст ломающегося дерева наполнили воздух, когда паром начал разваливаться на части.

– Водоворот, – произнес один из перевозчиков, в голосе его звучал благоговейный страх.

– На Тарене нет водоворотов, – бесцветно произнес Каланча. – Никогда не бывало водоворотов...

– Несчастный случай. – Голос Морейн звучал глухо в тумане, превратившем ее, когда она отвернулась от реки, в тень.

– Несчастный, – согласился ровным тоном Лан. – Похоже, какое-то время вам никого не придется переправлять через реку. Жаль, что вы потеряли свое судно на нашей службе. – Страж опять порылся в кошельке, что был у него в руке. – Это возместит вам потерю.

На минуту Каланча уставился на золото, блестящее в свете факела на ладони Лана, потом он сгорбился, и взгляд его забегал по его недавним пассажирам. Ребята из Эмондова Луга, плохо различимые сквозь туман, стояли молча. С испуганным нечленораздельным воплем паромщик выхватил у Лана монеты, крутанулся на каблуках и припустил бегом в туман. Его подручные отстали от него лишь на полшага, и свет факелов рассеялся в тумане, когда перевозчики исчезли вверх по реке.

– Больше нас здесь ничто не держит, – сказала Айз Седай, будто ничего из ряда вон выходящего не случилось. Взяв под уздцы свою белую кобылу, она направилась прочь от пристани вверх по берегу.

Ранд стоял, разглядывая скрытую туманом реку: «Это могло оказаться чистой случайностью. Он сказал, что никаких водоворотов, но...» Вдруг он заметил, что остальных уже не видно, и торопливо стал подниматься по отлогому берегу.

Через три шага плотный туман исчез. Ранд встал как вкопанный и обалдело оглянулся. По одну сторону над берегом висел тяжелый туман, а по другую – раскинулось ясное ночное небо, по-прежнему темное, хотя четко очерченный лунный диск намекал, что рассвет уже близко.

Страж и Айз Седай совещались возле своих лошадей, в нескольких шагах от границы тумана. Остальные плотной группой стояли чуть в стороне; даже в лунном полусумраке их нервозность была очевидной. Все взоры были прикованы к Лану и Морейн, и все, кроме Эгвейн, стояли в таких напряженных позах, будто разрывались между опасением потерять из виду эту пару и страхом подойти к ним слишком близко. Ранд рысью пробежал последние несколько шагов до Эгвейн, ведя следом Облако, и она улыбнулась юноше. Он подумал, что глаза у нее блестят не только от лунного сияния.

– Он тянется вдоль реки, словно по нарисованной линии, – говорила Морейн довольным тоном. – В Тар Валоне нет и десяти женщин, которым это под силу сделать в одиночку. Не говоря уже о том, чтобы сотворить подобное со спины несущейся галопом лошади.

– Я нисколько не намерен высказывать недовольство, Морейн Седай, – сказал Том, в манере совершенно необычной для него, – но не лучше ли будет скрывать нас и дальше? Скажем, до Байрлона? Если драгкар обыщет этот берег реки, мы потеряем все наше преимущество.

– Драгкар не очень сообразителен, мастер Меррилин, – холодно сказала Айз Седай. – Грозный и смертельно опасный, с острым взором, но ума маловато. Он доложит мурддраалу, что этот берег реки чист, а сама река затянута туманом на мили в обе стороны. Мурддраалу станет известно о тех особых усилиях, которых это мне стоило. Он будет вынужден предположить, что мы можем ускользнуть по реке, и это задержит его. Ему придется разделить свои силы. Туман продержится еще долго, и мурддраалу не понять, не уплыли ли мы на лодке. Я могла бы оттянуть часть тумана к Байрлону, но тогда драгкару не составит труда обыскать реку целиком за несколько часов, и мурддраал точно узнает, куда мы направляемся.

Том чмокнул губами и качнул головой.

– Приношу свои извинения, Айз Седай. Надеюсь, я не оскорбил вас.

– Э-э... Мо... э-э... Айз Седай. – Мэт умолк, чтобы сглотнуть комок в горле. – Паром... э-э... это вы... то есть... я не понимаю зачем... – Он еще что-то едва слышно промямлил, замолк, и воцарилась такая глубокая тишина, что самым громким звуком, что расслышал Ранд, было его собственное дыхание.

Наконец Морейн заговорила, и голос ее в звенящей тишине прозвучал резко:

– Вы все хотите объяснений, но, начни я объяснять вам каждое свое действие, у меня больше ни на что не останется времени. – Облитая лунным сиянием, Айз Седай словно стала выше ростом, угрожающе возвышаясь над ними. – Запомните: я намерена доставить вас в целости и сохранности в Тар Валон. Это единственное, что вам нужно знать.

– Если мы так и будем тут стоять, – вмешался Лан, – то драггару вовсе не потребуется обыскивать реку. Если я правильно помню... – Он повел своего коня дальше, вверх по речному берегу.

Ранд перевел дыхание, как будто движение Стража отпустило что-то у него в груди. Он услышал вздохи остальных, даже Тома, и припомнил старую поговорку: «Лучше плюнуть в глаза волку, чем перечить Айз Седай». Тем не менее напряжение спало. Больше Морейн не казалась такой угрожающе высокой – она была едва ли ему по грудь.

– Видно, нам не удастся немного отдохнуть, – сказал с затаенной надеждой в голосе Перрин, зевнув во весь рот. Эгвейн, устало вздохнув, привалилась к Беле.

В этом вздохе Ранд впервые уловил какой-никакой намек на разочарованность. «Может, теперь ей станет понятно, что это вовсе не такое грандиозное приключение». Затем Ранд виновато вспомнил, что он, в отличие от нее, проспал весь день.

– Нам нужно отдохнуть, Морейн Седай, – сказал он. – В конце концов, мы же всю ночь проскакали верхом.

– Тогда предлагаю взглянуть, что там для нас у Лана, – сказала Морейн. – Идемте.

Она повела их вверх по берегу, в лес за рекой. От голых ветвей тени стали еще плотнее. Через добрую сотню спанов от Тарена открылся темный холм, с большой поляной перед ним. Когда-то давнее половодье подмыло и опрокинуло на этом месте целую рощицу, превратив ее в огромный плотный клубок, на вид сплошную массу перепутанных стволов, ветвей и корней. Морейн остановилась, и неожиданно низко над землей возник огонек, приближаясь из-под нагромождения деревьев.

Из-под холма, вытянув перед собой обломок факела, вылез Лан и встал.

– Нежданных гостей не было, – сказал он Морейн. – И дрова, что я припас, до сих пор сухие, так что я развел небольшой костерок. Мы отдохнем в тепле.

– Вы рассчитывали, что у нас будет здесь привал? – удивленно спросила Эгвейн.

– Место казалось вполне подходящим, – ответил Лан. – При любых обстоятельствах лучше быть предусмотрительным.

Морейн взяла у него из рук факел.

– Вы позаботитесь о лошадях? Когда закончите, я займусь вами. А сейчас я хочу поговорить с Эгвейн. Эгвейн?

Ранд смотрел, как обе женщины нагнулись и исчезли под громадным завалом древесных стволов. Там оказался низкий вход, в который можно было с трудом пролезть. Свет факела пропал.

Во вьюках, приготовленных Ланом, были, помимо прочего, уложены торбы и немного овса, но расседлывать лошадей Страж не позволил. Вместо этого он достал путы, также упакованные в седельные вьюки.

– Без седел им отдыхать было б удобней, но, если придется быстро уходить, заново седлать их времени не будет.

– По-моему, они выглядят так, будто им вообще не нужен отдых, – сказал Перрин, пытаюсь накинуть торбу на морду своей лошади. Та, прежде чем дать ему возможность набросить лямки, пару раз вскинула голову. Облако тоже заставил Ранда потрудиться – только с третьего раза ему удалось надеть торбу на серого.

– Нужен, – сказал Лан. Он выпрямился, стреножив своего жеребца. – Да, скакать они еще могут. Дай им волю, они помчатся изо всех сил, и еще быстрее, а потом упадут замертво от изнурения, которого и не почувствуют. Я бы предпочел, чтобы Морейн Седай не делала того, что она делает, но это необходимо. – Он похлопал жеребца по шее, и тот качнул головой, как бы благодаря Стража. – Следующие несколько дней, пока они не оправятся, нам нужно их придерживать. Придется скакать намного медленнее, чем мне бы хотелось. Но, если повезет, этого будет достаточно.

– Это то?.. – Мэт громко сглотнул. – Это то, о чем она говорила? О нашей усталости?

Ранд потрепал Облако по шее и уставился взглядом в никуда. Несмотря на то что она сделала для Тэма, ему как-то не хотелось, чтобы Айз Седай использовала Силу на нем. «Свет, да она почти призналась, что утопила паром!»

– Нечто вроде этого, – криво усмехнулся Лан. – Но вам не грозит загнать себя до смерти. Не понадобится, если только дела не пойдут намного хуже, чем сейчас. Думайте обо всем только как о дополнительном ночном сне.

Внезапно душераздирающий вопль драгара эхом прокатился над затянутой туманом рекой. Даже лошади застыли. Вновь, уже ближе, донесся крик, потом опять, словно иглами вонзаясь в череп Ранда. Затем крики стали слабеть, пока не затихли совсем.

– Повезло, – выдохнул Лан. – Тварь обыскивает реку, высматривая нас. – Страж быстро пожал плечами и продолжил вдруг совершенно прозаически: – Давайте внутрь. Мне хватит горячего чаю и еще чего-нибудь, чтобы не было пусто в животе.

Первым в лаз, ведущий вглубь путаницы деревьев, согнувшись в три погибели, на четвереньках пополз вниз по короткому туннелю Ранд. В конце прохода он, по-прежнему скорчившись, остановился. Впереди открылась пещера с неровными стенами, образованная переплетением стволов и ветвей, вполне просторная, чтобы вместить весь отряд. Под низким сводом выпрямиться во весь рост могли только женщины. Дым от небольшого костерка, горевшего на основании из речной гальки, поднимался вверх и уходил наружу через переплетение ветвей – оно было таким плотным, что наружу не пробивалось ни единого проблеска пламени, но тяга оказалась достаточной. Морейн и Эгвейн сидели лицом друг к другу у костра, скрестив ноги и откинув в стороны плащи.

– Единая Сила, – говорила Морейн, – берет начало от Истинного Источника – движущей силы Создания, силы, которая волей Создателя заставляет вращаться Колесо Времени. – Она вытянула руки перед собой и сложила ладонями вместе. – Саидин, мужская половина Истинного Источника, и *саидар*, женская половина, действуют друг против друга и одновременно вместе, составляя эту силу. Саидин... – она подняла руку, затем уронила ее, – запятнан прикосновением Темного, словно вода с тонкой пленкой прогорклого масла, плавающего наверху. Вода по-прежнему чиста, но коснуться ее, не запачкавшись при этом, нельзя. Безопасно можно пока пользоваться только саидар.

Эгвейн сидела спиной к Ранду. Он не видел ее лица, но девушка вся подалась вперед, жадно ловя каждое слово Айз Седай.

Сзади Ранда пихнул Мэт, что-то пробурчав при этом, и тот вполз в древесную пещеру. На появление Ранда ни Морейн, ни Эгвейн не обратили никакого внимания. Вслед за ним втиснулись остальные мужчины, они сбросили промокшие плащи и расположились вокруг костра, протягивая руки к теплу. Лан, пролезший внутрь последним, вытащил из укромного уголка в стене бурдюки с водой и кожаные мешки, достал чайник и занялся приготовлением чая. Он не обращал внимания на разговор женщин, но друзья Ранда забыли о том, чтобы греть руки

над огнем, и в открытую таращили глаза. Том делал вид, что всецело занят набиванием своей резной трубки, но его выдавало то, как он немного наклонился в сторону Айз Седай. Морейн и Эгвейн вели себя так, будто, кроме них, никого вокруг не было.

– Нет, – сказала Морейн, отвечая на вопрос, который Ранд прослушал, – Истинный Источник нельзя вычерпать до конца, так же как нельзя вычерпать реку мельничным колесом. Источник – это река, а Айз Седай – водяное колесо.

– И вы думаете, я могу научиться? – спросила Эгвейн. Она вся сгорала от нетерпения. Ранд никогда не видел ее такой красивой и такой далекой от него. – Я смогу стать Айз Седай?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.